

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

№ 9
Часть IV

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
ПО МАТЕРИАЛАМ IX МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 31 ДЕКАБРЯ 2015 Г.

ISSN 2413-0869

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Сборник научных трудов
по материалам
IX Международной научно-практической конференции

г. Белгород, 31 декабря 2015 г.

В восьми частях
Часть IV

Белгород
2015

УДК 001
ББК 72
С 56

Современные тенденции развития науки и технологий :
С 56 сборник научных трудов по материалам IX Международной научно-практической конференции 31 декабря 2015 г.: в 8 ч. / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. – Белгород : ИП Ткачева Е.П., 2015. – № 9, часть IV. – 156 с.

В сборнике рассматриваются актуальные научные проблемы по материалам IX Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 31 декабря 2015 г.).

Представлены научные достижения ведущих ученых, специалистов-практиков, аспирантов, соискателей, магистрантов и студентов по филологии и истории.

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) по договору № 301-05/2015 от 13.05.2015 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.issledo.ru

УДК 001
ББК 72

ISSN 2413-0869

© Коллектив авторов, 2015
© ИП Ткачева Е.П. (АПНИ), 2015

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	5
<i>Enebish T.</i> ORGANIZING CHINESE PRACTICE LESSON USING GAMES	5
<i>Алтантуяа Б.</i> ПЕРСОНАЖИ В МОНГОЛЬСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ	7
<i>Аршинская Н.А.</i> ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ	10
<i>Бердимуратова К.С.</i> НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ОТРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА СВАДЬБА/ТОЙ В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ	16
<i>Бибилова Р.П., Бутаева М.С.</i> СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНО- ГУМАНИТАРНОГО СТИЛЯ РЕЧИ (НА ПРИМЕРЕ АТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)	21
<i>Бикмаева Л.У., Диваев Р.Р.</i> ДУХОВНЫЙ РОСТ ЧЕЛОВЕКА	26
<i>Веденяпина Э.А.</i> ПУШКИН. ЛЕРМОНТОВ. ДВА ПРОРОКА	28
<i>Велиева Г.И.</i> ПРОГРЕССИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	32
<i>Войтова Н.А.</i> ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С СОМАТОНИМАМИ «ГЛАЗ», «НОС», «УХО» И «ЯЗЫК» В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ	35
<i>Воробьева Г.В., Хрипунова Е.В.</i> СОЦИАЛИЗАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ В ВОЛГОГРАДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ. К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	41
<i>Вотинцева Е.В.</i> ПРИОРИТЕТНЫЕ ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН	44
<i>Галиева Р.Р.</i> КОМПОНЕНТЫ СИТУАЦИИ ДЕСТРУКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ	46
<i>Гречачин В.А.</i> ПОНЯТИЕ ТОКЕНИЗАЦИИ В КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	49
<i>Зиновьева Т.В.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА	51
<i>Ивденко Н.В.</i> ДЕКОНСТРУКЦИЯ МОДЕЛИ ВИКТОРИАНСКОГО РОМАНА В «СЛУЧАЙНОЙ ВАКАНСИИ» ДЖ. К. РОУЛИНГ	55
<i>Исмаилова С.Н.</i> ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЙ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ ИССЛЕДУЕМУЮ ДИХОТОМИЮ «КРАСОТА- БЕЗОБРАЗИЕ»	58
<i>Ичинхорлоо Ц.</i> ОБ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВАХ В ПРОИЗВЕДЕНИИ «СОН КРАСНОГО ДВОРЦА», ПЕРЕВЕДЕННОМ ХАСБУУ	60
<i>Коваленко Г.Ф.</i> СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОНАЛЬНОСТИ КРУГЛОГО СТОЛА	65
<i>Масленникова Л.Н.</i> ПАРЕМИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В СОСТАВЕ КОНЦЕПТА «РОДНОЙ ГОРОД»	70
<i>Моргоева Л.Б.</i> К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ АДАПТАЦИИ КАВКАЗСКИХ ЗАЙМСТВОВАНИЙ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ	74
<i>Натхо О.И.</i> ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА	78

<i>Ненарокова М.Р.</i> СТИХОТВОРЕНИЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ВЫХОЖУ ОДИН Я НА ДОРОГУ...»: КОММЕНТАРИЙ К ДАТСКОМУ ПЕРЕВОДУ	85
<i>Никифорова Е.Н., Кабанова С.А.</i> ИЗОБРАЖЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ РАДОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ И ПИВОВАРОВОЙ).....	92
<i>Прах Д.А.</i> ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ВОЕННЫХ ТЕРМИНОВ С ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА ТЕКСТА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ	97
<i>Савельев Ю.Н.</i> ТРУДНОСТИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ	100
<i>Сергеева А.В.</i> НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТАХ	102
<i>Смирнова Е.Е.</i> ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТОВ ПРАВДА И ИСТИНА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ПО ДАННЫМ ТЕКСТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)	105
<i>Ульбиева Я.С.</i> НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ МЕСТА СЛОВ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ РУССКОГО ЯЗЫКА	110
<i>Фаткуллина Ф.Г., Саяхова Дилара К., Саяхова Динара К.</i> СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПОТЕНЦИИ ГЛАГОЛОВ ДЕСТРУКТИВНОЙ СЕМАНТИКИ	114
<i>Хадашева С.А., Чекаева Е.С.</i> СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С ПРИДАТОЧНОЙ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЙ ЧАСТЬЮ В РУССКОМ И ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКАХ	116
<i>Чиронов С.В.</i> НАРЕЧНАЯ ДЕИНТЕНСИФИКАЦИЯ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ	119
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ»	129
<i>Дарчиев А.В.</i> ИЗУЧЕНИЕ ОСЕТИНСКОГО МИФА О РУЙМОНЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	129
<i>Маркова С.М.</i> ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1905-1907 ГГ. НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТУЛЬСКОЙ МУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ	134
<i>Сат С.Ч., Баазан М.В.</i> ВКЛАД В.Г. ГАБАЕВА В РАЗВИТИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО УСТРОЙСТВА УРЯНХАЙСКОГО КРАЯ.....	136
<i>Торопицын И.В.</i> АСТРАХАНСКИЕ ЮРТОВСКИЕ ТАТАРЫ В ПЕРИОД СМУТНОГО ВРЕМЕНИ НА РУСИ (1605-1614 ГГ.).....	142
<i>Хаблиева Л.Ч., Храленкова Е.В.</i> ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СТУДЕНЧЕСТВА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В 1920-е ГГ.	150

ORGANIZING CHINESE PRACTICE LESSON USING GAMES

Enebish T.

преподаватель кафедры культурология,
Ховдский государственный университет, Монголия, г. Ховд

Every country throughout the world is getting globalized and the human rights, freedom and justice are performed all over the world. Allowance of studying any foreign languages of the world in Mongolia is one of the positive consequences of this historical transition.

Today, according to the social demand and market need, the Mongolians are now able to choose any eastern and southern languages such as English, French, Japanese, Korean and Chinese. The increasing number of Chinese learners is showing the realistic need and demand of Chinese language and the strengthening of Mongolian and Chinese relationship. For the Chinese learners, the speaking and writing skills are the first requirement to the language. Chinese practice lesson has a lot of benefits in learning the language for the learners. Related to this demand, it is important to make the Chinese practice lesson efficient and interesting for learners, and enrich the lesson with new methodologies that can attract the students.

Key words: Chinese practice lesson, methods of games, using the games in a lesson.

Scientist K.Gross tried to conclude all materials related to kids games. It helped the development of psychological subject. K.Gross determined the nature and peculiarities of games and named the theory of games as developing theory other scientists, such as K.Buller, Z.Freid, B.Shtern, E.Bern enriched the theory and continued [4, с. 49].

There are some books on using the games in lesson written by Mongolian and foreign researchers. They are : E.A Masliko, P.K Babinskaya, A.D. Budika, S.E.Petrova “Table book for the teachers of foreign language”s 1998, B.Buyanaa “Importance of using games in your teaching” 2007, B.Oyun “Using games in the lessons of secondary schools”, A.Nomin Erdene “Teaching English grammar using the games”. The usage of games and the advantages were discussed and explained several times in the methodology handbooks. For example, there is a whole chapter training foreign languages and speech through games. Table book for the teachers of foreign languages 1998, Minsk.

The psychology of students during the Chinese practice lesson taught by using the games.

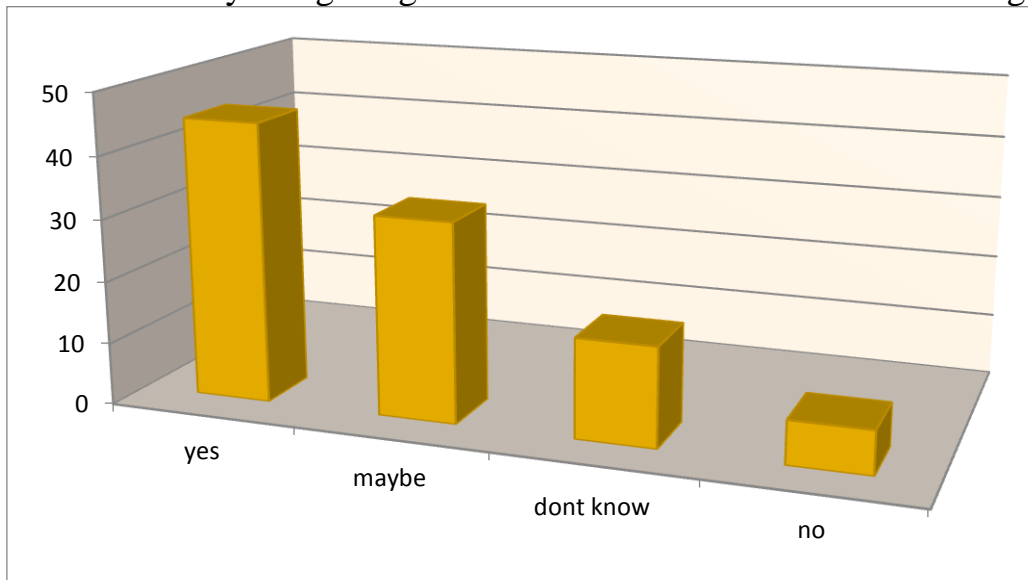
The games always calm and relax the mind and remove the internal conflicts of human beings. According to our research work, the games in a lesson help the students overcome the psychological barriers and transfer to positive mental.

In 2008-2009 academic year, the experimental practice lessons were taught to the first, second, third and fourth course Chinese students of Khovd University by using the games following: Music games, Utility games, Folk, ankle-bone games, Numeral games, Riddle games, Mind developing games.

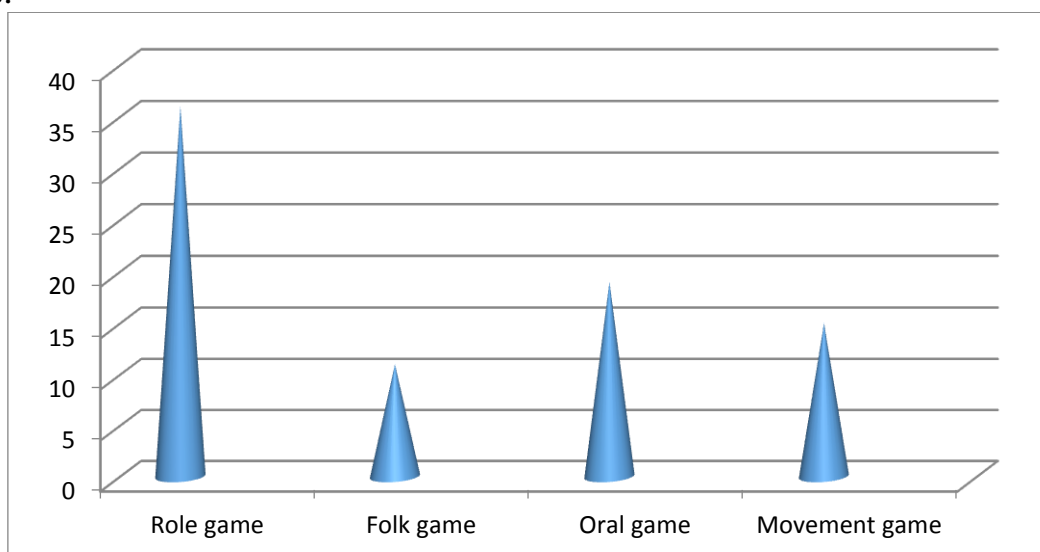
The first and fourth course students belong to the control group, second and third course students belong to experimental group. Altogether there were 170 stu-

dents both in the control and experimental groups. Students have also filled the questionnaires.

Based on the research result, we have examined the activity, interest and the knowledge level of students in January, 2008. Students have filled questionnaires before teaching the experimental lesson. One of the basic questions from the questionnaires was a question: Is it right to teach a lesson by using the games? 45% of all students answered yes, 32% – maybe, 16% – dont know, 7% – dont need or no. Is it right to teach a practice lesson by using the games? 53% of all students answered yes, 17% – maybe, 15% – dont know, 5% – do need or no. Based on the research result, we made a decision that it is useful for students to teach the Chinese practice lesson by using the games. We can see the results from a diagram:

- Which method of games is efficient for a lesson? 36% of all students voted for Role games. 11% – for Folk games, 6%- for Utility games, 19% for Oral games, 8% for Competition games, 15% for Movement games, 5% for Riddle games.

Conclusion

Together with the science and technology development, the style of living, social; and economic relations have been changed in this information and technology century. Related to this, learning Chinese language with scientific and pragmatic purpose, and developing the teaching methodology of the language are concerned to be the first need for youth. Teaching Chinese practice lesson using the games not only activates students and gives the opportunity to have wide knowledge and skills, but also helps the students practice the possessed knowledge in the real-life situation.

Choosing the proper game in a Practice lesson makes the lesson easier for students and provides the lesson with nice atmosphere. The main peculiarity for the lesson is related to the high efficiency of a lesson. The games always calm and relax the mind and remove the internal conflicts of human beings. According to our research work, the games in a lesson help the students overcome the psychological barriers and transfer to positive mental position.

References

1. Buyanaa B. "Importance of using games in your teaching" 2007,
2. Masliko E.A., Babinskaya P.K., Budika A.D., Petrova S.E. "Table book for the teachers of foreign languages" 1998
3. Oyun "Using games in the lessons of secondary schools"
4. A.Nomin Erdene "Teaching English grammar using the games" 2005. – С.49
5. 张朋朋. "汉语语音文字启蒙-1" – 北京. , 2009.
6. 胡裕树. "现代汉语", 修订本, -上海. , 2003.
7. www.baidu.com
8. www.taobao.com
9. www.sougou.com
10. www.8wen.com

ПЕРСОНАЖИ В МОНГОЛЬСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Алтантуяа Б.

преподаватель кафедры европейских языков,
Ховдский государственный университет, Монголия, г. Ховд

Исследование посвящено анализу существующих персонажей в монгольских народных сказках.

Ключевые слова: фольклор, сказка, устное народное творчество, жанр.

Сказка как один из жанров народного фольклора имеет широкое распространение в литературе монгольского народа.

Монгольские выдающиеся литературоведы, учёные как Ш.Гаадамба и Х.Сампилдэндэв пишут, что "Сказка- это жанр устного народного творчества. В большинстве случаев она- произведение в повествовательном виде, специально созданное на основе художественного мышления,

включающее элементы учения и отражающее желания и мечты народа” [2, С.76].

Сказка – отражение бытовой жизни любого народа всех времен и как оформлена Ф.Энгельсом “Она – энциклопедия народа”. У нашего народа, любящего сказки и эпосы, с давних времен сложилась хорошая традиция относиться к сказителям с глубоким уважением и гордиться ими. Учёный Б.Катуу отмечает “До наших дней сказители выполняли три роли в нашей стране: они были артистами, музыкантами, они играли роль книг” [6, С.29].

По содержанию и форме сказки бывают разные. Как предложен учёным С.Баттулга выделяются следующие типы монгольских народных сказок: сказки о животных, волшебные сказки, бытовые сказки, юмористические, исторические [1, С.83].

Исследователи как П.Хорлоо, Х.Сампилдэндэв делят монгольские сказки о животных на две подгруппы. В одной из них он фигурируют звери, а в другой домашние животные. Он пишет пять видов скота- конь, овца, корова, верблюд, коза – по легендам считаются существами мифического происхождения [10, С.221; 11, С.67].

Основная тема монгольских сказок о животных – это борьба между домашними животными и волками, что имеет место действительности. В сказках домашние животные всегда побеждают сильного врага, во вторых, их поддерживают другие животные-помощники. Таким помощником животных обычно выступает заяц, являющийся положительным героем. Сказки о животных дают интересный материал, характеризующий каждую разновидность скота. Они также позволяют составить представление об отношении скотоводов к домашним животным. Сказки о животных создавались в глубокой древности, поэтому в них большое место занимают мифические элементы.

В сказках о зверях животные изображены так, что их считают наравне с человеком, они владеют всеми качествами человека, разговаривают между собой, и даже обманывают друг друга. В данном изображении проявляется мифологическое мышление народа. В сказках второй подгруппы существует общая картина, что умный\хитрый побеждает глупого, что можно считать свидетельством мышления древности неспособного отличать ум от хитрости.

В подобных сказках ярко выражено то, что с давних времен монгольский народ, когда они вели охотничий образ жизни, накапливал много опытов и знаний, благодаря тщательному наблюдению за поведением зверей. Например, самыми распространенными образами в монгольских народных сказках являются мудрый заяц, сердитый лев, хитрая лиса, жадный волк. Мудрый заяц всегда готов оказать помощь и помогает самому слабому.

Основное занятие монголов- скотоводство. Так и волк изображается в сказках как “глупый, жадный” отрицательный герой и как старший враг скота. Также лев и медведь в некоторых случаях изображены как враги и человека и скота.

Мышь и заяц-положительные образы. В монгольских сказках о животных всегда защищают самых слабых, что говорит об особенностях ментальности этого народа.

Для большинства народов лев считается Королем зверей. Из монгольской народной сказки “Лиса и лев” можно увидеть противоположное к данному понятию соотношение. Лев как сильный, могучий король зверей не смог победить слабую по силе и маленькую по телосложению лису. Оказалось, что она была хитрее и шустрее его. Лиса обманула его и ему пришлось довести тяжелый мешок до вершины горы. Таким образом в сказках о зверях наблюдаются сатирические нюансы, что свидетельствует сказки берут начало от мифов [6, С.31].

В сказках о зверях обнаруживали большую частотность образа птиц или летающих животных, например, ласточки, шмеля. Они выступают как положительные герои. Однако ворона – образ отрицательной стороны. В сказках и крик вороны вызывает плохие новости.

Сказки о домашних животных занимают ведущее место среди монгольских народных сказок о животных. В них ярко отражаются особенности мышления монгольского народа, в котором скота считают более сильным, умным и изображают счастливым. В скотоводстве монгольского народа доминируют конь, овца, коза, верблюд, корова.

В сказке “Два хорошего коня” жили старый и молодой коня, и при смерти старый завещал молодому быть осторожным во всем. Молодой конь по любопытности вышел один на дальнюю дорогу и встретил волка. Умный заяц спасает его от волка. Через поступки молодого коня передает учение предков, что молодым надо следить за завещаниями своих предков [4, С.146].

Конь в монгольском народном искусстве считается сокровищем, исполняющим желания, верным другом человека, самым главным видом транспорта, выражением социального статуса человека, украшением мужчины. В сказках конь изображается как животное небесное, летающее как птица, бегающее быстрее стрелы и считается истинным другом богатыря [7, С.525].

Конь богатыря изображается более особым, он умеет не только летать, но и у него 8 ног, лучшее зрение как у орла. У богатыря Гэсэра конь сивый [5, С.88], гнедой конь Цас чихэра [8, С.105], гнедой конь старика Болдогуй Бор [9, С.88] – все они летающие и в некоторых сказках изображены с рогами и крыльями.

Овца в монгольских сказках представляет угнетенного бедного народа. В некоторых сказках овца изображена как глупое животное.

В сказках больше ярко описывается козел как смелое и гордое животное, которое смело сражается с волком. Он всегда силой и умом побеждает его. Внешность козла изображена так, что роги у него как острые мечи, борода густые как у Санж хана, живот большой как у Гунт хана.

Список литературы

1. Баттулга, С. Устное творчество оулетов. г.УБ., 2002. С.83
2. Гаадамба, Ш., Сампилдэндэв, Х. Монгольский народный фольклор. г.УБ., 1998. С.76.
3. Гаадамба, Ш., Сампилдэндэв, Х. Монгольский народный фольклор. г.УБ., 1988. С.31
4. Гаадамба, Ш., Цэрэнсодном, Х. Сборник монгольского народного фольклора, г.УБ., 1978. С.146.

5. Гэсэр. С.88.
6. Катуу, Б. Фольклор торгутов, г.УБ., 2002, С.29.
7. Наранхуар У. Черты характера монголов в произведениях монгольского фольклора. г.УБ., 1992.С. 525.
8. Сокровище монгольской литературы.Том -2. г.УБ.,С.105.
9. Сказки-мифы монгольского народа. г.УБ., С.88.
10. Характерные черты монгольских сказок о домашних животных / Труды монгольских филологов. Академия наук МНР\ г.УБ., 1976.С.221.
11. Сампилдэндэв, Х. Монгольское устное народное творчество. г.УБ., 1986.С.67.
12. 200 монгольских народных сказок. г.УБ., 1975.

ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ

Аршинская Н.А.

магистрант, Забайкальский государственный университет, Россия, г. Чита

В статье рассматриваются основные проблемы, связанные с восприятием интернет-мемов пользователями глобальной сети. Данное явление понятно не всем языковым личностям, поэтому представляет особый интерес в контексте его осмысления разными группами коммуникантов, которые осознают феномен с точки зрения собственной базы культурных, социальных, политических и других знаний.

Ключевые слова: интернет-мем, креолизованный текст, сетевая коммуникация, медиавирус, репликатор.

Что общего у «опасного поцыка» с участком молекулы ДНК? На этот вопрос легче ответить после прочтения книги «Эгоистичный ген» английского ученого Ричарда Докинза. Он вычленил термин «мем» («элементарную частицу культурной информации, которая участвует в процессе накопления запаса знаний из анекдотов, цитат, афоризмов, мелодий, пословиц, постулатов и т.д.» [4, с.109]) и провел параллель с геном. Оба этих явления поддаются репликации – то есть многократному возобновлению и копированию. Мемы уподобляются вирусам, заражая носителей и распространителей новыми идеями [2, с.160]. Таким образом, каждый индивид является носителем не только определенного генотипа, но и «мемотипа» – совокупности мемов в пределах базы знаний одной личности. Интерактивное пространство способствует формированию «мемфонда» интернет-пользователей.

В XX веке распространению интернет-мемов способствовали своего рода «клеточные ткани» – социальные сети. По мнению российского ученого Андрея Шалимова, сетевые мемы (в отличие от остальных) представляют собой мем-комплекс и являются своеобразным пакетом мемов. Они порождают целостное, а не разобщенное восприятие. Отсюда следует, что «мем из простейшей единицы информации становится совокупностью стереотипов» [8, с. 96]. Это провоцирует complication в интерпретации социальных явлений с позиции опоры на медиавирусы. Данный фактор не обеспечивает достаточности, ясности, легкости понимания мем-реалий, что определяет возникнове-

ние первой проблемы: человек осмысливает сложный мем как истинное данное, и не анализирует его с критической стороны (рис. 1). Пользователь социальной сети не разбирается в первоисточках, путях проникновения в общественное сознание и последствиях влияния мемов, а расценивает их как подлинный факт, искажая представления о действительности в результате слепого заимствования взглядов и убеждений. Во избежание попадания под психологическое воздействие – внушение, личность должна подвергаться критическому анализу каждую идею, становясь субъектом действия и воспитывая диалектическое мышление. Сделать это можно, по версии А. Шалимова, через взаимодействие с другими социальными институтами – образованием, искусством, наукой и т.д. [8, с. 97].

Рис. 1. В январе 2014 года из-за скандального опроса о блокаде Ленинграда телеканал отключило большинство спутниковых и кабельных операторов, что тогда поставило под вопрос его существование

Еще одной проблемой адекватного восприятия интернет-мемов становится достижение (или недостижение) комического эффекта, на создание которого многие из них направлены. Главным условием его реализации становится наличие определенных пресуппозиций, а именно: политических, культурных, научных, социальных знаний, а также полного представления о языковой действительности той или иной группы коммуникантов. Они должны раскрыть имплицитную информацию, извлечь ее из эксплицитного смысла произведения. Адекватную интерпретацию обеспечивает совпадение интеллектуально-познавательного багажа автора и адресанта. В противном случае это «приведет к коммуникационному сбою – отсутствию комического эффекта» [9, с. 39]. Отправными идеями часто становятся прецедентные феномены или их компиляция из разных сфер. Однако, согласно наблюдению Ю. А. Белкиной [1, с.78], для успешного распространения мема глубокое понимание всех его аспектов не обязательно, особенно на этапе возникновения. Некоторые удачные интернет-мемы возникли в результате непреднамеренной ошибки автора. Например, в 2014 году на церемонии вручения премии «Оскар» актер Джон Траволта, представляя певицу Идину Мензел, назвал ее Аделью Дэнзим. Ошибка стала интернет-мемом. В Сети распространился

термин «траволтизация имени». Все желающие могут узнать на сайте Slate.com, как бы их имя произнес американский шоумен (рис. 2).

NOW YOU CAN GENERATE YOUR OWN TRAVOLTIFIED NAME,
LIKE "ADELE DAZEEM"

"Natalya Arshinskaya" Travoltified is...

Рис. 2. Автор публикации узнал, как его имя произнес бы Джон Траволта

Мемы, как было упомянуто выше, представляют собой явление, понятное не всем языковым личностям. Если вести речь об интернет-мемах, то они недоступны для осмысления в первую очередь людям, которые не интересуются виртуальной жизнью, не общаются посредством Сети (в основном, маленькие дети и пенсионеры). Субъекту, незнакомому с контекстом возникновения мема, информационный паттерн может показаться «апофеозом бессмыслицы» [6, с. 43], иллюстрацией абсурда. Зачастую проблема интерпретации специфических единиц информации заключается не столько во владении языком, сколько в постижении концептов другой среды или культуры (рис. 3).

Рис. 3. Мем понятен только бывшему зрителю тележурнала "Каламбур", отсылает к характерной мелодии

При этом глобализационные процессы способствуют заимствованию и принятию концептов одной культуры носителями другой [5, с. 247].

подавляющее большинство интернет-мемов выполняют развлекательную функцию, и потому относительно просты для понимания. Они не дик-

туют необходимость иметь высокий интеллектуальный уровень, поскольку рассчитаны на интернет-обывателя. Чем большее количество людей быстро интерпретирует мем, тем скорее он приобретет популярность, став сильным репликатором. Такой мем может выполнять развлекательную функцию, а также фатическую – стать средством поддержания беседы за счет новой темы для разговора. Субъект, не воспринимающий популярных и актуальных на определенный момент времени мемов, отождествляется с чужаком. Осмысляя новый информационный элемент, он включается в коммуникацию за счет регулярного повторения мема и многократного столкновения с языковой игрой на разных примерах. Иногда запоминание провоцирует конфликтность, нелепость, нерациональность нового информационного объекта [6, с. 44-45].

Отсылка мема к предыдущему опыту требует включения индивидуальных знаний и навыков. Языковая игра не всегда проста и прозрачна, что служит поводом для дополнительной коммуникации между субъектами. Мем выступает своеобразным полем обмена частных смыслов. Разница восприятия становится пусковым механизмом коммуникационного взрыва. И с этих позиций успешная коммуникация не требует досконального понимания всех социально-культурных отсылок, которые несет мем. К тому же, это едва ли возможно в массовом сознании. Впоследствии закрепление мема идет благодаря его широкому «тиражированию» среди интернет-пользователей. Его выход из интернет-среды в сферу бытового (и даже публицистического) общения свидетельствует о более чем успешной репликации. Но даже с учетом выхода за пределы «всемирной паутины» использование интернет-мемов остается прерогативой молодежи (основной группы пользователей социальных сетей). Это обуславливает новую проблему: пожилые люди имеют менее гибкое мышление, поэтому испытывают внутренний протест и неприятие мемов. Последние развивают коммуникативные процессы среди молодых людей и становятся раздражающим фактором при общении разных поколений не в сетевой среде.

Следы молодежной субкультуры с ее эмоциональной выразительностью накладываются на популярные обороты, фразы, картинки, мелодии. Таким образом, более аффективный мем воспринимается гораздо легче, но менее критично. Данное свойство человеческой перцепции объясняет моду на нелогичные мемы, порой не несущие полезной информации. Нерациональность провоцирует желание самостоятельного наполнения объектов собственными смыслами [6, с. 46]. Самостоятельное извлечение смыслов возможно за счет наличия у интернет-мемов смыслов и образов, которые преподносят информацию в сжатом и лаконичном виде. Иногда опускаются вербальные средства, идея реализуется через картинку или мелодию. Игра смыслов лаконично вписывается в постмодернистскую культуру – компиляцию «старых идей на новый лад» (рис. 4). Мемы изменяют понимание окружающей действительности, создавая нестандартные трактовки известных фактов и смещая акценты.

Рис. 4. Басня И. Крылова в современной трактовке

Например, корреспондент проекта «Сноб.ру» Ксения Туркова [10] в публикации от 16.04.2015 анализирует набравший популярность мем «*Ничоси!*» (рис. 5). Данное удивленное восклицание образовано от словосочетания «Ничего себе!» и сопровождается персонажем с поднятыми вверх руками и открытым ртом. Его раскрутила социальная сеть «ВКонтакте», сделав изображение стикером. Согласно наблюдению К. Турковой, мем «*Ничоси!*» продолжает словесную орфографическую игру, становясь в один ряд с другими примерами постепенно уходящего «жаргона падонков», не признающих правила русского литературного языка (*кагбэ* вместо *как бы*, *негодует* вместо *негодует*, *патамушто* вместо *потому что* и др.). Автор отмечает общую особенность – «это не просто игра в неграмотность, а изменение облика слова, которое меняет к нему отношение» [10]. То есть, *как бы* (нейтральное) \neq *кагбэ* (презрительное, надменное). То же самое преобразование случается с «*Ничоси!*». В устном общении это сочетание нередко звучит таким образом, но в письменной речи *ничего себе* (нейтральное) \neq *ничоси* (наивное, полудетское). Подобное употребление способно изменить отношение к событию, явлению, лицу в соответствии с общим тоном виртуального общения [7, с. 140]. Сглаживается острота восприятия, а само событие переходит из парадигмы значимого в ряды игрового.

НИЧОСИ

Рис. 5. Мем распространился по сети в считанные часы

Легко усваиваемым мем делает слияние визуальной и вербальной составляющих [7, с. 141]. Укладываться в памяти человека такие креолизованные тексты могут, оперируя клиповым мышлением современного человека. Похожие друг на друга реплицированные идеи в дальнейшем легче воспринимать как частично знакомые. Визуализация является постоянным спутником большинства интернет-постов, с целью привлечь внимание и упростить обработку информации. Сообщение выделяется из других конкурентных пользовательских посланий за счет правильно выбранной картинки. Визуально подкрепленный текст быстрее будет замечен и осознан интернет-публикой. Более того, феномен визуализации является неотъемлемым свойством сетевой коммуникации, компенсируя недостатки опосредованного контакта (рис. 6).

Рис. 6. Мем соединяет реплику из м/ф "Трое из Простоквашино" с изображением героя

Публицист Глеб Жога [11] описывает еще одну мем-проблему, когда посредством мемов происходит программирование индивида на совершение бесполезных для него действий. Подобные стратегии поведения американский писатель и разработчик MS Word Ричард Броуди [3] называет психическими вирусами. Такие структуры стремятся создать как можно больше собственных копий, используя внешние механизмы воспроизведения, причем в короткие сроки. Вообще распространение интернет-мема занимает от нескольких дней до нескольких лет, внедряясь в разные сферы коммуникации [9, с. 39]. Однако на суд широкой публики предстают только наиболее жиз-

нестойкие. Рано или поздно процесс репликации замедляется (или останавливается), после чего мем становится «бояном», то есть устаревшим [9, с. 40].

Доминантные проблемы восприятия и интерпретации интернет-мемов рассмотрены с точки зрения стереотипного восприятия, владения социально-культурной базой знаний, вовлеченности индивида в виртуальную жизнь, нарушения литературной нормы, иллюзорного мотива к бесполезным действиям. Споры относительно исследования данных вопросов многочисленны за счет неустойчивости меметики как науки. Направления развития интернет-мемов безграничны, как и сам Интернет.

Список литературы

1. Белкина Ю. А., Куценко Е. В. Мем как часть интернет-дискурса // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2014. №4. С.77-79
2. Березин В. М. Новость и мем: научные заметки о рождении и сопряжении смыслов // Вестник ТвГУ. 2014. №1. С.157-161.
3. Броуди Р. Психические вирусы. Как программируют ваше сознание. М.: Поколение. 2007. 304 с.
4. Докинз Р. Эгоистический ген. М.: Мир, 1993. 318 с.
5. Канашина С.В. Мем как единица передачи культурной информации языковыми и неязыковыми средствами // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. 2013. № 680. С. 243-249.
6. Соколова Е. В. Виртуальное пространство: новые феномены коммуникации // Антропологические измерения философских исследований. 2012. №1. С. 41-47.
7. Часовский Н. В., Голованова Е. И. Интернет-мем как элемент визуализации в СМИ // Вестник ЧелГУ. 2015. №5. С. 135-141.
8. Шалимов А. Б. Мем-театр: влияние культуры новых медиа на познание мира человеком // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2011. № 43. С. 94-97.
9. Щурина Ю. В. Классификация комических речевых жанров коммуникативного пространства интернета // Известия ВГПУ. 2014. №2. С. 39-43.
10. Туркова К. Д. Словарный запас. Выпуск 19. 2015. URL: <https://snob.ru/selected/entry/91090> (дата обращения: 13.12.2015).
11. Жога Г. Введение в меметику. 2010. URL: http://expert.ru/ural/2010/12/vvedenie_v_memetiku/ (дата обращения: 14.12.2015).

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ОТРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА СВАДЬБА/ТОЙ В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ

Бердимуратова К.С.

заведующая предметной цикловой комиссией «Языковые дисциплины», преподаватель русского языка и литературы в группах с казахским языком обучения, Актюбинский колледж транспорта, коммуникаций и новых технологий, Казахстан, г. Актобе

Цель статьи: показать и исследовать фразеологические единицы, отражающие национально-культурную специфику казахского, русского народов; провести сопоставительно-типологический анализ отображения свадебного обряда в казахской и русской лингвокультурах на примерах паремий и фразеологизмов казахского и русского языков.

Ключевые слова: фразеологические единицы, национально-культурная специфика, логема, поговорка.

Особую роль в формировании языковой картины мира играет фразеология. «В образном содержании фразеологического состава языка воплощено культурно-национальное мировидение» [4, С. 62]. Ведь недаром эти образы закрепились в словарях и сознании людей, сохранили свой смысл и актуальность. Вероятно, этому послужили близость образов фразеологических единиц ко взглядам народа, их точность и яркость. Сами фразеологические единицы приобретают роль культурных стереотипов. В языке закрепились именно те обороты, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами. «Разные культуры и традиции описывают свой мир, но окружающий людей мир не зависит от национальной принадлежности, он устроен по единым для всех законам» [7, С. 241]. За системой фразеологических единиц тоже стоит культура.

Фразеология, по единодушному мнению лингвистов, считается наиболее специфичной и национально-самобытной областью языка.

«Фразеологический фонд – это не только языковая, но и культурно-историческая сокровищница каждого народа». Через фразеологические единицы исследователи могут получить тонкие сведения о народе – носителе языка. Мало знать фразеологическую единицу, надо знать, что за ней стоит, надо «рассматривать ее в связи с культурой страны, историей народа» [3, С. 1626].

Фразеологические единицы, отражая стереотипы культурно-национального миропонимания, участвуют в воспроизведении и преобразовании национальной культуры, национально-культурных ценностей [1, с. 47]. Они являются одним из важнейших языковых способов выражения концепта.

Анализируя и сопоставляя фразеологизмы в двух языках (казахском и русском), использовалось понятие «логема» (термин предложен П.В. Чесноковым), которое является логико-семантической единицей обобщенного характера, под которую могут быть подведены определенные группы фразеологизмов [2, с. 46; 112].

Логема выступает в качестве обобщенной начальной мысли, которая объединяет группы определенных характеристик и оценок, определенных культурно-значимых смыслов, которые оказываются во фразеологическом фонде [2, с. 46; 112].

При анализе были выделены пять групп фразеологизмов, которые можно объединить по следующим обобщенным значениям:

1. Отношение к свадьбе как таковой;
2. Лучшее время года для свадьбы;
3. Погода на свадьбе;
4. Внешность невесты / жены;
5. Брак и деньги.

Рассмотрим их на конкретных примерах.

1. Отношение к свадьбе как таковой.

Казахские паремии, хоть и не указывают прямо на то, что свадьба – благо, однако и не свидетельствуют о том, что бракосочетание – это наказание или беда. Напротив, предупреждают против долгого откладывания свадьбы. Например: *Мінсіз жар іздеген жарсыз қалады* [тот, кто ищет идеальную невесту, может остаться холостяком], *Көп таңдаған тазға жолығады* [кто долго выбирает жениха/невесту, наткнется на лысо-го/лысую].

2. Лучшее время года для свадьбы.

У казахов нет ограничения относительно ни месяца, ни дня свадьбы, хотя есть исключения: *Сейсенбі – сәтсіз күн* [вторник – несчастливый день]

3. Погода на свадьбе.

Особых примет и, как следствие фразеологизмов относительно погоды на свадьбе у казахов не было, однако, в целом дождь в день свадьбы символизировал богатство и счастливую судьбу для супружества: невесту осыпали «шашу», символизирующий дождь (плодородное начало) и звезды (пожелание детей); *Талабыңа нұр жаусын* [пусть будет удачным твой шаг в новое].

4. Внешность невесты/жены.

В традиционных культурах многих восточных народов в старину и речи не могло идти о том, что молодые люди женятся на основании личного выбора. У казахов, в то же время, был обычай под названием *Қыз көру* [смотрины девушек] – это были специальные вечеринки, где юноши и девушки общались, присматривались один к другому, соревновались в песнях, остроумии, играх. С тех пор остались такие выражения:

Юноши: *Қызды кім көрмейді, қымызды кім ішпейді* [тот, кто девушек не выбирает, тот не пьет кумыс].

Девушки отвечали: *Қыз көрейік, қыз көрейік – қыз көретін жігітті біз көрейік* [посмотреть на девушек, посмотреть на девушек, а мы хотим посмотреть на юношу].

Также критерием выбора невесты служило ее происхождение: *Көріп алған көріктіден, көрмей алған текті артық* [чем глядя взять красавицу, лучше не глядя взять родовитую], *Тексіз жерден қыз алма* [невесту из безродных не бери];

Критерием выбора невесты могла быть и ее мать: *Аяғын көріп асын іш, анасын көріп қызын ал* [когда берешь еду, то смотри на посуду, когда берешь жену, то смотри на ее мать].

Следующий критерий – поведение девушки: *Қыз қылығымен сүйкімді* [девушка хороша воспитанием].

О внешности будущей жены говорили: *Сұлу – сұлу емес, сүйген сұлу* [красива не красавица, а та, что любима]. (Ср. русск. «*Не по хорошу мил, а по милу хорош*»).

5. Брак и деньги.

В казахской культуре считалось, что, конечно, лучше всего, найти ровню: *Тең-теңімен, тезек қабымен* [ровня с ровней, кизяк с мешком], *дүниеде өз теңіңді таппаған жаман, бұл дәурен екі айналып келмес саған* [если себе ровню не найдешь – беда, жизнь ведь не повторится уже никогда].

И жених, и невеста (точнее, их родители) несли большие расходы на сватанье и свадьбу: *Қалыңсыз қыз болса да, кәдесіз күйеу болмайды* [возможно и случается без приданого невеста, но жениха без подарков не бывает].

Невеста приносит в дом жениха приданое – *жасау*, которое нередко больше размера калыма – *қалың-мал*. В паремии о приданом говорится следующее: *Жасауды жеті жастан жинасаң жетеді, алты жастан жинасаң асады* [если начинаешь собирать приданое дочери в семилетнем возрасте, едва успеваешь, в самый раз начинать собирать с шести лет], *Жасауы көп келіннің күйеуі жуас* [если у невесты богатое приданое, то жених ее поклядет], *Тозбас жасау болмас, бас білмес асау болмас* [всякое приданое когда-то подходит к концу, на всякого строптивного когда-то наденут узду].

Свадьба или *үйлену тойы* [женитьба] – является самым главным мероприятием в жизни казаха, тем самым, о котором говорят: *Той десе, қу бас домалайды* [как скажут той – и голова покатится пустой], (ср. русск. «гулять так гулять»; «один раз живем»).

Устроение сыну свадьбы – *ұлды ұяға қондыру* – является одной из «святых» обязанностей его отца. Если отца за это недостаточно благодарили, то он может проворчать: *Баланың өзі өскендей, келіннің өзі түскендей* [можно подумать, что сын мой вырос сам по себе, а его свадьба сама собой сделалась].

Но казахи боятся того, что могут сказать о свадьбе его сына/дочери *Жетім қыздың тойындай* [свадьба прошла, как у девушки-сиротки].

Свадьба является пиком, достижением жизненной цели казаха, который женит сына – *Ұрпақтан ұрпақ көру, тұқымын жалғастыру* [увидеть своего потомка, продолжить свой род].

Распространенным пожеланием среди казахов является – *Жиган-тергенің тойға шашылсын* [пусть все заработанное тобой, пойдет на той], и сама подготовка к свадьбе является приятной *Тойдың болғанынан боладысы қызық* [подготовка к тою радостней, чем сам той].

Обмен подарками между сватами – *киім*. Происхождение самого слова говорит о том, что эти подарки представляли из себя одежду. Сваты предварительно обмениваются списками с указанием размеров одежды каждого из членов делегации – в соответствии со списком и рангом сватов закупается какое-то количество пальто, костюмов, рубашек и т. д.

Сіз бізді, біз сізді киіндірмей-ақ қояйық [давайте не будем друг друга одевать] – так могут договориться сваты, однако без подарков между сватами все равно не обходится – *Жол-жоралғылары жасалады: Бай мен бай құда болса арасында жорға жүреді* [если богач с богачом становятся сватами,

между ними иноходцы ходят], *Кедей мен кедей құда болса арасында дорба жүреді* [если бедняк с бедняком становятся сватами, между ними торбы ходят], *Бай мен кедей құда болса бір-біріне қарай зорға жүреді* [если бай с бедняком становятся сватами, друг к другу через силу ходят].

Есть такой обычай, как *Қырқынан шығару* (обычай проведения «сороковин» новорожденного). Сороковины мальчика проводят на 37–39-й день после рождения, чтобы ему было меньше платить калым – *жігіттің қызға берер қалыңы аз болсын*, сороковины же девочки проводят на 41–43-й день, уже с противоположным подтекстом – *алынар қалыңы көп болсын* – чтобы калым у девушки был больше.

Ситуация сватания является частью культурного достояния определенного сообщества. Как фрагмент реальности эта ситуация воплощается в определенных ритуалах, которые имеют собственные национальные особенности. Каждое отдельное воплощение ситуации сватанья происходит по определенному образцу, но в разных ситуациях воссоздаются не все детали. Больше того, смысл или назначения определенных ритуальных событий со временем теряются, или они наполняются новыми смыслами [5, с. 29].

Соглашаясь с мнением некоторых исследователей, мы считаем, что лексемы, выполняя определенную регулятивную функцию в языке, устанавливают правила и модели поведения, которые, несмотря на то, что не являются непоколебимыми и неуклонными, отображают социально признанные нормы и обычаи [6, с. 303].

Список литературы

1. Добрыднева Е.А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии: монография. – Волгоград: Перемена, 2000. – 223 с.
2. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты /Л.Б. Савенкова. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 2002. – 240 с.
3. Фаткуллина Ф.Г. Художественная картина мира как особый способ отражения действительности [Текст] / Ф.Г. Фаткуллина // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 3(1). С. 1626-1627
4. Фаткуллина Ф.Г. Концепт «деструкция» и способы его представления в русском языке- – Вестник РУДН, серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания», – М., 2010, №2 , С. 60-67.
5. Chafe W. Some Thoughts on Schemata // Theoretical Issues in Natural Language Processing. – N.Y.:Cambridge, 1975. – P. 32–56.
6. Lauhakangas O. Use of proverbs and narrative thought [Electronic resource] / Outi Lauhakangas // An Electronical Journal of Folklore. – 2007. – Volume 35. – P. 77–85. – Режим доступа: <http://haldjas.folklore.ee/folklore/vol35/lauhakangas.pdf>.
7. Fatkullina F.G. Typology of concepts in modern linguistics// Педагогический журнал Башкортостана, №1 (15), 2015. С.239-243.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНО-ГУМАНИТАРНОГО СТИЛЯ РЕЧИ (НА ПРИМЕРЕ АТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Бибилова Р.П.

доцент кафедры русского языка и литературы в национальной школе, кандидат педагогических наук, доцент, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, Россия, г. Владикавказ

Бутаева М.С.

студентка факультета осетинской филологии, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, Россия, г. Владикавказ

Статья посвящена проблеме синтаксического строя научно-гуманитарного стиля речи. В представленной работе делается акцент на общности лингвистической и экстралингвистической основы единого научного стиля; обращается внимание на известные отличия научно-технического и научно-гуманитарного стиля, что носят чисто количественный характер и при этом не разрушают общего понятия научного стиля; раскрывается синтаксическая организация научного произведения.

Целью данной статьи является рассмотрение синтаксических особенностей научно-гуманитарной литературы на уровне атрибутивных словосочетаний, поскольку в данной синтаксической структуре проявляются наиболее характерные черты стиля научного произведения.

Ключевые слова: научный стиль речи, синтаксические структуры, линейность изложения, отвлеченно-обобщенность, атрибутивные словосочетания.

Концепция функциональной дифференциации стилей, получившая глубокое научное освещение в трудах В. В. Виноградова, Л. В. Щербы, Г.О. Винокура, в работах О.С.Ахмановой, М. М. Кожинной, Д. Н. Шмелева, Э. Г. Ризель, Е.А.Земской, Г.А.Золотовой, М. Н. Сенкевич, О. Б. Сиротининой и др., в последнее время привлекает внимание широкого круга учёных-языковедов. При этом до сих пор в лингвистической науке не сложилось единого мнения относительно функционального стиля, в определении которого разными исследователями используются различные критерии. Это обстоятельство объясняет и отсутствие научно обоснованной общепринятой классификации стилей, единых принципов их описания и создает трудности и неупорядоченность понятий, отсутствие единой терминологии, четкого определения выделяемых стилей, колеблющихся у разных ученых от четырех до семи.

Важно при этом отметить, что, несмотря на различие точек зрения ученых на вопрос о функциональных стилях, они единодушны во мнении о самостоятельности научного стиля, представляющего собой обособленную, относительно замкнутую систему, характеризующуюся стремлением к стандартизации средств выражения.

Всестороннее изучение научного стиля началось в 60-е годы прошлого столетия, и в наше время стало одной из актуальнейших проблем языкозна-

ния, обусловленного резко возрастающей социальной ролью науки, неразработанностью целого ряда вопросов научного стиля, а также спецификой языка той или иной науки в едином научном стиле.

Известно, что научный стиль обслуживает сферу науки, т.е. сферу человеческой деятельности, функцией которой является и теоретическое осмысление объективных знаний о действительности, в соответствии с этим как способ освоения действительности наука отличается стремлением к максимально обобщенному, объективному, обезличенному знанию. Эти особенности воплощаются в содержании и отражаются в языковой форме научных произведений, основой которых являются идеи и факты, законы и категории, открытые учеными. Поэтому научный стиль значительно больше, чем другие, нуждается в определенном отборе и организации материала.

До недавнего времени научный стиль, как правило, был прерогативой письменной формы речи. Однако вызванные социально-экономической перестройкой нашего общества научные достижения объективно активизировали необходимость изучения языка частных наук и соответственно повысили роль устной и письменной формы научного стиля речи.

Одной из актуальных в языкознании до сих пор продолжает оставаться проблема монолитности научного стиля, во взгляде на которую у ученых не сложилось единого мнения. Так, Р.А. Будагов, рассматривая на основе лингвистических факторов научный стиль как единое монолитное языковое явление, выступает против выделения в нем научно-технического, научно-публицистического, научно-популярного и тому подобных стилей как самостоятельных, акцентируя внимание на том, что подобная дифференциация, имеющая место в ряде научных исследований, носит лишь условный, количественный характер, а потому не в состоянии поколебать целостность и монолитность научного стиля [2, с. 46]. М.Н.Кожина в качестве основы научного стиля выделяет лингвистические факторы, обращая при этом на чрезвычайную важность учета экстралингвистических предпосылок: «Одной из основных проблем стилистики, в том числе сопоставительной стилистики, от верного решения которой зависит успех исследований в этой области, является соотношение лингвистического и экстралингвистического. Правильная ее постановка и решение применительно к стилистике позволяют найти действительные (а не мнимые и субъективные, как это порой наблюдается) стилеобразующие экстралингвистические факторы, которые в свою очередь помогают вскрыть закономерности функционирования языка в сфере науки и истинную специфику стиля научной речи» [4, с. 3].

Интересные наблюдения относительно рассматриваемой проблемы мы находим у М.Ю.Русовой, которая не только обращает внимание на монолитность научного стиля, но и особо подчеркивает при этом значительную внутреннюю монолитность морфолого-синтаксической структуры научного стиля.

Другие ученые (Кульгаав М. П., Сенкевич М. П.), признавая единый научный стиль, подразделяют его на два подстиля научно-технической и научно-гуманитарной литературы, первый из которых отличает строго выдержанная, стилеобразующая характеристика, не свойственная в силу про-

никновения в нее эмоциональных элементов второму, что сближает последний с публицистической речью.

Подобную точку зрения мы встречаем у Веймаха, выделяющего в научном стиле ряд подстилей (например: подстиль физики, медицины и др.) и расставляющего акценты в своих научно-теоретических рассуждениях на их различии в области терминологической лексики и фразеологии и общности используемых ими грамматических средств.

Полностью разделяя мнение ученых об общности лингвистической и экстралингвистической основы единого научного стиля, мы считаем, что известные отличия научно-технического и научно-гуманитарного стиля, научно-популярного и строго научного стиля носят чисто количественный характер, не разрушая при этом общего понятия научного стиля.

В соответствии с этим мы ставим перед собой цель рассмотреть в данной статье синтаксические особенности научно-гуманитарного стиля на примере атрибутивных словосочетаний лингвистической литературы.

Как известно, основными чертами синтаксиса научного стиля являются отвлеченно-обобщенность, безличность, доказательность и «предельная специально подчеркнутая логичность» изложения, синтаксическая компрессия, линейность изложения, стремление к выработке стандартизированных структур, объективно создающих в языке специфические для научного стиля синтаксические структуры на уровне словосочетания, простого и сложного предложений, что подтверждает проведенный нами анализ научного стиля изложения.

Наблюдения над языковым материалом учебных пособий, научных монографий научно-гуманитарного стиля речи показали, что наиболее распространенными словосочетаниями здесь являются атрибутивные, которые составляют около половины числа словосочетаний, используемых в предложении. Это, во-первых, атрибутивные словосочетания, связанные по способу связи согласования, например: *тактовое ударение, номинативное словообразование, собирательные числительные, обобщающие слова, повторные союзы, неполные предложения, препозитивные предложения, обособленные обстоятельства, обособленные приложения, однородные члены предложения и др.* [3; 6; 7].

Приведенные примеры подтверждают справедливость мнения о том, что данные определения вместе с определяемыми словами выражают «единое понятие, что делает их атрибутивными сочетаниями особого рода: атрибут ограничивает, конкретизирует понятие, выраженное именем существительным, выделяет в его логико-понятийном объеме определенную область и образует новое, более узкое понятие, вступающее с основным в отношения вида и рода, почему их можно квалифицировать как атрибутивно-квалификативные» [5, с. 91].

Довольно часто в научном стиле используются атрибутивные словосочетания недефинитивного характера, например: *особая часть, строгое соответствие, особые формы, различные слова, слабая позиция, широкий круг, богатая система склонений, эмоциональная реакция, разнообразные группы,*

общие типы, типичная группа и др. [3; 6; 7], а также сочетания слов с препозитивными и постпозитивными причастными оборотами, занимающими в научно-гуманитарном изложении 19% от общего числа анализируемых синтаксических конструкций, например: словосочетания, построенные по схеме; сочетания слов, образующих ядро предложения; окончания, связывающие слова в словосочетании и предложении; обстоятельства, выраженные деепричастиями; уточняющее определение; связующие элементы; приведенные примеры; повторяющийся союз; подчиненное положение и др. [3; 6; 7].

Необходимо отметить, что в научной речи изученных нами источников в использовании словосочетаний предпочтение отдается причастным оборотам по сравнению с синонимичными им придаточными определительными предложениями, что связано с общей тенденцией к языковой экономии и с атрибутивно-именным характером научного стиля речи.

Широко представлены в анализируемом стиле атрибутивные словосочетания, где атрибут выражен:

1) именем существительным в приименной позиции, чаще всего это:

а) определительные словосочетания с формами родительного падежа без предлога: *форма слова, компонент сказуемого, порядок слов, место фразового ударения, форма глагола, рост употребительности, семантика словосочетания, роль дополнения, компонент словосочетаний, характер языка, сущность словосочетания, ряды слов, специфика подлежащего, определитель предиката, характеристика предиката, основа предложения, показатель ремы, семантика слова, роль фактора, принципы построения и др. [3; 6; 7];*

б) словосочетания с формами творительного падежа с предлогом «с», например: *причастия с зависимыми словами, предложения с союзами, существительные с другими предлогами, сочетания с прилагательными, приложения с зависимыми словами, смысловые отношения с предикатом, предложения с разными типами связи, обороты со значением включения и др. [3; 6; 7];*

в) словосочетания с формами творительного падежа с предлогом «между», например: *синтаксическая связь между частями, аналогичная связь между словами, подчинительная связь между предикативными единицами, грань между двусоставными неполными предложениями, синтаксическая связь между словами и др. [3; 6; 7];*

г) словосочетания с формами предложного падежа с предлогом «о», например: *учение о словосочетании, учение о сочинении и подчинении, вопрос о семантическом субъекте, мысль о необходимости выделять, вопрос о статусе дательного падежа, вопрос о составе структурных схем, учение о частях речи, сведения о строении слова и др. [3; 6; 7];*

д) словосочетания с формами родительного падежа с предлогом «для», например: *условия для обособления, средства для передачи различных оттенков мысли, правило для глухих и звонких шумных согласных, аффикс для образования глаголов и др. [3; 6; 7];*

е) определительные словосочетания с формами родительного падежа с предлогом «*без*», например: *существительные без предлога, конструкции без причастия, глагол без дополнения и др.* [3; 6; 7].

Анализ атрибутивных словосочетаний с управляемым зависимым компонентом показал, что они могут иметь синкретичное значение, «то есть совмещать несколько значений, отмеченных как основные» [1, с. 50], в том числе: 1) атрибутивные и объектные: *синтаксическая связь между словами, вопрос о статусе дательного без предлога, существительные без предлога и др.* [3; 6; 7];

2) атрибутивные и обстоятельственные: *условия для обособления, средства для передачи оттенков мысли, основания для такого выделения и др.* [3; 6; 7].

Между данными отношениями нет четкой границы, довольно часто подобное разграничение носит субъективный характер, и это предполагает их двойственную характеристику.

Таким образом, сказанное выше со всей очевидностью показывает, что для выражения атрибутивных отношений, в том числе и синкретичных, в языке научно-гуманитарной литературы (в частности лингвистической) используются преимущественно имена прилагательные, причастия, причастные обороты, существительные в родительном падеже без предлога, существительные в творительном падеже с предлогами «*с*» и «*между*», существительные в предложном падеже с предлогом «*о*». Реже используются определительные словосочетания с формами родительного падежа с предлогами «*без*» и «*для*».

Список литературы

1. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Синтаксис и пунктуация. – М.: Просвещение, 1981. – 271 с.
2. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. – Введение в науку о языке: Учебное пособие. – М.: Добросвет, 2003. – 544 с.
3. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык. – Изд.6-е. М.: Логос, 2006. – 528с.
4. Кожина М.И. Сопоставительное изучение научного стиля и некоторые тенденции его развития в период научно-технической революции. Язык и стиль научной литературы. – М.: Наука, 1977. – С.3-25.
5. Митрофанова О. Д. Язык научно-технической литературы. – М.: Наука, 1973. – 149 с.
6. Современный русский язык / Под ред. П.А. Леканта. – 4-е изд. – М.: Дрофа, 2007. – 557с.
7. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. Ч.2. Морфология. Синтаксис. / Под ред. Е.И. Дибровой. – 2-е изд. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 624 с.

ДУХОВНЫЙ РОСТ ЧЕЛОВЕКА

Бикмаева Л.У.

ст. преподаватель кафедры иностранных и русского языков, канд. филол. наук,
Уфимский юридический институт МВД РФ, Россия, г. Уфа

Диваев Р.Р.

курсант 2 «А» курса 203 учебного взвода, рядовой полиции,
Уфимский юридический институт МВД РФ, Россия, г. Уфа

В данной статье рассматривается одна из важнейших проблем, волновавших человечество во все времена: что есть духовность, что есть духовный человек. Авторы раскрывают данную проблему с точки зрения русской литературы и русского языка.

Ключевые слова: духовный рост, духовное наследие, русский язык, русская речь, русская литература, оратор.

Что же мы понимаем под духовным ростом человека? И является ли эта проблема значимой в нашем обществе? Я думаю, да, эта проблема была и останется первостепенной во все времена. И в ее решении огромная роль отводится русскому языку, который является мощным орудием в воспитании подрастающего поколения.

Сколько талантливых людей подарил миру русский язык! Сколько известных писателей и поэтов родила русская земля! Их творчество является средством достижения главных жизненных ценностей и образцом для подражания. С самого раннего детства мы растем под влиянием замечательных русских народных и литературных сказок. Становясь старше, мы знакомимся с именами великих писателей: А.С.Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н.Толстой, М.Ф.Достоевский и другие. Чем больше мы читаем, тем больше духовно развиваемся. Ведь ещё великий оратор Марк Туллий Цицерон говорил: «Чистота речи совершенствуется посредством чтения ораторов и поэтов». Не имеет значения множество слов в речи человека, если они не представляют собой какую-либо значимость и ценность.

А какое наслаждение доставляет нам чтение стихотворений таких гениев, как Ф.И. Тютчев, А.А. Фет, которые прославляют родной край и родную природу. А ведь именно с любви к родной земле и начинается любовь ко всему человечеству. А это и есть та основа, на которую опирается духовно-нравственное воспитание.

Приведу в пример только одно стихотворение А.А. Фета [1, с. 51]:

Учись у них – у дуба, у березы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы,
И треснула, сжимаяся, кора.
Все злей метель и с каждою минутой
Сердито рвет последние листья,
И за сердце хватает холод лютый;

Они стоят, молчат; молчи и ты!
Но верь весне. Ее промчится гений,
Опять теплом и жизнью дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

Именно это стихотворение пробудило во мне желание написать самому несколько строчек в стихах:

Учись у них – у дуба, у березы,
Как в жизни этой выстоять порой,
Когда приходится бороться с непогодой,
С нежданно приходящею бедой.
Метели жизни тоже бьют нас сильно,
Приходят к нам без спроса иногда.
Но мы должны, как дуб и та береза,
Пред бедами быть сильными всегда...

Я думаю, что главная цель, которую хотел бы достичь любой писатель или поэт – это донести свои стихотворные строки до глубины души читателя. В этом простота и величие любого творчества. Благодаря этому у читателя пробуждается желание стать лучше, добрее, честнее, справедливее, гуманнее. Так человек становится старше, не только годами, но и духовно.

Речь является одним из показателей определения богатства души человека. Пополнить ее можно весьма простым способом: следует больше читать литературу, развивать свое собственное мировоззрение, а не опираться на мнения других людей. Сократ говорил: "Заговори, чтоб я тебя увидел", то есть по тому, как человек говорит, по его речи, можно судить о том кем он является, о его духовном и нравственном богатстве.

Великие ораторы своего времени умели вдохновлять людей на совершение подвигов, и в этом им способствовала не только удача, но и красноречие, умение правильно выразить свои мысли, направлять их в нужное русло. Вспомним Дмитрия Донского, который сумел собрать силы Руси воедино и заставил русский народ поверить в то, что еще не все потеряно, в то, что нужно дать отпор бесконечному татаро-монгольскому нашествию. Если бы он не обладал талантом ораторского искусства, то конечно за его спиной в битве против Золотой Орды оказалось куда меньше русского народа.

Этим самым я хочу сказать то, что речь – не простая упаковка мысли, а она характеризует человека даже больше, чем умение держаться на людях, она сразу обнаруживает его интеллектуальные возможности, уровень мышления, эрудицию, зрелость, общую культуру.

К русскому языку, к родному слову нужно относиться бережно. Родное слово учит нас получать радость в жизни, дарить эту самую радость близким и даже незнакомым людям. Доброе слово помогает всем в трудные минуты. И уста, дарящие его с любовью и от всей души, сами становятся добрее, сами становятся источником и своей радости, и чужой.

Мне кажется, что у каждого слова тоже есть своя жизнь. Поэтому я решил провести небольшое исследование о Слове вообще. И вот к каким выво-

дам я пришел в ходе данного исследования. Слова составляют единую семью под названием «Лексика». Как любая семья, лексика стремится к продолжению рода. Так в языке появляются новые слова. Я думаю, что жизнь слова не менее интересна, чем жизнь человека. У каждого слова есть момент рождения, роста. И наступает момент, что оно находит свое законное место в языке, утверждается в нем. И как члены семьи, они тесно связаны друг с другом, поддерживают, выручают друг друга. Для этого в семье и появились синонимы. Но в любой семье возникают ссоры, недопонимания. Может, так появились в языке антонимы?

А откуда же появляются слова? Как они рождаются? И прежде всего меня интересует слово МАМА. Почему? Потому что мама – это самое дорогое, что есть у каждого человека. Потому что мама – единственный человек, который с тобой всё время, с самого момента твоего рождения. Изучая историю появления этого слова, я узнал, что слово МАМА относится к той группе слов, которые появились еще до возникновения у людей членораздельной речи. Слог «ма» – самый простой из того, что может выговорить младенец. И слово МАМА произошло из повторения этого слога. Ведь мама была главным человеком в жизни малыша в первобытные времена, он проводил с ней всё время, пока папа охотился и защищал семью от врагов. И мне кажется, что это слово – самое первое слово в языке, что именно с него и начался наш язык.

Ни одно слово в языке не появляется случайно. Любое слово появляется тогда, когда язык нуждается в нем. Точно так же, как дети в любой семье. Как дети рождаются с любовью, так должно и рождаться любое слово. Как дети нуждаются в поддержке и понимании, любви, так и надо беречь каждое слово. И я думаю, что в языке должны рождаться только хорошие слова, чтобы русский язык мог гордиться уже одним его присутствием. А в семье должны рождаться тоже только хорошие дети, чтобы родители могли ими гордиться...

Таким образом, хочется сказать, что русский язык – самое большое наше богатство, наше духовное наследие! И именно речь наиболее всего способствует духовному росту человека.

Список литературы

1. Фет А. А. Собрание сочинений в двух томах. М: Худ. лит-ра, 1982. Том 1. Стихотворения. Поэмы. Переводы. Стр. 41 – 280.

ПУШКИН. ЛЕРМОНТОВ. ДВА ПРОРОКА

Веденяпина Э.А.

кандидат филологических наук, Россия, г. Москва

Два стихотворения Пушкина и Лермонтова, имеющие одинаковое название, принципиально отличны по характеру героя, названного в обоих случаях пророком. Герой Пушкина пережил преображение личности и получил наказ идти с проповедью к людям,

что соотносится с деяниями апостолов Нового Завета, тогда как обличительная позиция лермонтовского героя созвучна ветхозаветным пророкам.

Ключевые слова: Бог, пророк, преображение, обличение.

У Пушкина и у Лермонтова есть стихотворения, каждое из которых названо так: «Пророк». Вот они.

А.С. Пушкин

Пророк

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их исполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал.
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь и внемли,
Исполнишь волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

М.Ю. Лермонтов

Пророк

С тех пор как вечный Судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я

Страницы злобы и порока.
Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром Божьей пищи,

Завет Предвечного храня,
Мне тварь покорная там земная,
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

В этих стихотворениях, имеющих одинаковое название, разная трактовка образа пророка. В стихотворении Пушкина показан процесс создания пророка путем преобразования личности. Герой Лермонтова предстает уже действующим, в стихотворении речь идет о его контакте, вернее конфликте с обществом.

Герой стихотворения Пушкина – человек, который страстно желал духовного усовершенствования: он «Духовной жаждою томим». У Лермонтова говорится о человеке, уже получившем способность видеть сокровенное: «С тех пор как вечный Судия мне дал всеведенье пророка». Когда, как и почему человек получил это «всеведенье», неизвестно.

Характерно, что у Пушкина человеку явился не сам Бог, а серафим: «И шестикрылый серафим На перепутье мне явился», а у Лермонтова контакт с человеком осуществляет сразу сам Бог. У Пушкина голос Бога является человеку после серафима: «И Бога глас ко мне воззвал». При этом Бог не назван никак. А у Лермонтова Бог назван «Судией».

Логично предположить: каков Бог, таков и его пророк. Лермонтовский пророк несет обличение людям, ведь его послал «Судия», тот, кто придет на землю в момент Страшного Суда. А пушкинский пророк, видимо, должен нести людям призыв к преображению, к совершенству. Пушкинское «Глаголом жечь сердца людей» – проникновенное обращение к ним, основанное на собственном преображении поэта. Доказательством правоты пророка может быть его ссылка на самого себя, на свое собственное преображение. Он образец того, как может и должен измениться человек. Ведь он теперь слышит «неба содроганье И горний ангелов полет, И гад морских подводный ход, И дольней лозы прозябанье». У него теперь не глаза, а «вещие зеницы», то есть они теперь способны проникать в то, что не видно простым глазом. Его грешный язык, «И празднословный, и лукавый», заменен на «жало мудрая змеи», а вместо сердца у него теперь «уголь, пылающий огнем». Но вся работа, проделанная серафимом, до прямого посещения Бога – ничто: после всех преобразований над телом поэта он лежит, подобно мертвецу: «Как труп, в пустыне я лежал». Ожил он по призыву Бога: «И Бога глас ко мне воззвал: «Восстань, пророк, и виждь, и внемли, Исполнись волею Моей, И, обходя моря и земли, Глаголом жги сердца людей». Жечь словом сердца людей – ни в коем не случае не может быть понято как обличение. Этот пророк может предлагать людям только одно: жажду духовного просвещения.

Совсем иное несет людям пророк Лермонтова. Все стихотворение – обличение людей, отвергших этого пророка, в которого все ближние «Бросали бешено камень». Люди его презирают и не верят, что его послал Бог: «Глупец, хотел уверить нас, что Бог гласит его устами!» Почему? Ведь он заявляет: «Провозглашать я стал любви И правды чистые ученья». В ответ в него полетели камни. Не в том ли причина, что, по его признанию, он в очах людей читает «Страницы злобы и порока»? Следовательно, его обращение к людям было исполнено укоризны и обличения. Но ведь это значит, что он предвосхитил второе пришествие Христа, которое только и явится Страшным Судом. А до того Суда никто не вправе никого обличать, кроме себя самого. И немало горд этот пророк, заявляя, что ему покорна тварь земная и звезды слушают его. Эти примеры ему нужны, кроме самовосхваления, еще и для уничтожения людей, которых он называет «самолюбивыми». По одному этому слову ясно, с какой проповедью к ним обращался он, посланный якобы самим Богом.

Если этот пророк пришел с судом до второго пришествия Христа, значит, он предвосхитил Его функции и является Его предтечей, то есть претендует не менее как на функцию Ильи пророка, второго (после Иоанна) предтечи Христа. Но это расходится с учением православной церкви. Главное же, не ощущается в лермонтовском пророке любви к людям. Да и как их полюбишь, когда видишь в них только злобу и порок! В Новом Завете сказано, что можно и тело свое отдать на сожжение, и горы передвигать, но это ничто, если нет любви, которая есть сострадание, сочувствие. Лермонтовский пророк и беден, и наг, и бледен, и голову посыпал пеплом в знак скорби о грехах человеческих, но нет в нем любви, и долг его остался невыполненным: он жи-

вет в пустыне, а через город пробирается «торопливо», стремясь скорее убежать людей. Но ведь именно к ним он и был послан!

Обличение было свойственно ветхозаветным пророкам. В Новом Завете провозглашено учение любви: «Да любите друг друга!» Не случайно святой старец Серафим Саровский встречал всех, в том числе и самых грешных, словами «Радость моя!» Встречал любовно. Ведь ангелы радуются больше о кающемся грешнике, чем о том, кто не нуждается в покаянии. В соответствии с этим вполне возможным представляется назвать пророка Лермонтова отразившим некоторые черты ветхозаветных пророков, а пушкинского пророка видеть в свете деяний апостолов Нового Завета. Это необходимо иметь в виду, чтобы избежать иллюзии, якобы пророк Лермонтова продолжает дело пушкинского героя. В основе этих двух образов лежит различное понимание характера пророка и его задачи. Пушкинский пророк несет людям предложение совершенствования, которое он сам пережил и которое открывает человеку такую полноту познания мира, которая рождает любовь и единение.

Список литературы

1. Бонди С.М. Драматические произведения Пушкина М., 1978.
2. Бонди С.М. О Пушкине. М., 1978.
3. Турбин В.Н. Пушкин. Гоголь. Лермонтов. М., 1978.

ПРОГРЕССИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Велиева Г.И.

докторант кафедры общего и русского языкознания,
Бакинский славянский университет, Азербайджан, г. Баку

В представленной статье даётся краткий обзор прогрессии в русском и английском языках как одного из центральных составляющих элементов связки темы и ремы. Выясняется, что тематическая прогрессия является фактором актуального членения предложения. В тезисах устанавливается, что прогрессия в русском и английском языках носит преимущественно однотипный характер, поэтому перевод с русского на английский язык иллюстративных примеров становится главной формой подтверждения той или иной модели. В качестве доказательств различной тема-рематической связи в предложениях приведено шесть моделей с их специфическими инвариантами. Примеры носят как свободный характер, так и взяты из художественной литературы, русской и восточной поэзии, в частности.

Ключевые слова: тема, рема, прогрессия, геометрические конфигурации, актуальное членение предложения, гипертема, лексико-семантическая связь.

Прогрессия в русском и английском языках в современном толковании является важной и составной частью актуального членения предложения, инструментом, с помощью которого лингвисты устанавливают смысл как изначального, так и последующего высказываний. Первая часть речи – тема, как известно, содержит в себе начальную информацию, являясь исходным пунктом высказывания, а рема – вторая часть – носитель новой информации соответственно.

Сущность прогрессии в двух указанных языках по существу однотипна, и её можно исследовать с двух позиций. С одной стороны, она позволяет вычленять тему, рассматривая её функциональное назначение отдельно, вне связи с последующим высказыванием. С другой стороны, мы выделяем всё высказывание целиком, и тогда связь ремы с темой даёт возможность анализировать их различные геометрические конфигурации. Нас прежде всего интересует вторая часть актуального членения предложения в названных языках, позволяющая чётче определить лингвистическую сущность прогрессии в её референциальной функции. А именно, указать на её модели.

Наиболее распространённой в речи и незамысловатой по конструкции является простая линейная тематическая прогрессия. Тема содержит в себе только потенцию последующей мысли, а её раскрытие происходит уже в последующем высказывании в двух языках. Иными словами, тематизация ремы последовательно подготавливается предшествующим предложением, которое впоследствии становится темой следующего предложения.

Например: «Американский бизнесмен приобрёл новую машину. Она стоит у него в подвале. Подвал находится в специальном помещении под небоскрёбом». («American businessman bought a new machine. She stayed in his basement. The basement is a special home under the sky-scraper»).

Прогрессия в русском и английском языках может сохранять последовательность, но одна тема при этом обязательно окажется базовой, а другая периферийной. Элементы периферии прогрессии тяготеют к базовой теме, но содержат производные:

«Это директор банка. Он очень аккуратен и пунктуален. Это принципы его работы и правила жизни». (This is director of the bank. He is a very tidy and punctual man. It is principles of his work and norms of his life). Общую тему, которая является базовой (здесь: директор акционерного банка) иначе называют гипертемой, так как она находится в сильной позиции текста. Назовём такую прогрессию моделью № 2.

Когда последовательная связь между темой и ремой нарушается двумя высказываниями различными по характеру, между которыми имеется слабая тематическая связь, мы имеем другую модель прогрессии со сквозной темой. Для большей ясности сопоставим такую модель с отличительными чертами омонимии и многозначности. Лексико-семантическая связь сохраняется, но она слабая, порою едва уловимая. В модели № 3 прогрессия заключается в том, что тема остаётся неизменной, а рема распространяет одну и ту же основу.

Например: «Моя фамилия Зверев. Я закончил гуманитарный лицей. Ныне работаю лаборантом кафедры истории одного из центральных институтов в Минске». (My surname is Zverev. I finished the humanitarian lyceum. And now I work a laborer of historical department one of the central institute in Minsk).

Нетрудно видеть, что между указанными предложениями прогрессия не позиционирует себя в качестве последовательного перехода от одной мысли к другой. В настоящем случае она разорвана между двумя предложениями, которые, с одной стороны, иллюстрируют один из эпизодов автобио-

графии личности, с другой, представляют собой два совершенно самостоятельных высказывания.

В модель под номером «4» входит тематическая последовательность с так называемой расщеплённой темой. Суть её состоит в том, что в предложении рассматриваются два объекта, действия которых не равнозначны по своему составу и содержанию.

Например: «В столовой перед продавцом кафе стоят два студента.

Один считает деньги;

Другой выбирает себе обед». (*Построчный перевод на английский язык по аналогичной схеме*).

Как видим, действия двух объектов (субъектов) раздваиваются, расщепляются. При этом основной предмет исследования, составляющий тему высказывания (столовая), остаётся единым.

Прогрессию с расщеплённой (раздвоенной) темой не следует путать с тематической последовательностью, в основе которой лежит разорванная тема. Лишь в лексико-семантическом отношении такие единицы, как расщеплённость, раздвоенность и разорванность может быть отнесена к синонимам. Но при актуальном членении предложения прогрессия выступает в иной функции. Два предложения, которые будут даны ниже, предполагают соответственно и два разных ответа.

Например: «Сергей Петрович вернулся из командировки.

- Откуда этот чемодан?

- Что это за документация?»

Приведённые предложения не равноценны по составу и содержанию. Во-первых, их конструкция является двумя перекрёстными репликами, и прогрессия тем самым выступает в форме диалога. Во-вторых, несмотря на разорванный характер ответов двух лиц, они лишь ассоциативно связаны с общей темой повествовательного предложения, находящегося в сильной позиции. (Сергей Петрович вернулся из командировки). Два последующих высказывания находятся в слабой позиции и между собой тематически не связаны. Однако чемодан и документация в нём, как объект прогрессии, непосредственно являются обобщением первого предложения. (То есть, не было бы командировки, не существовало бы ни чемодана, ни документации, находящейся в нём). Это пятая модель, в которой прогрессия выступает в функции разорванной темы.

До сих пор мы вели речь о тема-рематической последовательности высказываний. Однако тематическая прогрессия может иметь и иного рода структуру. Например, веерную – с несколькими типами тем и различными ремами.

Так, моделью № 6 обозначим тема-рематическую структуру веерного типа с константно повторяющейся темой и различными ремами. Тема стабильна, характеризуется целостностью высказывания, а рема носит более свободный характер. Ядро тематической прогрессии может иметь различные лексико-грамматические варианты.

Вариант № 1. Тематическая прогрессия основана на повторе слова, являющегося темой всех высказываний. Повтор может находиться как в препозиции, так и в постпозиции. По такому принципу тематической прогрессии построена четвертая строфа стихотворения Е.Долматовского «Рассказ медсестры»:

Подставляю руку в сгибе
И затягиваю жгут.
И отлынивает гибель
Через несколько минут [2, 33].

Повтор в постпозиции нередко встречается в древней и средневековой восточной поэзии. Например, в рубаи Хаккани Афзаладдина Ибрагима:

Поёт нам птица о любви, она сама – любовь,
И сокровенного язык, и свет ума – любовь.
И озаренье бытия, и смерти тьма – любовь,
Освобождение души, твоя тюрьма – любовь [3, 430].

Вариант № 2. Тематическая прогрессия основана на повторе местоимения:

У Рудаки Абуабдаллаха Джафара читаем:
Цветок мой желанный, кумир тонкостенный,
О, где долгожданный напиток твой пьяный,
Он веет прохладой... [3, 28].

В этом стихотворении тематическое слово первой поэтической фразы «цветок» в последующем заменяется личным местоимением "он".

Вариантов тематической прогрессии существует очень много. Следует также учитывать, что в объёмных текстах, как правило, наблюдается переплетение и наложение тема-рематических структур разного вида. Но это уже выходит за рамки тезисов, как краткого обзора тематической прогрессии в русском и английском языках.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Энциклопедия, 1978, 546 с.
2. Долматовский Е. И песня, и стих. М.: Молодая гвардия, 1975, 158 с.
3. Жемчужины персидской поэзии. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2001, 432 с.
4. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976, 543 с.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С СОМАТОНИМАМИ «ГЛАЗ», «НОС», «УХО» И «ЯЗЫК» В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Войтова Н.А.

ассистент кафедры преподавания русского языка в других языковых средах,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, г. Нижний Новгород

В статье рассматриваются межъязыковые фразеологические эквиваленты (полные и частичные) и безэквивалентные фразеологизмы, включающие в свой состав соматонимы

«глаз», «нос», «ухо» и «язык», в русском и польском языках. В качестве основного метода исследования используется научный инструментарий сопоставительной фразеологии. Предполагается, что изучение межъязыковых соответствий фразеологизмов с соматонимами может способствовать более глубокому познанию особенностей национальной языковой картины мира, национального характера и национальной культуры сопоставляемых этносов.

Ключевые слова: сопоставительная фразеология, русский и польский язык.

Фразеологизмы, включающие в свой состав соматонимы «глаз», «нос», «ухо» и «язык», составляют базовый фразеологический фонд любого естественного языка, что обусловлено особенностями человеческого восприятия мира, которое в основе своей осуществляется посредством органов чувств. Не случайно еще В.И. Абаев относил соматическую лексику к категориям абсолютно необходимых в любом обществе слов-понятий, образующих основной «общечеловеческий» фонд языка. Это – своеобразный метафизический фундамент существования языка [2, 55].

Это обстоятельство способствует формированию определенных сходств в образовании фразеологизмов с соматизмами в разных языках мира. Польский исследователь Ст. Скорупка относит фразеологизмы, в состав которых входит соматическая лексика, к **натуральным фразеологическим оборотам**, которые базируются на общих для всех людей ситуациях и потому могут выступать независимо друг от друга в разных языках с одинаковым значением и аналогичной деривационной базой: «К натуральным фразеологическим оборотам относятся обороты и выражения, опирающиеся на аналогии с названиями частей тела человека, внутренних и внешних органов человека, его функций и ощущений» [7, 127].

Однако при этом конкретный компонентный состав, образная основа и грамматические свойства указанных фразеологических единиц могут иметь определенные отличия, связанные с национально-культурной обусловленностью этнического взгляда на мир. Таким образом, изучение межъязыковых соответствий фразеологизмов с соматонимами может способствовать более глубокому познанию особенностей национальной языковой картины мира, национального характера и национальной культуры

Целью настоящего исследования является сопоставительный анализ русских и польских фразеологических единиц с соматонимами в составе с точки зрения сходств и различий их структуры и значения.

Выбор материала для исследования вызван интересом к сопоставлению фактов именно родственных языков, так как их контрастные черты проступают наиболее ярко на фоне сходных черт. В качестве основного метода исследования используется научный инструментарий сопоставительной фразеологии, отраженный в трудах [3; 4; 5].

Наиболее правомерным можно считать рассмотрение фразеологических единиц в семантическом, структурно-грамматическом и компонентном аспектах [1, 96]. Семантический уровень изучения фразеологических единиц направлен на выявление особенностей сходств и различий между русскими и

польскими фразеологизмами в семантическом плане. Структурно-грамматический уровень предполагает сопоставление структурных моделей фразеологических единиц, присущих как обоим языкам, так и специфичных для каждого из сопоставляемых языков. Компонентный уровень рассматривает тождественные, близкие по семантике или разнородные элементы в составе сопоставляемых фразеологизмов.

С учётом отмеченных уровней в работе выделяются следующие типы межъязыковых отношений: (1) фразеологические эквиваленты (полные и частичные); (2) безэквивалентные фразеологические единицы.

К **межъязыковым фразеологическим эквивалентам** относятся разноязычные фразеологические единицы с тождественной семантикой, структурно-грамматической организацией и с тождественным компонентным составом. В зависимости от различий в плане выражения степень совпадения структурных фразеологических эквивалентов может быть полной и частичной.

К **полным эквивалентам** мы относим фразеологизмы, соответствующие друг другу в двух или нескольких языках, характеризующиеся постоянным смысловым соответствием единиц языка, структурно-грамматической тождественностью и одинаковым компонентным составом [6] – табл. 1.

Таблица 1

Полные русско-польские межъязыковые фразеологические эквиваленты

Русские фразеологизмы	Польские фразеологизмы
<i>дурной глаз</i> – ‘по суеверным представлениям: взгляд человека, причиняющий вред, приносящий несчастье’	<i>złe oko</i> – ‘дурной глаз’ (взгляд человека, причиняющий вред, приносящий несчастье)
<i>своими (собственными) глазами</i> – ‘сам видел и убедился’	<i>własnymi oczami</i> – ‘собственными глазами’ (видеть что-л. своими глазами, осматривать, убедиться в чём лично)
<i>за глаза</i> – заочно, в отсутствии кого-л. (судить, характеризовать и т.п.)	<i>za oczu</i> – ‘за глаза’ (в отсутствии кого-л., заочно, без ведома кого-л. судить)
<i>раскрывать глаза <на что кому></i> – ‘помогать правильно понять действительное положение вещей, выводя из заблуждения’	<i>przecierać oczu</i> – ‘раскрывать глаза кому-л. на что-л.’ (открывать правду, сделать явным, очевидным)
<i>нос в нос</i> – ‘в непосредственной близости, совсем рядом’	<i>nos w nos</i> – ‘нос в нос’ (очень близко к себе)
<i>перед <самым> носом</i> – ‘в непосредственной близости от кого-л., рядом с кем-л.’	<i>pzed nosem</i> – ‘перед носом’ (очень близко, рядом, в двух шагах)
<i>водить за нос <кого></i> – ‘обманывать, вводить в заблуждение, обычно обещая что-л. и не выполняя обещанного’	<i>wodzić za nos <kogo></i> – ‘водить за нос <кого-л.>’ (обводить вокруг пальца, обманывать кого-л.)
<i>ковырять в носу</i> – ‘бездельничать, ротозейничать’	<i>dlubać w nosie</i> – ‘ковырять в носу’ (бездельничать, ничего не делать)
<i>не для <чьих> ушей</i> – ‘что-л. не следует слышать кому-л.’	<i>nie dla czyich uszu</i> – ‘не для чьих-л. ушей’ (обычно о разговоре, известии, деле, которым кто-л. не должен слышать, о котором не должен знать)

<i>пропускать мимо ушей</i> – ‘совершенно не реагировать на то, что говорится, на то, что сказано’	<i>puszczać <co> mimo uszu</i> – ‘пропускать что-л. мимо ушей’ (невнимательно слушать то, что говорят; не хотеть чего-л. слышать, не обращать внимания)
<i>острый язык (язычок)</i> – ‘кто-л. остроумен, саркастичен в разговоре’	<i>ostrzy język</i> – ‘острый язык’ (кто-л. остроумен, саркастичен в разговоре)
<i>находить (найти) общий язык</i> – ‘добиваться, достигать полного взаимопонимания, согласия’	<i>znajdować (znaleźć) <z kimś> wspólny język</i> – ‘находить (найти) <с кем-л.> общий язык’ (найти взаимопонимание, договориться)
<i>тянуть за язык</i> – ‘вынуждать сказать, высказать что-л., какую-л. мысль, мнение и т.п.’	<i>ciągnąć <kogoś> za język</i> – ‘тянуть (потянуть) за язык <кого-л.>’ (вызывать на откровенный разговор кого-л.; развязать язык кому-л.; выпытывать, выведывать у кого-л. что-л.)
<i>ломать язык</i> – ‘говорить плохо, неправильно из-за плохого знания языка, трудности произношения и т.п.’	<i>łamać <sobie> język</i> – ‘ломать язык’ (говорить плохо, неправильно из-за плохого знания языка, трудности произношения и т.п.)
<i>держат язык на привязи</i> – ‘не говорить лишнего, быть осторожным в высказывании чего-л.’	<i>trzymać (utrzymać) język na uwięzi</i> – ‘держат язык на привязи, придерживать, попридержат язык’ (быть осторожным в высказываниях, помалкивать)

Частичными эквивалентами являются фразеологические единицы, выражающие одинаковое или близкое значение, но характеризующиеся различиями в плане выражения, которые имеют морфологический характер, или различиями в компонентном составе (лексические различия).

Небольшое количество частичных фразеологических эквивалентов русского и польского языка характеризуется незначительными различиями в плане выражения при тождественной семантике, которые носят морфологический характер (табл. 2).

Таблица 2

Частичные русско-польские межъязыковые фразеологические эквиваленты (морфологические расхождения)

Русские фразеологизмы	Польские фразеологизмы
<i>между четырёх глаз</i> – ‘наедине с кем-л.; без свидетелей’	<i>w cztery oczy</i> – ‘с глазу на глаз’ (один на один, без свидетелей, наедине)
<i>резать глаза (глаз)</i> – ‘1) утомлять зрение, производить неприятное зрительное впечатление чрезмерной яркостью, пестротой и т.п.; 2) резко выделяясь из других, вызывать отрицательное отношение к себе’	<i>razić w oczy</i> – ‘резать глаза, в глаза’ (1) производить неприятное зрительное впечатление чрезмерной яркостью, пестротой и т.п.; 2) резко выделяясь из других, вызывать отрицательное отношение)
<i>задирать (задрать) нос</i> – ‘чваниться, важничать, зазнаваться’ – прямое объектное управление	<i>zadzierać nosa</i> – ‘задирать нос’ (зазнаваться, держаться высокомерно, надменно по отношению к другим) – косвенное объектное управление

<i>утереть нос <кому></i> – ‘показать, доказать своё превосходство в чём-л. перед кем-л.’ – прямое объектное управление	<i>utrzeć nosa</i> – ‘утереть нос’ (унизить кого-л., проучить кого-л.) – косвенное объектное управление
---	---

Большинство частичных эквивалентов русского и польского языков, имеющие тождественное или близкое значение, характеризуются различиями в плане выражения или в компонентном составе (табл. 3).

Таблица 3

**Частичные русско-польские межъязыковые фразеологические эквиваленты
(лексические расхождения)**

Русские фразеологизмы	Польские фразеологизмы
<i>пускать туман в глаза</i> – ‘создавать ложное мнение о ком-л. или о чём-л.; дурачить, обманывать кого-л.’	<i>zamydlić <komu> oczy</i> – ‘замылить <кому-л.> глаза’ (обмануть, провести кого-л.)
<i>щёлкать по носу <кого></i> – ‘проучивать, наказывать кого-л.’	<i>dać prztyczka w nos</i> – ‘дать щелчок в нос’ (проучить кого-л., дать нагоняй кому-л.)
<i>чуть носом</i> – ‘воспринимать что-л. чутьём, интуицией’	<i>poznać pismo nosem</i> – ‘почуять письмо носом’ (воспринимать чутьём, предвидеть ситуацию, догадаться о чём-л.)
<i>бросаться (броситься) в нос</i> – ‘резко пахнуть’	<i>bić w nos</i> – ‘бить в нос’ (о запахе, духоте)
<i>показать (показывать) нос <кому></i> – ‘дразнить кого-л. (приставив к своему носу руку с растопыренными пальцами)’	<i>zagrać palcami na nosie</i> – ‘сыграть пальцами на носу’ (показать нос кому-л.; показать пренебрежение к кому-л., шутить, насмехаться над кем-л.)
<i>не видеть дальше <собственного> носа</i> – ‘быть предельно ограниченным, не уметь замечать очевидного’	<i>nie patrzeć dalej, niż koniec swego nosa</i> – ‘не видеть дальше своего носа’ (быть ограниченным, быть эгоистом, интересоваться только своими делами)
<i>рот до ушей</i> – ‘о широкой улыбке, жизнерадостном смехе’	<i>gęba od ucha do ucha</i> – ‘рот до ушей’ (о широкой улыбке)
<i>тугой (туг) на ухо</i> – ‘плохо слышит, глуховат’	<i>głuchy na jedno ucho, na oba uszy</i> – ‘глухой на одно ухо, на оба уха’ (плохо слышит)
<i>высунув (высунувши) язык</i> – ‘1) очень быстро, не переводя дыхания (бегать, носиться и т.п.); 2) в хлопотах, до изнеможения (делать что-л.)’	<i>biegać, gonić, latać z wywieszonym językiem</i> – ‘бегать с высунутым языком’ (очень быстро, не переводя дыхание; быть в интенсивном, утомительном движении)

Безэквивалентными фразеологизмами называются фразеологические единицы рассматриваемого языка, не имеющие соответствий во фразеологической системе другого языка.

В русском языке в качестве безэквивалентных фразеологизмов можно привести следующие ФЕ: *нарубить на нос <кому>* – ‘приказать кому-л. за-

помнить крепко-накрепко’, *korоче воробьиного носа* – ‘предельно мал, короток, непродолжителен’, *оседлать нос очками* – ‘надеть очки’,

В польском языке примерами безэквивалентных фразеологических единиц являются: *podobny jak pięść do nosa* – ‘подобно как кулак в нос’ (непохожий, совершенно не подходит), *dostać ucho od śledzia* – ‘получить ухо от селёдки’ (не получить ровным счётом ничего, остаться ни с чем), *gracz na języki* – ‘игрок на языки’ (о том, кто легко со всеми находит общий язык и умеет хорошо выступать с трибуны), *nosić dwa języki w gębie* – ‘носить два языка во рту’ (говорить то так, то по-другому), *być języczkiem u wagi* – ‘быть языком у весов’ (иметь решающее значение, играть решающую роль; быть решающим фактором).

Таким образом, сопоставительный анализ межъязыковых отношений фразеологических единиц русского и польского языков обнаружил, что самыми многочисленными являются эквивалентные фразеологические единицы, причём большинство из них характеризуется полной соотнесённостью в семантическом плане, структурно-грамматической организации и компонентном составе.

Сопоставительное описание фразеологических единиц показывает, что даже родственные языки, каковыми являются русский и польский, демонстрируют некоторые расхождения во фрагментах языковой картины мира, что способствует более глубокому пониманию особенностей мироощущения и образа жизни того или иного народа.

Список литературы

1. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 126 с.
2. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избранные труды. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
3. Комарова Е.В. Фразеологизмы, выражающие различные формы отношений к людям, в русском, болгарском и польском языках // Филологические науки. – 1994. – №. 4 – С. 70-76.
4. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М.: Высшая школа, 1989. – 288 с.
5. Райштейн, А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии – М.: Высшая школа, 1980. – 143 с.
6. Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков. / Гл. ред. А.Г. Широкова. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 326 с.
7. Skorupka S. Idiomatyzmy frazeologiczne w języku polskim i ich geneza // Славянская филология. – М.: Наука, 1958. – Т.3. – С. 124-151.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ В ВОЛГОГРАДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ. К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Воробьева Г.В.

доцент кафедры русского языка, канд. фил. наук, доцент,
Волгоградский государственный технический университет,
Россия, г. Волгоград

Хрипунова Е.В.

доцент кафедры русского языка, канд. фил. наук,
Волгоградский государственный технический университет,
Россия, г. Волгоград

В статье рассматривается процесс социализации иностранных граждан, проходящих обучение в российских вузах, в частности, в Волгоградском государственном техническом университете, где создаются благоприятные условия для вхождения иностранного студента в новые для него социум и культуру. Процесс социализации рассматривается в тесной связи с процессом изучения русского языка как иностранного. В статье говорится о роли коммуникативного аспекта изучения русского языка в успешном овладении умениями и навыками общения, улучшающими процесс социализации.

Ключевые слова: социализация, социум, культура, русский язык как иностранный, коммуникативный аспект.

Обучение иностранного студента в российском вузе прежде всего включает в себя овладение русским языком, языком будущей специальности. Но процесс обучения неразрывно связан с процессами адаптации и социализации студентов, их вхождения в новый социум, новую культуру. Поэтому мы считаем, что при обучении языку важно уделять внимание тем языковым ресурсам, овладение которыми поможет студентам успешно пройти процесс социализации.

Социализация иностранных студентов – процесс сложный и длительный. Залогом его эффективности является планомерное и разностороннее воздействие на личность, создание соответствующей среды для реализации индивидуального потенциала, поэтапной адаптации студента к жизни в новом обществе.

Факультет подготовки иностранных специалистов Волгоградского государственного технического университета уделяет социализации иностранных студентов первостепенное внимание. Имея более чем пятидесятилетний опыт работы по языковой и профессиональной подготовке граждан зарубежных стран, наш факультет прекрасно осознаёт важность успешного прохождения процесса адаптации иностранного студента, включения его в общественную и культурную жизнь социума.

Факультет подготовки иностранных специалистов предлагает своим учащимся целый ряд культурных и образовательных программ, дающих воз-

возможность проявить себя, развить и закрепить полученные в процессе обучения умения и навыки общения на новом языке, показать свой языковой и личностный «багаж», больше узнать о традициях, истории России, о социальных нормах российского общества. В свой первый год в Волгограде наши студенты обязательно ездят на экскурсии по городу, посещают музеи, театры, библиотеки, концертные залы. Ежегодно на главной сцене университета проводятся концерты «Давайте познакомимся!», «Новогодний фейерверк», торжественное вручение дипломов выпускникам подфака. На факультете работает Клуб русского языка, традиционными мероприятиями которого стали конкурсы Мисс и Мистер ВолгГТУ (среди иностранных студентов, изучающих русский язык не более года). Также под эгидой Клуба проводятся вечера национальных культур, на которых студенты одной диаспоры на русском языке рассказывают о своей стране, поют песни, инсценируют сказки, представляют блюда национальной кухни.

Регулярно проводятся встречи, круглые столы с участием российских и иностранных студентов, интернациональные фестивали, выезды на турбазы, в спортивный лагерь ВолгГТУ, футбольные чемпионаты.

Иностранные учащиеся представляют свой факультет в программах студенческого клуба ВолгГТУ, например, в конкурсе талантов первокурсников, в смотре творческих коллективов университета, в концерте «Гордость Политеха». С их участием проводится довольно много мероприятий и развлекательного, молодёжного плана: новогодний бал ВолгГТУ, почта «валентинок» и т.д.

Иностранные студенты Технического университета принимают участие в общегородских мероприятиях, таких, как празднование дня рождения Волгограда, новогодний парад Деда Мороза и Снегурочки, масленичные гуляния, день Победы.

Выпускается газета ФПИС «За горизонтом». На подготовительном факультете проводится Олимпиада по русскому языку, включающая в себя 3 тура: письменная творческая работа, конкурс чтецов и ролевые игры. В мае каждого года Технический университет собирает вузы города на трёхдневный Фестиваль русской речи, в рамках которого проходят как языковые конкурсы, так и выставки, концерты.

Конечно, успешной реализации перечисленных выше культурных и образовательных программ предшествует длительная и кропотливая работа, прежде всего с языком, помогающая студентам не только овладеть некоторыми языковыми моделями и научиться оперировать соответствующими этикетными фразами. Задача преподавателя на определенном этапе обучения помочь студенту научиться воспринимать неподготовленную речь, зачастую содержащую незнакомую лексику, ориентироваться в массиве этой речи, вычленять основной смысл и уметь адекватно ответить, правильно выразив свои мысли и идеи.

Поэтому нельзя переоценить важность такого вида работы с обучаемыми, как аудирование. И здесь помогает не только такой традиционный вид работы, как обучение студента конспектированию лекции, но и другие виды,

например, ролевые игры. Они помогают обучаемым строить диалог на заданную тему, понимать общий смысл устной речи, быстро реагировать, отвечая на вопросы или подавая ответные реплики, и уметь облечь свою речь в грамматически правильную форму. Кроме всего прочего следует заметить, что ролевые игры вызывают у студентов живой интерес, что повышает учебную мотивацию.

Следует заметить, что предлагаемые студентам программы не ограничиваются рамками одного вуза или города.

Ежегодно иностранные студенты ФПИС участвуют как в городских, так и во всероссийских фестивалях соответствующего профиля. Только в 2015 году представители Технического университета побывали в Астрахани, Орле, Ставрополе, Элисте.

Скажем несколько слов и о землячествах.

Землячества студентов, существовавшие в Волгограде давно, в последние годы начали преобразовываться в национальные студенческие ассоциации. Самыми крупными и активно работающими объединениями являются Ассоциация арабских студентов Волгограда, Ассоциации вьетнамских и нигерийских студентов. Перечислим некоторые направления деятельности названных ассоциаций:

- помощь вновь прибывшим студентам в адаптации к жизни в российском обществе, решение учебных, финансовых, юридических проблем, возникающих у обучаемых на подготовительном факультете, первом курсе;
- помощь в решении различных проблем и вопросов, возможных конфликтов в диаспорах;
- совместное празднование памятных дат, национальных дней, традиционных праздников;
- поощрение лучших в учёбе, творчестве, спорте студентов;
- организация экскурсий в другие города России;
- знакомство волгоградцев с культурными особенностями своей страны;
- координация деятельности с российскими молодёжными общественными организациями, участие в городских и областных культурных программах.

Отраден тот факт, что многие иностранные студенты Технического университета не просто хорошо адаптируются к жизни в российском социуме, находят своё место в нём, но и добиваются определённых, прежде всего творческих, успехов, становятся заметными и известными в студенческой среде, в Волгограде. Приведём несколько примеров последних лет. Студент из Нигерии Акинола Акиндамола выиграл конкурс молодых исполнителей эстрадной песни имени Александры Пахмутовой и получил награду из рук самого композитора; нигерийка Джейн Эгбе представляла команду Волгограда в танцевальном шоу «Большие танцы». Лоренс Дарко из Ганы – популярный ди-джей K-Sly, работает в клубах не только Волгограда, но и Москвы, Будапешта; Мигел Лумбела (Мозамбик) открыл свою танцевальную студию по обучению кизомбе.

Конечная цель работы по социализации в нашем университете – создание такой атмосферы, среды, чтобы иностранный студент получал образование в России с удовольствием, не чувствовал себя чужим, мог открыть для себя нашу интересную страну, полюбить её, запомнить только с хорошей стороны. Русский язык в этом случае становится не только языком специальности и средством межнационального общения, но и необходимым инструментом процесса успешной социализации иностранных студентов.

ПРИОРИТЕТНЫЕ ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Вотинцева Е.В.

аспирант факультета башкирской филологии и журналистики,
Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа

В статье рассматриваются приоритетные ценности православной и нерелигиозной молодежи и их различия. Также уделяется внимание одному из ключевых понятий современного языкознания – понятию языковой картины мира. Автором предпринята попытка выявления роли ценностей в жизни современной молодежи и в их поведении.

Ключевые слова: языковая картина мира, ценности, респонденты, нерелигиозная молодежь, православная молодежь.

Языковая картина мира является одним из фундаментальных понятий современной лингвистики. Термин «языковая картина мира» был впервые введен Л. Вайсбергом, однако, это понятие в своих трудах рассматривал еще В. Гумбольдт. Несмотря на то, что исследованию языковой картины мира посвящено немало работ лингвистов, до «сих пор не существует единого подхода к определению этого понятия» [6, с. 241]. Картина мира – это «наше представление об окружающем мире, основанное на опыте и знаниях предыдущих поколений» [5, с. 65]. На наш взгляд, наиболее полно раскрывает сущность языковой картины мира следующее ее определение: «Языковая картина мира – исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [1, с. 45].

Языковая картина мира представителей различных социальных групп, а особенно молодежи, является малоизученной сферой современной лингвистики. Особенность молодежной группы состоит в том, что картина мира молодежи не стабильна. Язык выступает в качестве адаптационного пространства, позволяющего молодежи приспосабливаться к окружающему миру, определиться со своим постепенно меняющимся статусом и со статусом окружающих людей.

Для молодого человека продолжается важный этап жизни – становление личности, что невозможно без формирования целостной картины мира. Нужно заметить, что особое место в процессе становления любой личности

занимают ориентиры на основные нравственные ценности, которые являются своеобразным мериллом всех поступков и оценок человека.

Многие ценности универсальны для различных социальных групп. Для того, чтобы выявить ценности, значимые для современной молодежной среды, мы провели опрос в группах, дифференцированных по религиозному критерию: первую группу составила православная молодежь (всего 50 человек в возрасте от 17 до 22 лет, это учащиеся старших классов и студенты вузов, из них 25 девушек и 25 юношей); вторая группа – нерелигиозная молодежь (также 50 человек в возрасте от 17 до 22 лет; это школьники, либо студенты вузов, 25 девушек и 25 юношей). Задачей самодиагностики респондентов было ранжирование набора ценностей, составленного с опорой на классификации Г. Мюнстерберга, М. Шелера, Г. Риккерта и В.П. Тугаринова: Здоровье, Деньги, Семья, Мир (не война), Стабильность в обществе, Любовь, Дружба, Работа, Карьера, Учеба, Жизнь, Сохранение нации, Религия, Развлечения. Респонденты также могли добавить другие, важные для них ценности.

Полученные данные приведены в таблице, отражающей иерархию ценностей с учетом частотности их выбора в каждой респондентской группе.

Таблица

Результаты исследования

Ценности	1 группа	3 группа
Здоровье	6	2
Деньги	12	13
Семья	2	1
Мир (не война)	7	4
Стабильность в обществе	13	8
Любовь	5	3
Дружба	1	6
Работа	9	10
Карьера	8	9
Учеба	11	7
Жизнь	10	5
Сохранение нации	4	12
Религия	3	14
Развлечения	14	11

Не представляется случайным, что респонденты первой группы считают одной из наиболее значимых ценностей религию (православная молодежь выдвинула ее на третье место); при этом нерелигиозная молодежь считает наиболее ценной семью, религия же занимает в их сознании 14 (последнее) место (в группе верующей молодежи этим рангом обладают развлечения).

В целом семья, дружба, здоровье и любовь по-прежнему остаются значимыми для российской молодежи, независимо от их религиозной принадлежности (вероятно, что любовь трактуется респондентами различно, сообразно их мировидению). Второй по значимости категорией для атеистичной молодежной группы является здоровье (ср.: оно занимает 6

место в иерархии ценностей другой группы), ценна также жизнь и учеба (ср. 5 и 7 место во второй респондентской группе).

Одна из важнейших ценностей всех трех групп – мир (4 и 7 место); наименее значимой является категория «деньги», что в целом соответствует доминанте российского / русского менталитета, выявляемой, например, С.Г. Тер-Минасовой [3, с. 43-45], И.А. Стерниным, Ю.Е. Прохоровым [2, с. 115-118], Ф.Г. Фаткуллиной [4, с. 138-139].

Кроме различий в иерархии ценностей между первой и второй группами, имеются сходства, которые объясняются тем, что они являются представителями одного возраста и сферы деятельности.

Опираясь на проведенное исследование приоритетных ценностей молодежной среды, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день понятие «ценность» не существует «само по себе», а проявляется как элемент действия отдельного человека или социальной группы. Шкалы ценностей двух респондентских групп демонстрируют то, какую роль играют ценности в жизни современной молодежи и в их поведении. Они представляют собой концепции жизненных предпочтений личности и социальной группы, отражающие ее способности осмысления окружающей реальности, оценочного отношения к ней, а также ее эмоциональное (аффективное) состояние, волюнтивные интенции и выступают важнейшими мотиваторами деятельности того или иного социального субъекта.

Список литературы

1. Джиоева А.А. Английский менталитет сквозь призму ключевых слов: Understatement. // Вестник МГУ. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». № 3, 2006. – С. 45-56.
2. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение / Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 328 с.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. 264 с.
4. Фаткуллина Ф.Г. Деструктивная лексика в современном русском языке: монография [Текст]/Ф.Г. Фаткуллина. – Уфа: ИПК при Администрации Президента Республики Башкортостан, 1999. – 300 с.
5. Фаткуллина Ф.Г. Концепт «деструкция» и способы его представления в русском языке – Вестник РУДН, серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – М., 2010, № 2, С. 60-67.
6. Fatkullina F.G. Typology of concepts in modern linguistics// Педагогический журнал Башкортостана, №1 (15), 2015. С.239-243.

КОМПОНЕНТЫ СИТУАЦИИ ДЕСТРУКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

Галиева Р.Р.

аспирант факультета башкирской филологии и журналистики,
Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа

В статье анализируются способы организации деструктивной ситуации. В качестве основной единицы анализа выбран глагол, как наиболее приспособленная единица для

номинации деструктивной ситуации. Подробно рассмотрены основные признаки деструктивного действия, компоненты каузативной ситуации, а также ее прототипический характер.

Автором делается вывод о том, что, вследствие деструктивных изменений объект становится носителем деструктивного состояния, которое представляет собой отклонение от нормы и делает невозможным существование, функционирование или использование объекта

Ключевые слова: лексическая семантика, деструктивность, ситуация, русский язык, глагол, каузативность, прототип.

Глагол является наиболее приспособленным для номинации деструктивной ситуации [2; 5]. Деструктивные глаголы несут информацию об изменении субстанции, о смене одних состояний другими, о переходе из одного состояния в другое (зерно → мука, яблоко → пюре, вода → пар, снег → вода). Причем деструктивный глагол содержит информацию и о первом, и о втором состоянии, а значит, «план содержания, соотносимый с глагольной формой, может быть представлен как полиситуативный, полисобытийный, полипропозициональный комплекс» [4, с.147].

Для глаголов изменения состояния предметов характерно отражение всей ситуации в основной части, а ее исхода и результата – в периферийной части. В соответствии с этим некоторые глаголы деструктивного действия отображают только непосредственно ситуацию разрушения, а выводы, касающиеся исхода действия, иногда носят вероятностный характер, т. е. «глаголы деструктивного действия могут являться потенциально деструктивными» [2, с.201].

При рассмотрении ситуации деструктивного действия с когнитивной точки зрения необходимо учитывать еще и особый статус категории причины для человеческого знания, принимая во внимание кластерный способ организации и интеракционный характер признаков этой категории [1]. Поскольку каузативность и различные способы ее морфологического и синтаксического оформления имеются в грамматической системе большинства языков, можно говорить об универсальности данной категории. Для данной статьи работы важнейшим является тезис о ее прототипическом характере, что подтверждается возможностью прототипических эффектов, а также наличием прототипических единиц, представляющих соответствующий фрейм. Прототип каузативной ситуации, по Дж. Лакоффу, представлен следующим пучком интеракционных признаков:

1. Имеется субъект, который делает нечто.
2. Имеется объект, который претерпевает изменение, переходя в новое состояние.
3. Признаки 1 и 2 образуют единое событие; они накладываются друг на друга во времени и пространстве; агент вступает в контакт с объектом.
4. Часть того, что делает субъект (движение или усилие воли), предшествует изменению объекта.
5. Субъект является источником энергии, объект является получателем энергии.
6. Субъект и объект являются единичными и определенными.

7. Субъект является человеком.
8. а. Субъект намеревается совершить действие.
б. Субъект контролирует свое действие.
в. Субъект несет ответственность за действие и изменение.
9. Субъект использует свои руки, тело или какой-то инструмент.
10. Субъект смотрит на объект, изменение в объекте является воспринимаемым, и субъект воспринимает изменение [1, с. 82].

В приведенной схеме можно отметить несколько важных компонентов, на которые следует обратить внимание:

1) **намеренность и целенаправленность действия** (8а), поскольку, по мнению большинства ученых (Ш. Балли, Ю.Д. Апресян и др.), значение каузативных отношений передается формулой «сделать так, чтобы...», не только выражающей причинно-следственные отношения, но и предполагающей намерение и преследование определенной цели (4); следовательно, прототипический субъект действия в условиях каузативной ситуации должен обладать признаками «одушевленность» и «лицо» (7).

2) **контролируемость действия** субъектом, а также ответственность субъекта за выполненное действие (8б и 8в), что является логичным, поскольку прототипическая ситуация каузативного действия предполагает, как уже было сказано, наличие цели и намерения у субъекта.

3) **воспринимаемый характер результата каузативного действия** (10), что чрезвычайно важно при определении статуса глагола и отнесении его к каузативным глаголам.

Ситуация любого действия, в том числе и каузативного, соотносится с предложением и является его денотатом, что предполагает сосуществование и взаимодействие двух противоположных аспектов этой ситуации: 1) конкретный аспект предложения соотносит действие с конкретным фрагментом действительности; 2) абстрактный аспект соотносит его с абстрактными представлениями о внеязыковой действительности; «отличительной особенностью этого аспекта является обобщенность и приложимость к схожим, но все же отличным друг от друга ситуациям» [3, с. 59]

Такое представление четко соотносится с «концепцией структурной организации знания в концептуально-когнитивной системе человека» [6, с. 240]. Существующая в ее рамках структура фиксирует категориальные особенности события, то есть обладает достаточной абстрактностью, чтобы быть актуализированной рядом нетождественных ситуаций.

Итак, каузативная ситуация, представленная глаголами деструктивного действия, включает три компонента и фиксирует следующую цепочку отношений: Субъект действия > Объект действия > Объект (состояние). Отношения, которые связывают субъект и объект действия, предполагают воздействие субъекта или активного деструктивного фактора на объект, в результате которого внутри объекта происходят деструктивные изменения. Вследствие деструктивных изменений объект становится носителем деструктивного состояния, которое представляет собой отклонение от нормы и делает невозможным существование, функционирование или использование объекта.

Список литературы

1. Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. Пер. с англ. и нем. – М., 1996. – С 143–184.
2. Фаткуллина Ф.Г. Деструктивная лексика в современном русском языке: монография [Текст]/Ф.Г. Фаткуллина. – Уфа: ИПК при Администрации Президента Республики Башкортостан, 1999. – 300 с.
3. Фаткуллина Ф.Г. Концепт «деструкция» и способы его представления в русском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2010. № 3. С. 57-66.
4. Фаткуллина Ф.Г. Понятие деструкции в лексической семантике: монография [Текст]/Ф.Г. Фаткуллина. – Уфа, 2003. – 268 с.
5. Шведова, Н. Ю. Глагол как доминанта русской лексики / Н. Ю. Шведова // Филологический сборник: К 100-летию со дня рождения акад. В. В. Виноградова. М., 1995. – С. 414–421.
6. Fatkullina F.G. Typology of concepts in modern linguistics// Педагогический журнал Башкортостана, №1 (15), 2015. С.239-243.

ПОНЯТИЕ ТОКЕНИЗАЦИИ В КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Гречачин В.А.

аспирант кафедры русской и сопоставительной филологии,
Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа

В статье рассматривается теоретическая база одного из этапов обработки естественных языков в компьютерной и корпусной лингвистике.

Ключевые слова: токенизация, токен, текст, строка, регулярные выражения.

В данной статье мы попытаемся разобраться в токенизации в корпусной лингвистике, рассмотрим теоретическую базу этого процесса. Процесс токенизации (англ. tokenization) является основным этапом обработки естественных языков в компьютерной и корпусной лингвистике. В англоязычной литературе область знаний, которая занимается разработкой алгоритмов компьютерной обработки текста, называется Natural Language Processing (NLP). Знания NLP активно используются в корпусной лингвистике для создания корпусов и разработки программ для работы с этими корпусами. Токенизация наряду с лемматизацией, стеммингом, парсингом является неотъемлемой частью сложного процесса создания корпуса. Сразу отметим, что мы рассматриваем процессы обработки языка в рамках парадигмы компьютерной лингвистики. Поэтому «текст всегда рассматривается нами как электронная последовательность символов» [4, с. 241]. То есть мы имеем дело с электронным текстом. Обычно электронный текст представлен в виде строчковых данных, то есть представляет собой строку определенной длины, которую возможно обработать.

Токенизация – это процесс обработки текста, который заключается в разбиении его на отдельно значимые единицы, **токены** (англ. tokens) [1]. Отдельно значимыми единицами обычно являются словоформы, знаки пункту-

ации. Поясним, в электронном варианте необработанный текст – это ограниченный длиной строки поток знаков: буквы, цифры, пробелы, знаки форматирования (абзац, разрыв строки и пр.), знаки пунктуации и т. д. **Строка** – это тип данных, значениями которого является произвольная последовательность символов. Обычно на компьютерном языке данные, которые являются строкой, заключены в кавычки. Для того, чтобы компьютер мог понять где слово, а где знаки пунктуации, ему необходимо указать это. Как раз в этом случае и прибегают к токенизации. Зачастую текст разбивают и на отдельные предложения. Токенизация является первоначальным этапом при создании корпусов. После того, как «текст разбит на отдельно значимые единицы появляется возможность дальнейшей обработки» [2, с. 243]: лемматизация, стемминг, парсинг. То есть становится возможным оперировать с отдельно значимыми единицами, например, можно провести грамматическую разметку этих единиц, указать компьютеру какой из элементов является глаголом, а какой существительным. Токенизация, как правило, осуществляется в средах программирования, например, в Python, Perl, vi автоматически, полуавтоматически или вручную с помощью регулярных выражений [3]. Основная проблема автоматических токенизаторов заключается в том, что не всегда получается однозначно разделить текст на отдельно значимые единицы. «Если бы языки обладали совершенной пунктуацией, токенизация не представляла бы сложности – даже самая простая программа могла бы разделить текст на слова, руководствуясь пробелами и знаками препинания» [1]. То есть в тексте могут быть аббревиатуры или сокращенные слова, например, *прим.* Необходимо ли разделять *прим.* на 2 токена? А что делать, если *прим.* стоит в конце предложения? В этих случаях приходится токенизировать текст вручную в зависимости от контекста. Кроме того, в тексте могут быть смайлы, вроде стандартных ☺, ☹ и т. д., или даже выдуманные автором.

Регулярные выражения – это стандартная система обозначений, которая понятна компьютеру в средах программирования, и которая используется для спецификации текстовых последовательностей. Регулярные выражения используются в веб-поиске, в других информационно-поисковых приложениях, а также играют важную роль в NLP, например, они необходимы для токенизации, вычисления частот в корпусах, и для других подобных задач. РВ были разработаны Клином в 1956 году [5]. Проще, регулярные выражения – это алгебраические обозначения, необходимые для спецификации набора строк, то есть для создания шаблонов. Таким образом, они могут быть использованы для поиска строк, а также для формального определения языка. Поиск с помощью регулярных выражений требует шаблона и корпус текстов, в котором предстоит производить поиск. Регулярные выражения проводят поиск по шаблону в корпусе и выводят все подстроки. Подстрока – это отрезок последовательности знаков извлеченный из основной строки, то есть подстрокой в заданной строке может являться конкретное слово или же запятая. Таким образом, процесс токенизации с помощью регулярных выражений заключается в разбиении строки на подстроки.

Список литературы

1. Захаров В.П., С.Ю. Богданова. Корпусная лингвистика. Учебник. Иркутск: ИГЛУ. 2011. [Электронная книга].
2. Фаткуллина Ф.Г. Понятие деструкции в лексической семантике: монография [Текст]/Ф.Г. Фаткуллина. Уфа. 2003. 268 с.
3. Bird S., Klein E., Loper E. NLTK Book. 2014. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.nltk.org/book/> (дата обращения: 09.10.2015)
4. Fatkullina F.G. Typology of concepts in modern linguistics// Педагогический журнал Башкортостана, №1 (15), 2015. С.239-243.
5. Jurafsky D., Martin J. H. Speech and Language Processing. NJ: Prentice Hall. 2000. [Электронная книга].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА

Зиновьева Т.В.

учитель русского языка и литературы,
ГБПОУ г. Москвы КМТИ им. Г.П. Вишневской, Россия, г. Москва

Исследование посвящено изучению теоретических аспектов формирования и развития личности ребенка.

Ключевые слова: ребенок, личность, воспитание, педагогика, нравственность, этика, природа.

В широком социальном смысле **воспитание** – это передача накопленного опыта (знания, умения, способы мышления, нравственные, этические и правовые нормы) от старших поколений к младшим.

В узком социальном смысле под воспитанием понимается направленное воздействие на человека со стороны общественных институтов с целью формирования у него определенных знаний, взглядов и убеждений, нравственных ценностей, политической ориентации, подготовки к жизни.

В широком педагогическом смысле воспитание – это специально организованное, целенаправленное и управляемое воздействие коллектива, воспитателей на воспитуемого с целью формирования у него заданных качеств, осуществляемое в учебно-воспитательных учреждениях и охватывающее весь учебно-воспитательный процесс.

Роль воспитания оценивается по-разному – от утверждения его полной бессмысленности (при неблагоприятной наследственности и плохом влиянии среды) до признания его единственным средством изменения человеческой природы. Воспитанием можно добиться многого, но полностью изменить человека нельзя.

Важнейшая задача воспитания – выявление склонностей и дарований, развитие в соответствии с индивидуальными особенностями человека, его способностями и возможностями.

Специальные исследования показали, что воспитание может обеспечить развитие определенных качеств, только опираясь на заложенные приро-

дой задатки. Воздействуя на развитие человека, воспитание само зависит от развития, оно постоянно опирается на достигнутый уровень развития.

Цели и методы воспитания должны соответствовать не только уровню развития, уже достигнутому ребенком, но и «зоне его ближайшего развития». Только то воспитание признается хорошим, которое идет вперед развития. Формирует личность воспитание, ведущее за собой развитие, ориентирующееся на процессы, которые еще не созрели, но находятся в стадии становления.

В процессе развития общества сложилось и развивается большое разнообразие отношений, которые определяют умонастроение, деятельность и поведение личности и выступают в качестве важнейших компонентов ее всестороннего формирования. Эти отношения можно расчленить на следующие группы [7].

Первую группу составляют социальные отношения личности, определяющие ее мировоззрение и общественную направленность поведения.

Вторую группу составляют нравственные отношения. Они включают:

- 1) отношение к родине (патриотизм), к другим странам и народам (культура межнациональных отношений);
- 2) отношение к труду (трудолюбие);
- 3) отношение к общественному достоянию, охране природы и материальных ценностей общества (бережливость и т.д.);
- 4) отношение к выполнению учебных обязанностей (дисциплинированность);
- 5) отношение к другим людям и к самому себе (коллективизм, честность, правдивость, скромность, товарищество, чувство собственного достоинства).

Третью группу составляют эстетические отношения (понимание различных видов искусства, стремление к творчеству в области искусства и т.д.). Четвертую группу составляют отношения, связанные с физической культурой личности.

Все это позволяет сделать вывод, что содержание воспитательной работы в школе и других образовательно-воспитательных учреждениях включает в себя:

- 1) формирование научного мировоззрения, социализацию личности; нравственное развитие учащихся, составными частями которого являются формирование патриотизма и культуры межнациональных отношений добросовестного отношения к труду, сознательной дисциплины, культуры поведения и т.д.;
- 2) эстетическое формирование учащихся;
- 3) физическое развитие.

В последние годы в педагогике активно разрабатывается проблема интегративности процесса формирования личностных качеств [5]. Процесс выработки всякого личностного качества начинается с формирования простейших элементов поведения, которые в дальнейшем усложняются, переплетаются и, сочетаясь между собой, то есть, интегрируясь, определяют развитие и укрепление этого качества. Здесь имеют значение два момента: во-первых, в

силу возрастных особенностей учащихся нельзя сразу во всей полноте сформировать личностное качество. Во-вторых, любое личностное качество является слишком сложным образованием, и его формирование начинается с выработки сравнительно простых умений и навыков поведения и продолжается в дальнейшем путем их усложнения, обогащения и интеграции в сложный комплекс привычек.

Без детального продумывания предстоящей воспитательной работы нельзя успешно решить ни одной педагогической задачи. Но в процессе воспитания у учащихся необходимо формировать не одно, а, множество различных черт и качеств. Как же быть в этом случае?

При решении данной проблемы следует исходить из того, что, как отмечал А.С.Макаренко, человек не воспитывается по частям и что все его свойства и качества развиваются одновременно и в теснейшей связи между собой. В самом деле, учащиеся обычно вовлекаются в различные виды и формы учебной, общественной, патриотической, трудовой, нравственно-эстетической и санитарно-оздоровительной деятельности, а также находятся в постоянном индивидуальном и коллективном общении. Все это способствует развитию у них соответствующих потребностей и мотивов поведения, обогащает их сознание, взгляды и убеждения, служит средством выработки поведенческих навыков и привычек, что в своей совокупности и приводит к укреплению и совершенствованию разнообразных личностных свойств и качеств.

Указанная многосторонность и целостность развития учащихся имеет весьма важное методическое значение.

Воспитательная работа в школе должна включать два взаимосвязанных направления, одно из которых должно способствовать одновременному формированию всех личностных качеств учащихся, второе – предусматривать решение в каждый отдельный период работы с детьми одной-двух ведущих воспитательных задач, связанных с выработкой тех черт и качеств, которые отстают в своем развитии. Только сочетание этих двух направлений в осуществлении воспитательной работы позволяет добиваться ее высокой результативности и педагогической действенности.

Мораль общества охватывает большое многообразие отношений. Если их сгруппировать, можно четко представить содержание воспитательной работы по нравственному формированию учащихся. В целом эта работа должна включать в себя формирование следующих моральных отношений:

- отношения к идеологии и политике нашего государства: понимание хода и перспектив мирового развития; правильная оценка событий внутри страны и на международной арене; понимание моральных и духовных ценностей; стремление к справедливости, демократии и свободе народов;
- отношения к родине, другим странам и народам: любовь и преданность родине; нетерпимость к национальной и расовой неприязни; доброжелательность ко всем странам и народам; культура межнациональных отношений;
- отношения к труду: добросовестный труд на общее и личное благо? соблюдение дисциплины труда;

- отношения к общественному достоянию и материальным, ценностям: забота о сохранении и умножении общественной и личной собственности; бережливость; охрана природы;
- отношения к людям: коллективизм, демократизм, взаимопомощь, гуманность; взаимное уважение; забота о семье и воспитании детей;
- отношения к себе: высокое сознание гражданского долга; честность и правдивость; простота и скромность в общении и личной жизни; нетерпимость к нарушениям общественного порядка и дисциплины; принципиальность [6].

Патриотизм и культура межнациональных отношений являются глубокими чувствами, которые формировались у людей на протяжении веков и тысячелетий.

Впервые слово патриот стало употребляться в период французской революции 1789–1793 гг. Патриотами называли себя борцы за народное дело, защитники республики в противовес, как тогда считали, изменникам и предателям родины из лагеря монархистов [3].

Обратимся к философскому истолкованию слова: Патриотизм (от греч. *patris* – отечество) – нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы родины. В лексическом же значении слово "патриотизм" обозначает "любовь к родине, преданность своему отечеству, своему народу".

В данных определениях акцент делается главным образом на различных отношениях личности к родине. Но очевидно, что эти отношения нельзя свести только к нравственным чувствам. Они имеют более широкий смысл и включают в себя соответствующую потребностно-мотивационную сферу личности, ее патриотическое сознание и поведение, которые, будучи закрепленными, в своей совокупности и характеризуют патриотизм как моральное качество.

Культура межнациональных отношений есть не что иное, как высокая степень совершенства и развития этих отношений, которые проявляются в межнациональных экономических и духовных связях разных народов.

К содержанию культуры межнациональных отношений следует отнести: уважение к людям различных национальностей; соблюдение нравственного; такта по отношению к языку, национальным: обычаям и традициям других народов; проявление интереса к достижениям культуры и жизни других государств и народов; стремление развивать общечеловеческие ценности и т.д.

Дисциплина обладает значительным воспитательным потенциалом. Она делает человека подтянутым, сдержанным, стимулирует его к самообладанию, способствует формированию умения подчинять свои действия и чувства достижениям поставленной цели» создает условия для преодоления своих недостатков и повышения культуры поведения. Именно это и делает воспитание сознательной дисциплины и культуры поведения исключительно важной задачей нравственного формирования личности в школе.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Проблема развития. //Собрание сочинений в 6т. Москва. – 1984. – т.4.
2. Гавриловец К.В., Казимирская И.И. Нравственно-эстетическое воспитание школьников. Мн., 2007.
3. Гавриловец К.В., Казимирская И.И. Нравственно-эстетическое воспитание школьников. Мн., 2007
4. Иващенко Ф.И. Труд и развитие личности школьника. М., 2001.
5. Коротов В.М., Методика воспитательной работы -М.: Просвещение, 1990. 175 с.
6. Новикова Л.И. Школа и среда. М., 2000.
7. Титова Е.В. Воспитание. Научные дискуссии и исследования // Сборник научных трудов. Под ред. – СПб.: РГПУ, 2009.

ДЕКОНСТРУКЦИЯ МОДЕЛИ ВИКТОРИАНСКОГО РОМАНА В «СЛУЧАЙНОЙ ВАКАНСИИ» ДЖ. К. РОУЛИНГ

Ивденко Н.В.

магистрант кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения, Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

В статье рассматривается «Случайная вакансия», произведение знаменитой английской писательницы Дж. К. Роулинг, с позиции деконструкции модели викторианского романа в «массовой» литературе. Элементы постмодернизма, поэтика и проблематика произведения сближают текст с неовикторианскими романами, восстанавливая при этом в сознании читателя образ второй половины XIX века, поднимая вопросы, актуальные для того времени, но переосмысленные современностью.

Ключевые слова: викторианство, неовикторианство, постмодернизм, деконструкция, модель романа, «массовая» литература.

Викторианская литература оставила заметный след в культурном наследии Англии. Она повлияла на все последующее творчество британских писателей. В современной литературе викторианская проза предстает как гипертекст, а роман XIX века стал неким архетипом и рассматривается как сумма того, что было написано о прошедшей эпохе. В результате современный роман, обращающийся к проблемам и идеям того времени, приобретает новую разновидность – он становится неовикторианским – и получает сходство одновременно с постмодернистской литературой и прозой второй половины XIX века. Помимо романов нового вида, можно выделить и произведения «массовой» литературы, которые обращаются ко времени правления королевы Виктории и которые сложно отделить от неовикторианских текстов. Среди таких книг стоит «Случайная вакансия» Дж. К. Роулинг, где наблюдается деконструкция модели викторианского романа.

Доказательством деконструкции служат прежде всего переосмысление викторианской эпохи и элементы постмодернизма, присутствующие в романе. К первому явлению относятся ценности и взгляды, бытовавшие во вто-

рой половине XIX века и включенные автором в контекст современности (например, философия О. Конта, Т. Карлайля, Г. Спенсера). Однако Дж. К. Роулинг прямо не обращается к прошлому как к объекту исследования, что делают многие авторы-неовикторианцы. Она затрагивает идеи XIX века исключительно через проблемы XXI. Романистка использует «критическую деконструкцию» – пародирует прошедшую эпоху с помощью стилизации под реализм того времени [1, с. 10]. Так показана одна из особенностей британского постмодернизма – комедийно-сатирический характер, который также выражается и в иронии над нравами современности, примером чему может послужить один из персонажей «Случайной вакансии». Морин, «хрупкая сутулая дама шестидесяти двух лет» [2, с. 44], склонная к непристойному поведению, выставлена в романе в нелепом, смешном виде: «Из-за сутулости она выглядела старше своего возраста, хотя всячески молодилась: красила волосы в иссиня-черный цвет, носила броские наряды и ковыляла на несуразно высоких каблуках; правда, в магазине переобувалась в ортопедические босоножки» [2, с. 44]. Но, несмотря на сказанное, Дж. К. Роулинг не высмеивает викторианские мораль и образ жизни, пытаясь показать их бесполезность, как это делает, например, Дж. Фаулз. Также она не пропагандирует прошлое, как А.С. Байетт, а скорее тоскует по утраченному идеалу.

При этом наблюдается двойственное отношение автора к викторианству. Обличая XXI век, Дж. К. Роулинг не попадает под чары XIX. Она ясно дает понять, что прошлое было не настолько прекрасным, каким его принято считать. Так, романистка критикует историю за однобокий взгляд на викторианство и отчасти развенчивает его идеал, напоминая о том, что это была эпоха лжи и лицемерия. В тексте неоднократно говорится о внешнем приличии, которое отрицательные персонажи ни в коем случае не нарушат: «Она понимала, что Говарда переполняет точно такая же эйфория, но выражать подобные чувства в открытую, пока весть о смерти еще носилась в воздухе, было бы равносильно тому, чтобы плясать голышом и выкрикивать похабщину, а Говард и Ширли всегда носили покров благопристойности, который не сбрасывали ни под каким видом» [2, с. 24].

Но здесь наблюдается парадокс: разоблачая викторианство, Дж. К. Роулинг одновременно говорит о благодатном XIX веке и утраченных ценностях. Это доказывает, насколько сильно влияние «викторианского мифа» на современную английскую литературу [3, с. 10]. Автор иллюстрирует нехватку нравственной чистоты и духовности в нынешнем обществе. В романе поднимаются вопросы, многие из которых неприемлемы для произведений прошлого. Например, описана нравственная распущенность подростков. При этом часто используется ненормативная лексика и язык, недопустимый для литературы XIX века: «На кой мне это надо, да я ни в жисть...» [2, с. 135].

Также необходимо напомнить, что «Случайная вакансия» имеет сходство с неовикторианским романом, о чем говорилось ранее. Но, в отличие от романа нового типа, это произведение лишено «концептуальной открытости» [1, с. 32]. Современные авторы не стремятся разъяснить все вопросы и противоречия викторианской эпохи. Они, наоборот, заостряют внимание на пробле-

мах прошлого, затрагивают злободневные вопросы настоящего и оставляют читателя с ними один на один. Как следствие, финал произведения остается открытым. Дж. К. Роулинг же создает законченную историю. Автор ясно дает понять свою установку и отвечает на все поставленные вопросы. Подобное обстоятельство сближает произведение с викторианской прозой, где нет незаконченности и картина мира чаще всего идеализирована: добро побеждает зло. Такая тесная связь с литературной традицией является еще одной особенностью британского постмодернизма. Но, в отличие от викторианских писателей, автор «Случайной вакансии» не питает иллюзий по поводу справедливости. Роман максимально приближен к жизни, у него нет счастливого конца. Близость к действительности является одним из доказательств того, что произведение имеет реалистическую направленность. У Дж. К. Роулинг нет только отрицательных или только положительных персонажей. Характер каждого прорисован до мелочей и определяется средой, которой окружен герой. Например, поведение и смерть Кристал Уидон логично вытекают из образа жизни ее матери и окружения, в котором она росла.

Возвращаясь к деконструкции модели викторианского романа, стоит вспомнить черты постмодернизма, которые сближают произведение Дж. К. Роулинг с неовикторианскими текстами. Помимо уже перечисленных, необходимо назвать децентрацию, обращение к классике (сходство с творчеством Дж. Элиот, о чем будет сказано ниже), интертекстуальность и паратекстуальность. В результате децентрации текст становится похожим на ризому, но не в плане фрагментированного изложения (его нельзя начать читать с середины, не потеряв нить повествования), а в отсутствии главного героя. Дж. К. Роулинг создала «сетку персонажей», в которой все действующие лица так или иначе связаны между собой. Этот прием схож с мотивом «паутины» у Дж. Элиот, викторианской писательницы, автора таких романов, как «Сайлес Марнер: Ткач из Рейвлоу», «Мельница на Флоссе» и «Миддлмарч». Кстати, «Случайная вакансия» очень напоминает последний, в котором та же система персонажей: множество действующих лиц, среди которых трудно выбрать главного. Кроме этого, в произведении Дж. К. Роулинг просматриваются аллюзии на героев Дж. Элиот. Фамилия Фейрбразер прямо отсылает к священнику из «Миддлмарча»: поведение Барри очень схоже с поведением служителя церкви, и через обоих продвигаются философские идеи XIX века. Также аллюзии на «Миддлмарч» – признак интертекстуальности романа. Однако автор использует не только компоненты содержания (мотив), но и паратекстуальные элементы: текст организован так, что каждую часть книги предваряет эпиграф, тесно связанный с содержанием всех глав.

И в завершение стоит акцентировать внимание на «пограничности» «Случайной вакансии», что делает ее родственной неовикторианским романам. «Неустойчивость» проявляется в промежуточном положении между викторианством и постмодернизмом. Но в отличие от современных текстов, «Случайная вакансия» лишена игровой поэтики последнего. Кроме того, в романе в точности воссоздана действительность, ничего не приукрашено, присутствует стремление воздействовать на читателя путем рассказа о факте, описания события, но в сочетании с некоторым психологизмом.

Возвращаясь к теме неовикторианской прозы, необходимо упомянуть о парадоксе в творчестве современных авторов. Они стремятся разрушить/ переоткрыть модель романа XIX века, объясняя это «невозможностью писать по старому» [4, с. 89], но попадают в зависимость от «викторианского мифа» [3, с. 10]. Таким образом, они не уходят от стереотипа, а возрождают его, но с оглядкой на современность. Даже те авторы, которые стремятся показать нежизнеспособность прошедшей эпохи, снова и снова возвращаются к ней.

«Случайная вакансия» не является исключением. Дж. К. Роулинг также попадает под власть викторианского прошлого, хотя ее роман сложно назвать неовикторианским. Как уже говорилось, в нем нет прямого обращения к XIX веку и его исследования, нет критики методологии исторической науки, произведение не входит в литературную элиту, которую составляют, к примеру, тексты А.С. Байетт и Дж. Фаулза. Автор восстанавливает контуры литературной традиции и в то же время подвергает ее деконструкции, затрагивает ценности прошлого, рассматривая их в контексте настоящего, но облачает все в коммерчески выгодную «упаковку», доступную для широкой читательской аудитории [1, с. 29]. Это доказывает изменение самой модели викторианской прозы и позволяет назвать «Случайную вакансию» «массовым» неовикторианским романом.

Список литературы

1. Поваляева, Н.С. Образ мюзик-холла в неовикторианском романе [Текст]/ Н.С. Поваляева. – М: Эдвенчер Пресс, 2015. – 100 с.
2. Роулинг, Дж. К. Случайная вакансия [Текст]/ Дж. К. Роулинг. – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 608 с.
3. Толстых, О.А. Английский постмодернистский роман конца XX века и викторианская литература: интертекстуальный диалог (на материале романов А. С. Байетт и Д. Лоджа) [Текст]/ О.А. Толстых. – Екатеринбург, 2008. – 24 с.
4. Толстых, О.А. Неовикторианский постмодернизм Антонии Байетт (на примере романа «Possession») [Текст]/ О.А. Толстых// Вест. ЮУрГУ. Лингвистика. – 2005. – № 11. С. 89-93.
5. Hutcheon, Linda. A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction. NY: Routledge, 2004. – P. 259.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЙ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ ИССЛЕДУЕМУЮ ДИХОТОМИЮ «КРАСОТА-БЕЗОБРАЗИЕ»

Исмаилова С.Н.

Московский городской педагогический университет, Россия, г. Москва

В статье тематическая классификация английских паремий, репрезентирующих исследуемую дихотомию “красота-безобразия” рассматриваются английские паремии, представляющие изучаемую дихотомию, в имеющихся фразеологических словарях, словарях пословиц, афоризмов английского языка. Из полученного списка паремий, была составлена тематическая классификация, состоящая из двух блоков.

Ключевые слова: английская паремия, дихотомия, фразеологический словарь, афоризмы.

Как было в первой главе нашей работы, в качестве языка эталона был выбран английский язык. Целесообразно позже с ориентацией на данный эталон выяснить моменты сходства и различия в азербайджанском языке. Нами были проанализированы английские поговорки, представляющие изучаемую дихотомию, в имеющихся фразеологических словарях, словарях пословиц, афоризмов английского языка [1,2,3]. Исходя из полученного списка поговорок, была составлена тематическая классификация, состоящая из двух блоков.

Блок первый

«Красота-безобразия»

В первом блоке красота соотносится с безобразиями, а во втором блоке наоборот безобразия соотносится с красотой. Каждый блок состоит из нескольких групп и подгрупп.

Первый блок «красота-безобразия» включает в себя группу поговорок, где внешняя красота соотносится с внешним безобразиями.

Группа 1.

«внешняя красота – внешнее безобразия»

Эта группа состоит из нескольких подгрупп, а именно:

1.1 *«красивая женщина – уродливый мужчина»*

Beauty and the beast.

Dr. Robert Blyth from the National Maritime Museum and Jeremy James talks about the "*Beauty and the Beast – Festive Musical*" [BBC, 05.12.2015].

В эту же группу входит подгруппа поговорок, где красивая одежда предполагает внешнее уродство.

1.2 *«красивая одежда – внешнее уродство»*

The disabled fashion blogger's appearance shows that 'anyone can rock clothes and look beautiful' – and that has to be a good thing [The Guardian, 24.01.2014].

Подгруппа, внешняя красота противопоставляется неряшливости.

1.3 *«внешняя красота – неряшливость»*

Rob your belly to cover your back

Ungrateful lass that she is, the day I meet her, Rennison is spinning round her beautiful, neglected Brighton home – rampant untidiness punctuated by vibrant, gorgeous flowers in glass vases ... [The Guardian, 26.05.2004].

Следовательно, английские поговорки передающие дихотомию внешней красоты и внешнего безобразия, охватывают такие подгруппы, в которых красота женщины противопоставляется уродливости мужчины, красота одежды – внешнему уродству и внешняя красота – неряшливости.

В состав данного блока входит группа поговорок, где внешняя красота образует дихотомию с безобразиями поведения человека.

Группа 2.

«внешняя красота – безобразное поведение»

Эта группа включает в себя следующие подгруппы:

2.1 *«внешняя красота – плохие поступки»*

Handsome is as handsome does

Yes, such behaviour is cruel and shallow but, explains Etcoff in her controversial new book, *Survival of the Prettiest: The Science of Beauty*, the consolation to be drawn is that it is not your fault [The Guardian, 28.06.1999].

2.2 «внешняя красота-многословие»

She is beautiful, but her language is stinging-nettles

The good girl with personality can be chatty, but not too talkative, clever but not too smart [The Guardian, 21.08.2000].

2.3 «хорошая одежда – плохие дела»

Nice cloth doesn't add mind to anyone

Deeds are louder than words

You don't have to dress like Elvis, but it is bad manners not to [The Guardian, 17.05.2001].

Итак, группа «внешняя красота – безобразное поведение», включает в свой состав паремии, демонстрирующие соотношение внешней красоты и плохих поступков, внешней красоты и многословия, хорошей одежды и плохих дел.

Список литературы

1. Vəliyeva.N.C.- Azərbaycanca-İngiliscə-Rusca frazeoloji lüğət. Bakı: Nurlan, 2006. – 864 s.
2. BBC [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/> (Дата обращения: 20.11.2015).
3. The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theguardian.com/international> (Дата обращения: 22.11.2015).
4. Английские пословицы и поговорки[Электронный ресурс]. URL: <http://eng.goodspot.ru/> (Дата обращения: 22.03.2015).
5. Скородумова В.П., Сутормин А.И. Thoughts that help us live – Мысли, помогающие нам жить, М.: Парамедикл, 1992; [Электронный ресурс]. URL: <http://eng.goodspot.ru/source/index.php> (Дата обращения: 21.02.2015).

ОБ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВАХ В ПРОИЗВЕДЕНИИ «СОН КРАСНОГО ДВОРЦА», ПЕРЕВЕДЕННОМ ХАСБУУ

Ичинхорлоо Ц.

старший преподаватель кафедры искусствоведения, канд. филол. наук,
Ховдский государственный университет, Монголия, г. Ховд

Писатель, переводчик Хасбуу, живший в конце XVII в начале XVIII веков, перевел с китайского языка на монгольский язык “Сон красного дворца”, состоявшего из 120 глав. При переводе он сократил произведение до 40 глав и так настоящий перевод назвал “Заново переведенный Сон красного дворца”.

В ходе исследования наблюдается, что данный перевод является неповторимым, замечательно переведенным произведением со стилистической и художественной точки зрения. В наше время некоторые варианты перевода Хасбуу используются в качестве источника исследования, но очень редко встречаются работы, в которых подвергались лексические и морфологические вопросы данного произведения.

Наше исследование посвящено изучению иноязычных слов данного переведенного произведения. Нами было обнаружено проанализировано более 70 иноязычных слов.

Стало известно, что большинство из них были слова китайского, тибетского и манжурского происхождения.

Ключевые слова: Хасбуу , “Заново переведенный Сон красного дворца”, рукопись, иноязычные слова.

1. О заново переведенном Хасбуу произведении “Сон красного дворца” считается одним из 4 вершин китайских прозаических произведений, также одним из мировых классических романов, имеющим 120 глав. В конце **XVIII века** Цао Шүэ Чин написал 80 глав данного произведения, а Гао О докончил его, сочиняя 40 остальных глав. Известный литературный критик, переводчик Хасбуу оказал сильное влияние на распространение данного произведения среди монголов.

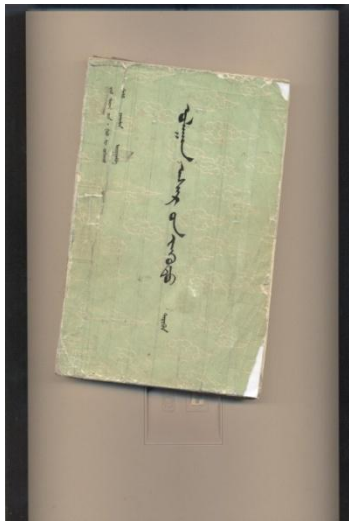
В результате нашего исследования определено, что переведя данный роман, состоящий из 120 глав, Хасбуу сократил его до 40 глав и сделал в конце каждой части свою рецензию. Кроме того он прилагал к нему копию всех глав, разработал методику его чтения, нарисовал 12 картин, изображенных характеристики и особенности главных героев и событий. Каждой картинке посвятил комментирующие их смыслы короткие стишки. Так он, переведенный им настоящий вариант, называл “Заново переведенный Сон красного дворца”.

Таблица

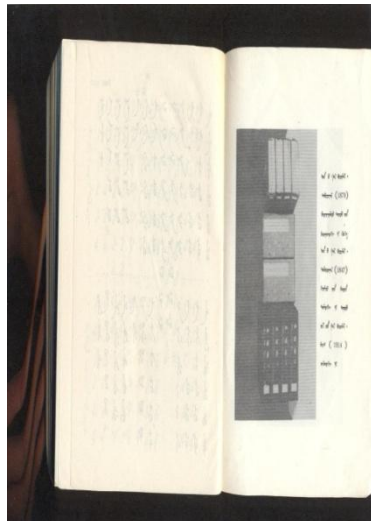
Варианты “Заново переведенного Сна красного дворца”

Название варианта	Переведенная форма	Год печати	Число страниц	Место, где сохраняется данный вариант
“Хунлоумун” (红楼梦)	-рукопись /написана старомонгольской письменностью -без рисунков	1819 год /дата перевода\	20 глав, перепись остальных глав не обнаружена	Национальная библиотека Монголии
“ Заново переведенный хунлоумун бичиг” (新译红楼梦传)	- рукопись /написана старомонгольской письменностью - имеются рисунки	1847 год /год переписи/	40 глав, перепись обнаружена в полном виде	Библиотека университета Внутренней Монголии, КНР
“ Заново переведенный хунлоумун бичиг” (新译红楼梦传)	-рукопись /написана старомонгольской письменностью - имеются рисунки	1879 год /год переписи/	40 глав, перепись обнаружена в полном виде	Библиотека университета Внутренней Монголии, КНР
“ Заново переведенный хунлоумун бичиг” (新译红楼梦传)	-рукопись /написана старомонгольской письменностью -без рисунков	1914 он /год переписи/	40 глав, перепись обнаружена в полном виде	Библиотека Института языковедения и истории КНР
“Сон красного дворца” (红楼梦)	напечатанный вариант /написан старомонгольской пис-	Июль 1975 года /дата заново составленного и переизданного	40 глав, перепись обнаружена в полном виде	Библиотека университета и другие библиотеки Внутренней Мон-

	менностью -имеются рисунки	произведения /		голии, КНР
“Сон красного дворца” (红楼梦)	-напечатанный вариант /написан старомонгольской письменностью/ - без рисунков	2008 год /дата трансформации на кириллицу /	40 глав, перепись обнаружена в полном виде	Национальная библиотека Монголии

а

б

в

Рис. а, б – варианты, сохраненные в государственной библиотеке Внутренней Монголии, в – переведенный профессором Монгольского педагогического университета Хубсугулом

2. Об иноязычных словах в произведении “Заново переведенный Сон красного дворца” Хасбуу (слова с большей частотностью)

Займствование слов с одного языка на другой является закономерным явлением в процессе развития языка. Также данное явление становится одним из факторов, показывающих интеллектуальное и культурное развитие данного народа и напоминает обеспечить их правильное использование, сохраняя сущность и чистоту родного языка. Но не завися от нас займствование стало популярным явлением в связи с социально-экономическими и культурными отношениями разных стран в ходе исторического развития человечества. С давних пор Монголия и Китай соседние страны имеют тесную социально-экономическую связь.

Данное состояние влияет на развитие культуры и языка народов двух стран. Можно привести такие примеры в любых ситуациях. Например, В монгольском языке широко употребляются заимствованные слова, связанные с бытом и продуктами, например, шүдэнз \спички\, даавуу\щёлк\, цоож \замок\, шийгуа\арбуз\, еэвэн \вид пироженого с начинкой\, наймаа \торговля\, муур \кошка\, бийр \кисть\ и т.д. Можно четко посмотреть данные явления во многих переведенных с китайского на монгольский язык произведениях. Как выше упоминалось, хотя произведение “Заново переведенный Сон красного дворца” было замечательно переведено с китайского языка на монгольский, в данном переводе можем обнаружить немало заимствованных из китайского, манжурского и тибетского языков

слова. Хасбуу затранскрибировал слова, связанные с религией в данном произведении тибетскими названиями, слова, выражающие должности, степени- манжурскими словами, слова, выражающие предметы –китайскими названиями. По нашим данным исследования возможно отметить следующие:

1. Хасбуу является монгольским писателем, жившим в Манжурский период. Так при переводе слов и выражений, называющих должности данного времени, он использовал прямую трансляцию.

2. С давних пор монголы заимствовали слова, выражающие религиозные действия, из тибетского языка и это до наших дней сохраняются в языке. Данная причина влияла на его употребление таких слов при переводе. Но ему возможно было дать толкование для перевода.

3. Предполагается, что географическое расположение страны самого переводчика оказывало влияние на использование иноязычных слов. Хасбуу в то время жил в северо-южном регионе нынешней Внутренней Монголии, где сожили китайцы и монголы. В связи с этим появились культурные интерференции двух народов, что обусловило использование им слов из китайского языка.

В ходе исследования было обнаружено и проанализировано более 70 иноязычных слов.

Таблица 2

Д.д	Переведенный вариант Хасбуу	Отражение в источнике на китайском языке	Переведенный исследователем вариант
1	Жан	丈	измерение длины
2	Шан	山	Гора
3	ши ту жи	石头记	наскальные надписи
4	Фүүрэн	夫人	супруга дворянина
5	Лаоеэ	老爷	Дворянин
6	шэн +/ийн ноён/	省	административная единица
7	жун +/ийн/+ (дуу)	钟声	звук колокола
8	бай бань	外班	внешнее дело
9	(цааз) лин	令	Приказ
10	Наймаа	买卖	Торговля
11	Шяньшэн	先生	Господин
12	Сяожэ	小姐	дочь дворянина, привлекательная молодая девушка
13	Гүнзы	公子	сын дворянина,
14	шаан цонх	纱窗户	Окно, сделанное из сетчатого материала
15	шян (үүд хаалга)	间 (大门)	Ворота
16	Пайз	牌子	в виде паспорта один лист, где написано происхождение человека и который сохраняется, наследуется \лист может делаться из дерева\
17	Мөөмөө	嬷嬷	пожилая женщина, няня
18	Чий	漆	краска типа охра

19	Мяо	庙	Храм
20	да гөгө	大哥哥	старший брат
21	Найнай	奶奶	Бабушка
22	Ляо		единица измерения жидкости
23	Ший	戏	Спектакль
24	чуан (ширээ)	床	нар
25	пай наадах	打牌	играть в кости
26	и няань	姨娘	тетя \по материнской линии\
27	гү пай	骨牌	домино
28	вэй пин тан	围屏灯	висячий фонарь
29	няань няань	娘娘	мама пожилая
30	ван дайпуу	王大夫	врач Ван
31	Ляо	料 (一料丸药)	количество одного курса ле- карств
32	муши+ (цэцэг)	木樨+ (花儿)	цветок муши
33	Шаа	纱	клетчатая\сетчатая\ ткань
34	(хоёр) луу	(两)罗	копье
35	дуан янгийн улирал	端午节	праздник 5 мая
36	туя+(ж)	推	толкать
37	(нэгэн)+ чу ший	(一)+出戏	постановить спектакль
38	шаа +(өмд)	纱+(裤子)	шелковые брюки
39	Юань	园	замок
40	ляо хуа	寥花儿	цветок ляо
41	дан суу	单	один\ только лишь
42	дийз, пял	茶筴茶孟	блюдец и тарелка подобная подносу
43	Хайтан	海棠	цветок хайтан
44	гүй хуа+ны +(навч)	菊花儿+(叶)	лист цветка гуй-хуа
45	Шүн	寻	мера длины, равная на растянутые на размах руки
46	ин+ (гүн улаан)	银红	блестящий красный
47	нэй су шаа	上用内造的	нижняя в виде куртки рубашка , сделанная из шелка
48	тин гүй	顶柜	Полка
49	Пял	盘	тарелка
50	бай юү чин (хөгжим)	白比目磬	музыкальный инструмент бай юү чин
51	Лянхуа	莲花	Лотос
52	фу эр	副儿	число 2 при игре в кости
53	фу шөү	佛手	название зерна
54	чин жин	青金(de)	чисто золотой
55	Чуан	床	Кровать
56	Тин	亭	беседка
57	мэй (цэцэг)	梅 (花儿)	Роза

В результате нашего исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Нас интересует, что большинство из выбранных слов называют вещи, их назначения. Например, перевести названия цветов на монгольский язык очень сложно, поскольку данные цветы растут только в очень влажных

и теплых странах, в Монголии почти не встречаются. В связи с этим переводчик сделал их транскрипцию китайскими названиями.

2. Сам переводчик перевел данные слова путем полутранскрипции и чередования гласных и согласных звуков. Например, шэн+ий /шэн+король/, гүй хуа+ны+/лист гүй хуа /, чу ший, ин+ красный, мэй – цветы, даун.

Хасбуу был известным переводчиком своего времени, и переведенное им произведение, как он сам назвал, “Заново переведенный Сон красного дворца” привлекло пристальное внимание современных лингвистов и литературоведов, содержит загадочную тайну. Необходимо отметить, что требуется интенсивное исследование данного произведения, расширяя его аспекты исследования.

Список литературы

1. Хасбуу “Хунлоумун”, Национальная библиотека, 1819 год
2. Хасбуу “Заново переведенный хунлоумун”, Библиотека университета Внутренней Монголии, КНР., 1847 год
3. Хасбуу “Заново переведенный хунлоумун”, Библиотека университета Внутренней Монголии, КНР., 1879 год
4. 曹雪芹著：无名氏续：程伟元、高鹗整理：《红楼梦》人名文学出版社，2008 год.
5. С.Хувсгул “Улаан асрын зууд” УБ, “Эдмон” хэвлэлийн газар, 2008 год.
6. Д. Цэрэнсодном “Эртний утга зохиолын судалгаа” УБ, 2004 год.

СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОНАЛЬНОСТИ КРУГЛОГО СТОЛА

Коваленко Г.Ф.

доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации,
канд. филол. наук, Тихоокеанский государственный университет,
Россия, г. Хабаровск

В данной работе исследуются средства вербализации тональности дискурса круглого стола на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Тональность субъекта общения рассматривается с позиций дискурсивной деятельности, обуславливающей выбор тех или иных средств вербализации эмоционально-стилевого формата общения.

Ключевые слова: дискурс круглого стола, коммуникативная тональность, языковая личность, дискурсивная деятельность.

Человек, участвующий в коммуникации (языковая личность), находится в центре внимания лингвистики последних десятилетий, что обусловлено, прежде всего, антропоцентризмом современной науки в целом. Значимыми для исследования языковой личности являются теоретические положения, разработанные отечественными учеными. Термин «языковая личность» введен в научный обиход Ю. А. Карауловым [6], а термин «лингвистическая персонология» (область лингвистики, предметом изучения которой является личность в общении) – В. П. Нерознаком [9]. В. И. Карасик

предложил рассматривать языковую личность с позиции дискурсивной персонологии, предполагающий анализ человека в языке с позиций того или иного дискурса [5, с. 78].

Дискурсивная деятельность человека протекает в «сложной системе социально обусловленных и культурно значимых координат; она «имеет социально-исторические корни и всегда связана с реальными потребностями и намерениями людей, всегда обусловлена конкретными условиями общения (участниками общения, его фоном, местом и временем общения, целями)» [7, с. 44]. Дискурс круглого стола – это последовательность высказываний в определенной коммуникативной ситуации, в процессе развертывания которой говорящие попеременно осуществляют речевые шаги с определенной коммуникативно-прагматической целью – выразить свое мнение и достигнуть договоренности по какому-либо вопросу. В ходе коммуникации круглого стола говорящий реализует себя как языковая личность, демонстрируя свою экстралингвистическую, лингвистическую и коммуникативную компетенции. «Задействованными являются его знания, представления, его эпистемическое, эмоциональное состояние, а также его социальный статус и его социальные роли» [3, с. 25].

Круглый стол как дискурсивная деятельность остается на сегодняшний день малоизученным видом дискурса. В процессе взаимодействия коммуникантов в ходе круглого стола важную роль играет тональность как модусная категория, определяющая установки и выбор средств общения. Под тональностью мы вслед за С.Е. Тупиковой понимаем «когнитивный, прагматически, культурно и ситуативно обусловленный, эмоционально-стилевой формат общения» [10, с. 84]. Исследователи отмечают, что тональность реализуется в дискурсе различными средствами – от невербальных средств общения (жесты, мимика), мелодики, графики, до вербальных средств на различных уровнях (фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом).

Целью данного исследования является рассмотрение средств вербализации коммуникативной тональности круглого стола. Материалом исследования послужил дискурс круглого стола с участием государственного секретаря Соединенных Штатов Джона Керри “Roundtable Discussion With Press in Paris”, проходившего 15 сентября 2014 года, на котором обсуждались действия международной дипломатии по улучшению обстановки в мире.

Формат общения в ходе круглого стола напрямую связан с эмоциональным состоянием собеседников, которое проявляется в языке напрямую, через его речь, поскольку высказанное человеком является частью его внутреннего мира. На фонетическом уровне эмоциональная настроенность как важный аспект коммуникативной тональности создается, по мнению исследователей, частотными звуковыми повторами, которые вызывают определенные ассоциации у слушающего / читающего. Эти ассоциации основаны на чувственном восприятии и приводят к эмоциональному окрашиванию дискурса, помогая адекватно

интерпретировать вербальную информацию, передаваемую и воспринимаемую коммуникантами [8; 8].

Обратимся к материалу исследования. Так, в высказываниях Джона Керри по поводу первых шагов, предпринимаемых дипломатией по урегулированию ситуации в Ираке, обращает на себя внимание звуковая организация речи:

(1) *They formed the government. They witnessed a peaceful transition of power that people said was impossible.*

(2) *They have begun to try to reintegrate into the Arab community.*

(3) *...formation of the government is very significant in the possibility it presents.*

Частотный повтор гласных звуков [i] и [i:] в приведенных высказываниях репрезентирует оптимистическую, положительную тональность говорящего, объективирующую надежды коммуниканта на улучшение обстановки в обсуждаемом регионе. Однако наряду с употреблением «светлых» гласных звуков материал исследования репрезентирует частотное использование в отдельных высказываниях Джона Керри шипящих, свистящих и согласных [d] и [t], что является средством передачи ощущения напряженности, вызванное темой высказывания:

(4) *And the truth is, equally-probably far more important than the military end is going to be what countries are able to do to help Iraq to be able to step up and other places, by the way, to step up, and start drying up this pool of jihadis who get seduced into believing there's some virtue in crossing into Syria to fight or to join ISTL.*

Звуковой повтор является своего рода «музыкальным сопровождением» вербальной информации. В следующем примере диссонансная фоносемантическая тональность, понимаемая нами вслед за Е. С. Тупиковой как «эмоциональная настроенность дискурса» [10, с. 85], достигается лексическим повтором слов *urge, urging, urgency*:

(5) *John Kerry: We kept urging and pushing and working throughout the region. We talked to leaders in every country urging them to urge them to make these decisions. <...> the sense everybody has of urgency to move on TSIL and also this moment of opportunity people had to try to solve the problems of Iraq.*

Анализ материала исследования позволяет выявить склонность Джона Керри к иронии, что в какой-то степени усложняет коммуникацию круглого стола:

(6) *Question: I'll ask – let me ask about – did you have good chat with Minister Lavrov? What did you say? How did it go?*

Secretary Kerry: I had a constructive conversation with Minister Lavrov. <...> It was constructive but nothing concrete. There's no proffers, offers, decisions – nothing except an acknowledgement that it would be better to try to find some ways to solve some problems.

В приведенном высказывании госсекретаря США конвергенция стилистических средств – антитезы (*It was constructive but nothing concrete*) и градационного ряда (*there's no proffers, offers, decisions – nothing...*)

экспрессивно репрезентируют иронию говорящего по отношению к результатам переговоров с министром иностранных дел России Сергеем Лавровым.

Уходы от прямых ответов и прерванные высказывания свидетельствуют о многоплановости смыслов субъекта общения:

(7) *Question: To what extent or how do you envision any kind of discussion with Iran? What could there be some coordination on?*

Secretary Kerry: Well, we're not coordinating with Iran either, but --

(8) *Question: And in terms of whether the economic sanctions are having an --*

Secretary Kerry: Well, we didn't discuss the sanctions --

Говорящий что-то не договаривает, пользуется намеками. Такая неоднозначность смыслов подразумевает установку на поиск скрытой, подразумеваемой информации. Отсюда следует, что недоговоренность в общении круглого стола может быть интерпретирована как способ продемонстрировать собеседникам свое высокое мнение об их интеллектуальных способностях. «В античной риторике считалось, что такое общение является способом оказания уважения другому человеку: если мы говорим прямо, без подтекста, то мы невысокого мнения об интеллектуальных способностях собеседника» [5, с. 80].

Движущей силой круглого стола как дискурсивного события является стремление к достижению согласия, возможности договориться. Коммуникация круглого подчиняется общим принципам, выделенным Г. П. Грайсом [11], в том числе принципу вежливости с его постулатом такта, великодушия, скромности и т. д. Отсюда следует, что проявление эгоцентричности субъекта общения, выражающееся в возвеличивании себя, следует считать нарушением постулатов принципа вежливости. Как показывает материал исследования, в высказываниях Джона Керри широко употребляется личное местоимение “I”, утрированное употребление которого, по мнению И. В. Арнольд, изобличает самодовольство и эгоизм говорящего [1, с. 202]. Обратимся к примерам:

(9) *But he (the president) and I and no one on our government are commenting on this vote.*

(10) *I'm not – I don't want to go into a private conversation with Mr. Lavrov.*

(11) *I don't express levels of optimism on it. I'm hopeful that it will be possible to find a way to reach an agreement that's important to the world.*

(12) *And I hope Iran will do everything in its power to be creative and thoughtful and helpful in the process.*

(13) *I don't want to do that. I don't think it's going to be – I don't think it's constructive.*

С одной стороны, Джон Керри реализует себя как достаточно эгоцентричная личность, но, с другой стороны, его социальный статус госсекретаря Соединенных Штатов позволяет брать на себя большую долю ответственности в коммуникации круглого стола, что, возможно, и объясняет широкое использование местоимения первого лица.

Обратимся к репрезентации тональности общения на синтаксическом уровне. Исследователи отмечают, что повторы в речевых характеристиках персонажей редко выполняют одну какую-либо функцию, они почти всегда сочетают экспрессивность и эмоциональность [1, с. 250]. Обратимся к высказываниям Джона Керри, изобилующим синтаксическими и лексическими повторами:

(14) *Secretary Kerry: That's what we're – that's what we do in the State Department: try to find a diplomatic way of solving problems.*

(15) *So this is not the Gulf War of 1991. And it's not the Iraq War of 2003.*

(16) *We're not building a military coalition for an invasion. We're building a military coalition together with all the other pieces for a transformation, as well as for the elimination of ISIL itself.*

(17) *And we are fighting an ideology, not a regime. And we are fighting this ideology beyond just the bounds of ISIS.*

Таким образом, исследование фонетических, лексических, морфологических и синтаксических средств репрезентации тональности круглого стола показывает, что их выбор во многом обусловлен конкретными условиями общения.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика английского языка. Современный английский язык: учебник для вызов. 4 изд. Испр. И доп. М.: Флинта: наука, 2002.
2. Грайс Г. П. Логика и речевое общение Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217-237.
3. Григорьева В. С. Аргументативный дискурс в когнитивно-коммуникативном аспекте // Вопросы когнитивной лингвистики 2008. № 1. С. 24-31.
4. Ивенко Е. В. Процесс понимания и интерпретационные возможности текста // Вестн. Челяб. Гос. Ун-та. 2009. № 22 (160). Филология. Искусствоведение. Вып. 33. С. 54-56.
5. Карасик В. И. Дискурсивная персонология // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 7. Воронеж: ВГУ, 2007. С. 78-86.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: знание, 1987. – 264 с.
7. Кубрякова Е. С. О методике когнитивно-дискурсивного анализа применительно к исследованию драматических произведений (пьесы как особые форматы знания) // Принципы и методы когнитивных исследований языка : сб. науч. тр. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 35-45.
8. Михайлев А. Б. Теория фоносемантического поля. Краснодар: КРУ, 1995.
9. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Сб. науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та. – Вып. № 426. – Язык. Поэтика. Перевод. – М., 1996. – С. 112-116.
10. Тупикова С. Е. О когнитивных механизмах формирования коммуникативной тональности // Вопросы когнитивной лингвистики 2012. № 3. С. 84-90.

ПАРЕМИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В СОСТАВЕ КОНЦЕПТА «РОДНОЙ ГОРОД»¹

Масленникова Л.Н.

магистрант 2 года обучения кафедры общего и германского языкознания, Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Северодвинск

В статье рассматриваются особенности репрезентации концепта «Родной город» с помощью паремий в актуальном языковом сознании молодежи.

Ключевые слова: паремические единицы, концепт, актуальное языковое сознание.

Паремии являются важным материалом при конструировании и описании образного компонента концептов, «большинство пословиц – это стереотипы народного сознания» [1, с. 43]. Паремические конструкции отличает не только яркая, точная и «компактная» образность, но и меткая оценочность.

Цель исследования – изучение оценочных единиц, репрезентирующих концепт «Родной город» в актуальном языковом сознании юных жителей Северодвинска. В данной статье в заявленном аспекте анализируются паремии.

Материал исследования составили тексты сочинений школьников и первокурсников; стихи городских конкурсов; статьи, опубликованные в молодежной прессе (всего 514 контекстов, содержащих данные информантами характеристики родного города). В результате анализа материала исследования все характеристики сгруппированы в соответствии с 15 параметрами, эксплицирующими содержание концепта «Родной город»: *место рождения, место проживания в детстве, место притяжения, связь с родными и близкими, связь с друзьями, источник чувств и эмоций, ощущение "своего" пространства, расположение, значимость, внешний облик, потенциал, климат, погода, люди, ритм, качество жизни.*

Для уточнения образа города Северодвинска в актуальном языковом сознании юных горожан была разработана анкета, среди вопросов которой один был направлен на выявление паремий, связанных в сознании респондентов с их родным городом – Северодвинском: «Какие пословицы, поговорки, крылатые выражения подходят Северодвинску?». Ответы представлены в таблице.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (региональный конкурс «Русский Север: история, современность, перспективы» 2015 – Архангельская область, проект № 14-16-29006 «Региональная паремиология как средство сохранения и трансляции культурных традиций и духовных ценностей Русского Севера»).

**Паремии как средство репрезентации образа города Северодвинска
в актуальном языковом сознании респондентов**

Ответы респондентов	Кол-во ответов	%
Мал золотник, да дорог	10	13,9 %
Мал да удал / маленький да удаленький	10	13,9 %
Без труда не выловишь и рыбку из пруда	7	9,7 %
В гостях хорошо, а дома лучше	4	5,5 %
Тише (тихо) едешь – дальше будешь	4	5,5 %
Любишь кататься – люби и саночки возить	3	4,1 %
Кто не работает, тот не ест	2	2,8 %
Работа не волк – в лес не убежит	2	2,8 %
Большому кораблю – большое плавание	1	1,4 %
Кто где родился – там и пригодился	1	1,4 %
Родной край – сердцу рай	1	1,4 %
В своём доме и стены помогают	1	1,4 %
И пылинка родной земли – золото	1	1,4 %
О книжке не судят по обложке	1	1,4 %
Мама, папа, я – вместе дружная семья	1	1,4 %
И рыба, и мясо	1	1,4 %
Волков бояться – в лес не ходить	1	1,4 %
Летать – это вовсе не значит махать крыльями	1	1,4 %
Семь раз отмерь – один раз отрежь	1	1,4 %
Следи за своей жизнью, а не за чужой	1	1,4 %
Люди здесь как не в своей тарелке	1	1,4 %
В Багдаде всё спокойно	1	1,4 %
Жить грустно, а умирать – тошно	1	1,4 %
Не задерживайся, брат	1	1,4 %
Пять месяцев в году у нас холодно, в остальные – очень холодно	1	1,4 %
Сел – провалился	1	1,4 %
Чего мало, то и в диковинку	1	1,4 %
Рыбак рыбака видит издалека	1	1,4 %
Все течет, все изменяется	1	1,4 %
Каково на дому, таково и на Дону	1	1,4 %
Что посеешь, то и пожнешь	1	1,4 %
Не имей сто заказчиков, а имей одного постоянного	1	1,4 %
Дом англичанина – его крепость	1	1,4 %
Гуси Рим спасли	1	1,4 %
Если птицы летают низко – жди дождя	1	1,4 %
Яблоко от яблони недалеко падает	1	1,4 %
Это правда то, что у нас внутри	1	1,4 %

При анализе полученных ответов обнаружилось, что паремии сегодня не входят в актуальный лексикон молодежи (что доказывает количество ответов на данный вопрос: ответили всего 72 респондента из более чем 200). К тому же набор полученных высказываний не отличается разнообразием: всего выявлено 38 единиц, 5 из которых повторяются в ответах более двух раз. Что касается контекстов, содержащих характеристику родного города, то в них всего три раза была зафиксирована лишь одна поговорка (см. ниже) – это

и свидетельствует о том, что при свободном изложении мыслей, в письменной речи молодежь почти не использует пословицы, поговорки, фразеологизмы.

Выявленные пословицы и поговорки являются образным наполнением лишь некоторых из установленных в нашем исследовании признаков (параметров) концепта «Родной город»: *Мал золотник да дорог* – 10 («внешний облик», «источник чувств и эмоций»); *Маленький да удаленький / Мал да удал* – 10 («внешний облик», «значимость»). Отметим, что эта поговорка была обнаружена и в текстах сочинений (3): *Мой город небольшой, но жизнь в нем так и бурлит. Можно сказать так: «Мал да удал»; «Мал, да удал» – это точно было сказано про Северодвинск; Маленький да удаленький – именно так можно охарактеризовать наш городок.* Наши наблюдения также показывают, что данные паремии – некое типизированное воплощение суждений носителей языка о родном городе. И в анкетах, и в контекстах обнаруживается большое количество выражений, построенных по типу: *«город маленький, но уютный (дружный, значимый, сильный)»* и т.д.).

Выделяется группа пословиц, постулирующих ценность родной земли, семьи и родного дома: *В гостях хорошо, а дома лучше* (4), *Где родился, там и пригодился, Родной край – сердцу рай, В своем доме и стены помогают, И пылинка родной земли – золото*; сюда же можно отнести упомянутую фразу *Мама, папа, я – вместе дружная семья* – всего 9 (параметры «место рождения», «место проживания в детстве», «связь с родными и близкими»).

Пословицы: *Без труда не выловишь рыбку из пруда* (7) и *Кто не работает, тот не ест* – свидетельствуют о понимании респондентами ценности нелегкого труда на важном ответственном производстве в северных условиях (параметры «значимость», «люди», «климат, погода»).

Выбор респондентами пословиц *Тише едешь – дальше будешь* (4, «ритм») и *О книжке не судят по обложке* («внешний облик») говорит о стремлении видеть достоинства родного города там, где другие видят недостатки. Для сравнения – ироничные выражения *В Багдаде все спокойно* и *Не задерживайся, брат*, а также резко отрицательное *Жить грустно, а умирать тошно*.

Все собранные пословицы и поговорки относятся к общелитературным, региональных единиц в собранном материале не оказалось. Можно отметить лишь несколько единиц, которые, вполне вероятно, вспомнились респондентам в связи с географическими, социальными и экономическими особенностями родного города, а значит, имплицитно отражают региональную специфику: *Большому кораблю – большое плавание* (Северодвинск – центр судостроения), *Рыбак рыбака видит издалека* (близость моря). Также можно увидеть стремление некоторых респондентов «уточнить» смысл известных поговорок и фразеологизмов по отношению к городу, например: *Не имей сто заказчиков, а имей одного постоянного* (об актуальной зависимости благосостояния большинства жителей от наличия заказов на градообразующем предприятии); *И рыба и мясо* (возможно, в ответ на распространенное мнение о бесперспективности моногорода).

Интересно отметить случай употребления одним из юных респондентов цитаты из современной иностранной литературы: *Летать – это вовсе не значит махать крыльями* (из бестселлера Ричарда Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон», первый русский перевод опубликован в 1974 г.). Скорее всего, эта крылатая фраза, известная все же большей частью в узких литературных кругах, употреблена в том же значении, что *О книжке не судят по обложке*, оценивая такие параметры родного города, как «внешний облик» и «значимость». Обнаружена и «примета времени» иного рода: цитата из стихотворения современного скандального молодого поэта Семена Исаева, чье творчество яростно обсуждается в Интернете на различных «пабликах»: *Это правда – то, что у нас внутри*.

Указание в анкетах некоторых пословиц и других выражений, понимаемых респондентами как таковые, не поддается объяснению (*Семь раз отмерь – один раз отрежь, Любишь кататься – люби и саночки возить, Каково на дому, таково и на Дону, Гуси Рим спасли, Дом англичанина – его крепость, Яблоко от яблони недалеко падает* и пр.). Наблюдается также искажение языкового облика общеизвестных устойчивых выражений, грамматические ошибки (*Тихо едешь – дальше будешь, Кто где родился – там и пригодился, Люди здесь как не в своей тарелке*). Есть и примеры расплывчатого представления респондентов о понятии «пословицы и поговорки», когда в качестве таковых приводятся собственные поучительные суждения (*Следи за своей жизнью, а не за чужой; Не задерживайся, брат*).

В ходе нашего исследования наряду с анализом языковых единиц рассматривались вопросы об осмыслении и оценке родного города современными молодыми людьми. По данным анкетирования 49 (66,7 %) паремий имеют положительную оценку, 12 (19,4 %) – нейтральную (либо явно не выраженную), 10 (13,9 %) – отрицательно окрашенные. Используемые юными горожанами для характеристики Северодвинска устойчивые конструкции в основном актуализируют в их языковом сознании такие ценности, как труд, любовь к Родине, малой родине и родному дому, вера в родной город и акцентуация его достоинств.

Список литературы

1. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток–Запад, 2010. 314 с.
3. Тарасов Е.Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей // Вопросы психолингвистики. Вып. 1(15). М., 2012. С. 8–17.

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ АДАПТАЦИИ КАВКАЗСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Моргоева Л.Б.

ст. научный сотрудник отдела осетинского языкознания, канд. филол. наук,
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева, Владикавказский научный центр РАН и Правительства
РСО-Алания, Россия, г. Владикавказ

В статье рассматриваются лексические заимствования из кавказских языков и их адаптация в осетинском языке. Семантико-тематическая классификация позволяет выделить ряд особенностей, в числе которых: наличие схожих лексико-семантических вариантов в нескольких языках одновременно, осложняющих определение языка-источника; появление дополнительных коннотатов на фоне метафорического переосмысления; образование новых сочетаний понятийного содержания с изменением сферы их употребления, а также появление заимствований под влиянием диалектных вариантов фольклорных текстов.

Ключевые слова: заимствования, семантика, осетинский язык.

Одной из основных функций языка является аккумулятивная функция, благодаря которой язык способен выступать в качестве важнейшего источника в исследованиях исторических взаимоотношений народов. В языке, как правило, находят отражение все исторические события и различные формы соприкосновения культур. В этом смысле заимствования представляют собой значимую и неотъемлемую часть любого языка, поскольку именно они являются свидетельствами этих взаимоотношений.

Словарный состав современного осетинского языка в результате своего многовекового развития образовал несколько слоев различных эпох: 1. древнейший или иранский слой; 2. кавказский слой; 3. славянский или русский слой; 4. слой поздних собственно осетинских образований. Эти слои различны по своему составу и происхождению и создают специфику лексики современного осетинского языка [4, 46 с.].

Тесные социально-экономические и культурные отношения между народами Кавказа (условно, начиная с V в. н.э.), повлияли не только на развитие быта осетин (алан), но и на развитие языка, которое сопровождалось непременным пополнением и расширением словарного состава. Именно с этого периода началась волна кавказских заимствований усвоенных, главным образом, из грузинского, кабардинского, ингушского и языков других кавказских и тюркоязычных народов, с которыми осетины общались на Кавказе [4, 53с].

В осетинском языке образовался и сохраняется существенный пласт лексических заимствований из кавказских языков, свидетельствующий о многовековых связях соседствующих народов практически на всех плоскостях и сферах их жизнедеятельности.

Вместе с тем, некоторые кавказские заимствования имеют фонетическое и семантическое сходство между собой, поэтому не всегда представля-

ется возможным однозначно определить язык-источник без углубления в историко-этимологические исследования. Скажем, некоторые заимствования имеют лексико-семантические соответствия как в грузинском, так и других кавказских языках.

К примеру, слово *дзидза* «мясо» (груз. *чичиа*, и чеченск. *жижиг*, *жижг*), В.И. Абаев относит к группе «детских» слов для обозначения мяса в кавказских языках. В таком случае, осмелимся предположить, что, в этих языках существует исконный синоним, так же как и в осетинском языке есть слово с исконным *фыд* «мясо». Слово *хаенкъаел* «лапша» (груз. *хинкIали* «пирожок», также инг. *хингал*) в исходной форме, бытующей в ряде кавказских языков, означает «галушку с мясной начинкой». Значение, схожее с осетинским, присутствует лишь в адыгском и кабардинском.

Слово *чыу* «жвачка, закис, смола» (груз. *кIеви* «живица», а также инг. *кIув* «смола») сохранило все значения и через метафорическое осмысление расширило свою семантику. *Хахуы* «лук» – в груз. *хахв-и*, авар. *хахви*, ч.-и. *хох*; в осетинском синоним – *хъæдындз*.

Слово *дзуар* «крест» (груз. *джвар-и*, чеч. *жуара*) как и многие термины, связанные с христианской пропагандой и культом идет из грузинского и через посредство обоих языков попадает в другие языки Кавказа [2, 401с.]. Получив широкое распространение, данное слово приобрело и дополнительные значения. Помимо исходной семантики, в осетинском оно стало означать также «святой», «божество». «святилище»; в качестве второго значения – «оспа». Самостоятельными значениями обладают сочетания с компонентом *дзуар*: *дзуар æфтауын* «венчаться», *дзуарттæ æфтауын* «креститься», *дзуары лæг* «жрец», «человек, приставленный к святилищу», *лæгты дзуар* «бог-патрон мужчин».

Маймули «обезьяна» (груз. *маймуни*, инг. *маймал*) – слово персидского или тюркского происхождения, но встречается и в ряде других кавказских языков; *къуыри* «неделя» (груз. *кIвира*, ч.-и. *кIира*), *дзуг* «гурт, стадо» (груз. *джог-н*, чеч. *жIуга* «куча, толпа»), *галуан* «каменная ограда, крепостная стена, замок, дворец». В последнем примере В.И. Абаев отмечает близкие соответствия в кавказских языках, в том числе и в грузинском. Несмотря на то, что слово имеет персидский облик, по мнению В.И.Абаева, в осетинский язык вошло из кавказских языков. Наконец, практически общекавказское *абыраг* «абрек» (в качестве второго значения «разбойник») – в мегр. *абракI-и*, инг. *эбарг*, чеч. *обарг*, авар. *обурик*, каб. *абрэдж*, балк. *абрег*; и др.

Рассмотрение представленных лексем дает основание говорить о трудностях, связанных с установлением языка-первоисточника, что напрямую зависит от различных путей проникновения слова в язык, часто через другие языки-посредники. В осетинском языке варианты приведенных кавказских заимствований наиболее близки формам с грузинского языка, следовательно, существует большая вероятность, что грузинский язык явился посредником при заимствовании.

Вместе с тем, основная масса кавказских заимствований имеет вполне прозрачную этимологию. Так, наиболее компактно организованную семан-

тическую группу заимствований, несомненно, образуют названия огородных культур, с которыми осетины познакомились сравнительно поздно и большей частью через посредство Грузии [5, 512с.]. Обилие подобных заимствований из области садоводства и огородничества указывает на то, что отрасли земледелия ранее не были развиты у осетин.

Так, названия огородных культур и названия плодов и деревьев в основном заимствованы из грузинского языка: *джитъри* «огурец», *къакъали* «грецкий орех», *битъына* «мята», *булкъ* «редька», *цæхæра* «свекла», *æнгуз* «орех», *къомси* «айва», *бал* «вишня», чъерами «персик, абрикос, плод и дерево», *алтъами* «персик, плод и дерево», *чылауи* «слива». Эти заимствования наиболее точно сохранили исходную форму, поскольку реалии, обозначаемые этими словами, не претерпели никакого существенного изменения и не утратили действительную актуальность в жизни осетин.

Большинство же лексических единиц, попадая на другую языковую почву, претерпевает определенные фонетические изменения, а в некоторых случаях даже семантические. Именно этой своей особенностью заимствования привлекают к себе особое внимание исследователей.

Опираясь на исследовательские данные выдающихся ученых по этимологии и анализируя современное активное состояние осетинского языка, все заимствования наиболее явно поддаются условному делению на три основные группы.

К первой группе слов, сохранивших свое относительно схожее фонетическое оформление и семантическую целостность, мы относим слова преимущественно хозяйственно – бытового содержания: а) из грузинского – *цъына* «скирд, стог», *къалати* «корзинка, клетка», *скъæт* «конюшня», *гобан* «тюфяк, матрац», *цъолоби* «рогожа, циновка», *къуту* «сапетка», *сапон* «мыло», *сасир* «сито», *камчыри* «шумовка», *бумбули* «перина» и др.; б) из кабардино-балкарского – *кæрдзын* «чурек», *четен* (четан) «полотно», балкарское *быру* «ограда», *бабыз* «утка», *хъару* «сила», *гуызаваæ* «беспокойство», *махсымаæ* «квас»; в) из ингушского с соответствиями в чеченском – *хъуылыг* «маслобойка», *басылыхъхъ* «башлык», *æхца* «деньги», *фæрдыг* «бусинка из стекла-самоцвета», *топп* «ружье», *баз* «подушка», *хъул* «сочленение, альчик», *джебогъ* «штык», *хæф* «гной», *цæг* «кольцо, звено», *цæгæр* «плешь», *цæф* «рана», *ахъаз* «помощь», *дзылар* «узда», *къуыри* «неделя», *дзыгъуыр* «пестрый», *зæгæл* «гвоздь», *æрдонг* «стая», *цъар* «кожа» и др. Некоторые лексемы данной подгруппы в результате метафорического осмысления со временем претерпели незначительные семантические изменения и приобрели добавочные коннотаты.

К этой же группе можно отнести и топонимические названия и термины, связанные с высокогорной природой: а) из грузинского – *цъити* «ледник», *сычы* «серна», *цъала* «долина», *калак* «город», *къала* «олово» и др.; б) из чеченского и ингушского – *цъас* «ущелье, теснина», *фурд* «большая река, море», *фæсал* «сухая горная трава для постилки в чувяках» и др.

Ко второй группе заимствований мы склонны относить слова, не получившие широкого распространения, но сохранившиеся в различных фольк-

лорных источниках или имеющие местное употребление. Причинами такой «консервации» данной группы лексем, основная часть которой состоит из грузинских заимствований, могли стать территориальные границы бытования, как самих слов, так и фольклора, в котором они отражались.

Практически все слова этой группы, имеют более привычные лексико-семантические варианты обозначения соответствующих реалий, поэтому вероятность закрепления в языке вторичных наименований, заимствованных из другого языка, сводится к минимуму: *багъи* – осет. *дыргъдон* «фруктовый сад»; *куиткъуири галуан* – осет. *фидар галуан* «крепкий замок» (по мнению В.И. Абаева, состоит из груз. *куит* + *къури* = осет. *чъырамад сис*, *чъырын* «ограда из известняка, известковый [1]; *къогъдзи* – осет. *дзабыр* «лапоть»; *натлиа* – осет. *номавараг* «крестный, кум, дающий имя или тот, кому дают имя»; *згъуа* – осет. *денджыз*, *мал* «море, омут»; *сидедри* – осет. *усы мад* «мать жены, теща»; *симабри* – осет. *каис* «отец жены, тесть»; *кулбаиш* – осет. *куырдадзы цахар* «кузнечные угли, жар».

К третьей группе мы условно отнесли слова, которые в результате семантического переосмысления приобрели дополнительные коннотативные смыслы или полностью изменили свое значение и, как следствие, сферу употребления. К примеру, слово *гагуы* означает «глазное яблоко, зеница, зрачок», но приобрело дополнительный семантический оттенок, соответствующий слову «сердцевина, суть». Кроме того, оно вошло в состав фразеологизма *цасты гагуы* «зеница ока» и имеет широкий диапазон употребления, в том числе и в ласкательных формулах, обращениях, и даже как поэтический образ в причитаниях.

Слово *цъулбер* «пиявка» в процессе метафоризации приобрело дополнительное значение «кровосос, мучитель», которое имеет тенденцию доминировать над исходным значением.

Грузинское *гукъуна* «кукла» со временем стало использоваться для обозначения маленькой девочки в качестве экспрессива, или в качестве ласкового обращения к девочке подросткового возраста и младше, при соблюдении сугубо осетинского семейного поведенческого этикета, который не предполагает прямого обращения по имени к членам семьи.

Слово *гуымиры* «великан, дубина, идол» в своем прямом значении бытует, преимущественно, в фольклорных текстах, где оно обозначает грубых и сильных великанов, обитающих в пещерах и неприступных крепостях в горах. Упомянутые в Нартском эпосе, *гуымыры* считались коренным населением, некогда обитавшем на землях Нартов. [3]. Выйдя за рамки фольклора, на фоне метафорических процессов данное слово приобрело дополнительное значение «глупый человек, тугодум». В разговорной речи часто используется как экспрессив с активизацией оценочного компонента. Сюда же можно отнести ранее рассмотренное *дзуар* «крест» и его самостоятельные составные наименования, образованные с его участием.

Из рассмотренных нами групп кавказских заимствований наибольшее внимание, на наш взгляд, привлекает третья группа, поскольку выявление

первоначальных смыслов и значений иногда приводит к очень интересным фактам и умозаключениям.

В числе заимствований особняком стоит группа слов, вошедших в осетинский язык как названия традиционных национальных праздников, божеств, и обнаруживающих явное грузинское происхождение. К примеру, *Джеоргуыба* – праздник св. Георгия в ноябре; *Мыкалгабыртæ* – название божества и святилища; *Таранджелос* – название божества и святилища; *Кæсутæ* – весенний праздник, обрядовое шествие к реке молодых женщин селения, вышедших в течение минувшего года или ранее замуж, но еще не родивших детей. Эти и другие религиозные названия, отражающие традиционные верования осетин, не ограничиваются лишь лексическим заимствованием. С ними связаны сложнейшие культурные, исторические и духовные взаимоотношения на протяжении нескольких веков, изучение которых требует принципиально иного подхода. Именно поэтому данная группа выносятся нами за рамки предложенной классификации.

На современном этапе развития осетинского языка заимствования из кавказских языков сведены до минимума в виду отсутствия некогда существовавших тесных социально-культурных и религиозных связей соседствующих народов. В настоящее время основную массу заимствований составляет англоязычная лексика, проникающая в осетинский через посредство русского языка. Кавказские же заимствования сводятся к понятиям исключительно национально-культурного содержания и названиям национальной кухни, которые получают распространение и в других языках и культурах.

Список литературы

1. Абаев В.И. Из осетинского эпоса. М.; Л., 1939. С.76.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. 1 т. А-К, Издательство Академии наук СССР: М.; Л, 1958.
3. Дзадзиев А.Б., Дзуцев Х.В., Караев С.М. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. Владикавказ. 1994. С. 44.
4. Козырева Т.З. Лексика осетинского языка с точки зрения ее исторического происхождения //Известия СОНИИ, Том XXXIII, выпуск 1, 46 с.
5. Миллер Вс. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992. – 512 с.
6. Нарты кадджытæ (Нартовские сказания) Кн.І. Владикавказ, «Ирыстон». 2003 г.

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА

Натхо О.И.

доцент кафедры профессионально-ориентированного английского языка,
Пятигорский государственный лингвистический университет,
Россия, г. Пятигорск

В статье рассматривается деловой дискурс и научно-популярный деловой дискурс, как один из его важнейших компонентов на примере их англоязычной реализации. Научно-популярный деловой дискурс рассматривается как инструмент репрезентации профессио-

нально-деловой картины мира, выраженный произведениями публицистической принадлежности, которые объединены целью представления типичных для деловой и бизнес-сферы знаний в текстовых формах, и представляет собой институциональный вид дискурса.

Ключевые слова: деловой дискурс, научно-популярный деловой дискурс, профессионально-деловая картина мира, дискурсивные категории.

Наблюдаемый с настоящее время стремительный рост деловых контактов, обусловленный общей ориентированностью современного общества к аккумуляции и постоянному росту международного взаимодействия, безусловно, является не только результатом стремительного роста информационно-коммуникативного технологического комплекса, но и отвечает новым геэкономическим требованиям политической и экономической культурной интеграции. Ярко выраженный глобализационный характер рассматриваемых обстоятельств, равно как и их несомненная актуальность, говорят о насущной необходимости скрупулезного и всестороннего анализа приобретающей все бóльшую значимость бизнес-коммуникации.

Говоря об осуществлении коммуникации в бизнесе, равно как и о значимости речевого общения в бизнес-контексте, нельзя обойти вниманием такое понятие, как "деловой дискурс" (ДД). Будучи единогласно признанным всеми исследователями как сложное, многоаспектное образование и статусно-ориентированный (институциональный) феномен, в рамках которого каждый из коммуникантов является не просто личностью, но представителем определенного социального института [9], ДД уже на протяжении нескольких последних десятилетий является одним из наиболее приоритетных и, надо сказать, плодотворных направлений развития лингвистических исследований (см. работы Г.Г. Буркитбаевой, Ю.В. Данюшиной, М.В. Колтуновой, С.В. Мкртычян, Л.П. Тарнаевой, Ю.В. Стодолинской, С.В. Шиловой, Т.А. Ширяевой, А.Ю. Хахалевой, В.Е. Чернявской, S. Azuma, F. Bargiela-Chiappini, M.H. Bazerman, V.K. Bhatia, R. Fox, J. Holmes, D. Janssen, L. Louhiala-Salminen, C. Nickerson, W. Orlikowski, P.P. Reynold, J. Yates и др.).

Для реализации целей, поставленных в рамках данной статьи, нами будет использоваться определение ДД, предложенное Т.А. Ширяевой, согласно которому институциональный "дискурс делового общения представляет собой целенаправленную статусно-ролевую речевую деятельность людей, общей характерной чертой которой являются деловые отношения, <...> охватывающие не только организации внутри, но и связи между организациями, а также коммуникацию между организациями и отдельными индивидами, базирующуюся на нормах и правилах общения, принятых в деловом сообществе" [20].

Из представленного определения следует, что основополагающим для адекватного восприятия и интерпретации ДД является понятие "деловая ситуация", понимаемое нами (вслед за М.В. Колтуновой) в качестве единицы профессионального общения, некой совокупности отношений и обстоятельств, возникающих при взаимодействии, связанном непосредственно с профессиональной деятельностью [11]. Деловая ситуация, в свою очередь, не

просто оказывает влияние, но в значительной степени детерминирует *речевую деятельность участников делового сообщества*, ограничивая эту деятельность рамками "образа делового мира", сформированного различными экономическими и управленческими науками (составляющих своеобразную научно-фактологическую базу) – с одной стороны, и культурой (с запечатленными в ней ценностями) – с другой [15, с. 123-124].

А учитывая тот факт, что феномен культуры неразрывно связано с такими понятиями, как социальное наследие, научаемые формы поведения и его общественная стандартизация [см. подробнее: 2], мы неминуемо приходим к выводу, что одним из основополагающих факторов, оказывающих влияние на формирование и дальнейшее развитие любой языковой области (и, что особенно релевантно для нас, – области бизнеса), является *менталитет*. В данном случае мы разделяем точку зрения В.А. Масловой, согласно которой менталитет является категорией, отражающей не только внутреннюю организацию, но и дифференциацию ментальности, в определенной степени это склад ума и души народа, это психо-лингво-интеллект каждой отдельно взятой разномасштабной лингвокультурной общности [13, с. 49]. Из приведенного определения следует, что менталитет особенно тесно коррелирует с понятием *ментальности*, включающим концептуализацию и формирование мировидения сквозь призму категоризации и формообразования родного языка.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что даже при наличии подавляющего количества "общих" параметров, каждая лингвокультура будет иметь и определенный процент "уникальных" характеристик, необходимых для осуществления коммуникации в целом, и деловой и бизнес-коммуникации, в частности.

Учитывая несомненную важность и доминантный характер английского языка не только как общепризнанной основы лингвистической политики большинства компаний по всему миру (в качестве основного элемента практикуемого во многих корпорациях *институционального мультилингвизма* [см. 1]), но и как давно устоявшегося *lingua franca* современного мирового сообщества, мы считаем наиболее целесообразным изучение собственно ДД и научно-популярного делового дискурса (Н-П ДД), как одного из его важнейших компонентов, именно на примере их англоязычной реализации. В качестве убедительных экстралингвистических характеристик, обуславливающих данный выбор, можно привести следующие:

– "английский язык используется как рабочий в 85% международных организаций и является приоритетным в пространстве Интернет, занимает сильные позиции в рекламе, СМИ, международном туризме и образовании" [17, с. 157];

– английский язык, в силу своего международного статуса, оказывает неоспоримое влияние на другие языки и их реализацию в различных сферах жизнедеятельности, особенно в бизнесе [12];

– как следствие предыдущего этапа, современные глобализационные процессы приводят к усилению позиции самого английского языка в области бизнеса за счет других национальных языков [16].

Переходя к непосредственному рассмотрению особенностей и закономерностей функционирования Н-П ДД, важно начать с научной популяризации, представляющей собой неотъемлемую часть жизни общества и занимающей существенное положение в системе общественных институтов [19, с. 119]. Последнее обусловлено тем, что данный процесс "вписывается в более широкий социально-экономический контекст, включающий в себя как политику, так и массовую коммуникацию", представляя популяризацию как неотъемлемую составляющую конструирования и реконструирования общества [4, с. 42].

Учитывая, что процесс популяризации охватывает все без исключения релевантные сферы человеческой деятельности (и сфера бизнеса ни коим образом не является исключением), а "существование и развитие бизнеса является необходимым условием развития цивилизации" [7, с. 141], мы считаем абсолютно обоснованным рассмотрение *Н-П ДД в качестве инструмента репрезентации профессионально-деловой картины мира, вербализованного речевыми произведениями публицистической жанровой принадлежности, объединенными целью представления типичных для деловой и бизнес-сферы знаний в текстовых формах, доступных для неподготовленного (однако мотивированного для восприятия нового знания) адресата* [ср. 10, с. 44].

Основываясь на типологии дискурсов и на определении понятия институциональности, можно с уверенностью утверждать, что научно-популярный дискурс (а, значит, и Н-П ДД) представляет собой институциональный вид дискурса [6, с. 83], т.е. Н-П ДД может быть охарактеризован посредством следующих дискурсивных категорий: участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, материал, разновидности и жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формулы [9]. В данной статье мы проанализируем и сравним особенности реализации данных параметров ДД и Н-П ДД.

ДД, по общепринятому мнению исследователей, характерен определенный набор участников – это, в первую очередь, коммуникативные диады "агент <-> агент" (характеризуется институциональным равенством) и "агент" <-> клиент института" (один из участников является объектом институционального воздействия другого), которые охватывают широкий ситуативный диапазон, как то: деловые люди, занимающиеся переговорами; предприниматели, обсуждающие бизнес; специалисты, оказывающие консалтинговые и экспертные услуги, и пр. Что же касается Н-П ДД, он центрируется на других статусно-ролевых характеристиках участников, а именно: он происходит в рамках речемыслительного взаимодействия специалист <-> неспециалист [ср. 3, р. 93]. Таким образом, произведения Н-П ДД способствуют обеспечению коммуникации между дилетантом (имеется в виду широкая аудитория, включающая людей с самым различным уровнем подготовки) и специалистом в области бизнеса касательно предмета, имеющего отношение к сфере научной или деловой компетенции последнего.

Хронотоп, являясь закономерной связью пространственно-временных отношений, имеет свою специфику в ДД, распадаясь на понятия социального пространства (интуитивно воспринимаемая индивидами система социальных

отношений) и социального времени (переживаемое каждым из индивидов интуитивное восприятие течения социальной жизни) [19, с. 80-81]. Что же касается Н-П ДД, последний не характеризуется подобными ограничениями, так как его реализация может происходить практически в любом месте и не имеет временных ограничителей.

Основная *цель* ДД видится в реализации взаимовыгодной профессиональной деятельности, установлении определенных условий сотрудничества между коммуникантами (заинтересованными сторонами). Что же касается Н-П ДД, его целевая направленность характеризуется более отвлеченным характером, однако, здесь подчеркнем, что произведения ДД, как и произведения Н-П ДД, ставят своей целью осуществление презентации определенного фрагмента научно-деловой картины мира в том виде, как он представлен в концепциях разных ученых и специалистов в области бизнеса. Однако в этой презентации в Н-П ДД в качестве основного элемента выступает популяризация определенных научных или социологических исследований и их результатов, состояния дел в бизнес-сообществе, и, что самое главное, ознакомление широкой аудитории с данными результатами [18, с. 43]. Таким образом, одной из преобладающих функций Н-П ДД выступает популяризаторская.

Глубинная *ценностная ориентация* ДД базируется на таких научных характеристиках, как беспристрастный поиск знания, его преумножение доказательство его объективности, равно как и в уважительном отношении к фактическому материалу. Выходящие из вышеназванного специфические ценности заключаются в эффективном управлении бизнесом, получении прибыли, создание партнерского формата отношений, мониторинга конкурентной среды и кадрового рынка, и т.п. И здесь нам представляется очевидным совпадение целевых установок ДД и Н-П ДД, т.к. отсутствие у Н-П ДД хотя бы одной из представленных ранее ценностей привело бы к неминуемой потере им статуса научности [10, с. 24].

В качестве основных коммуникативных *стратегий* ДД выступает комплекс аргументативных, манипулятивных и административно-принудительных стратегий (стратегий доминирования), реализующихся в таких видах деятельности, как презентации, переговоры, собеседования, интервью, статьи в специализированных СМИ и т.п. В случае с Н-П ДД, преобладающим оказывается другой набор характеристик, а именно: воздействующая (в некоторой степени – манипулятивная) и информационная функции, а также частично функция конструирования социальных действий. Здесь мы полностью разделяем точку зрения Т.Г. Добросклонской, согласно которой "механизм функционирования СМИ [*а Н-П ДД обладает существенным количеством характеристик, свойственных массмедийному дискурсу, что говорит о полной легитимности данного сравнения – О.И.*] предполагает не только и даже не столько отражение окружающей действительности, сколько, и это гораздо более важно, ее интерпретацию, комментарий, оценку, способствующие формированию определенного идеологического фона" [8, с. 193]. Таким образом, можно сделать вывод, что разница в стратегическом планировании ДД и Н-П ДД заключается, прежде всего, в их разной целевой

направленности, т.к. стратегии любого типа дискурса вытекают непосредственно из его целей.

Тематический *материал* Н-П ДД предопределяется и находится в полной зависимости от материала ДД. Это также подтверждается тем фактом, что, "если рассматривать тематику научно-популярного дискурса в качестве определенного семантического множества, оно неизбежно будет считаться подмножеством относительно тематики дискурса собственно научного" [6, с. 84]. Что касается Н-П ДД, он представляет собой множество, относящееся как к научно-популярному дискурсу, так и к ДД.

Говоря о возможной стратификации Н-П ДД и его *жанровой разновидности*, стоит отметить, что данный параметр демонстрирует практически полную соотнесенность Н-П ДД с массмедийным дискурсом, демонстрируя реализацию принципа вторичности произведений научно-популярного дискурса по отношению к произведениям научного дискурса (в нашем случае – Н-П ДД относительно ДД). Тем не менее, ни композиционно, ни в смысловом отношении произведения Н-П ДД не основываются на определенных предшествующих текстах [18, с. 42].

Некоторое сходство ДД и Н-П ДД относительно *прецедентных (культурогенных) текстов* заключается в свойственной им обоим высокой степени интертекстуальности, равно как и в релевантности данных текстов как источников научной бизнес-значимой информации. Различия обнаруживаются в том, что текст в ДД зачастую характеризуется так называемыми индексами социального статуса, а priori определяющими иерархическое положение адресата и его социально-профессиональный статус. Что же касается Н-П ДД, в нем воздействие и взаимодействие с адресатом базируются не на институциональных нормах и правилах общения, принятых в деловом сообществе, а имеют более свободную форму моделирования и характеризуются практически полным отсутствием сценарного принципа текстуального построения.

В том, что касается *дискурсивных формул*, между ДД и Н-П ДД прослеживаются значительные различия. Строго очерченная нормативность языковых средств, тонкость в выстраивании информационной архитектуры текста, а также высокая степень моделируемости профессионально-ориентированных текстов ДД явно контрастируют с прагматическими пресуппозициями Н-П ДД. Несоблюдение специфичных для ДД формул является вынужденным для Н-П ДД, т.к. прагматическая доминанта Н-П ДД направлена непосредственно на доступность излагаемой информации и повышение интереса потенциального адресата. Для этих целей и создается характерная для Н-П ДД *информационная избыточность*, равно как и весь остальной комплекс авторских приемов популяризации, включающий в себя набор синтаксических, лексических, паратекстуальных и архитектурных приемов [см. подробнее: 5, с. 4].

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет заключить следующее:

1) Н-П ДД представляет собой наглядный пример органичного сочетания и взаимопроникновения сущностных параметров ДД и лингвопрагмати-

ческих установок медиадискурса, являясь, тем не менее, относительно самостоятельным типом дискурса;

2) Н-П ДД характеризуется принципом вторичной репрезентации теоретико-практического материала ДД, при этом форма представления материала реализуется в доступной для неподготовленного адресата манере;

3) базисным компонентом коммуникации и одной из основополагающих функций Н-П ДД является нацеленность сообщения научно-делового характера на неподготовленного, но мотивированного для восприятия нового знания, адресата; следствием этого оказывается использование популяризаторской функции для расширения и углубления профессиональных знаний и навыков у неподготовленной аудитории.

Список литературы

1. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.
2. Ширяева Т.А. Когнитивное моделирование институционального делового дискурса: автореф. дисс. ... доктора филол. наук. Краснодар, 2008. 50 с.
3. Колтунова М.В. Деловое общение: Норма. Риторика. Этикет. М.: Логос, 2005. 308 с.
4. Рикер П. Конфликт интерпретаций. М., 1995. 416 с.
5. Cafagna A.C. A formal analysis of definitions of culture / G.E. Dole, R.L. Carniero (eds.) // Essays in the Science of Culture. In Honor Leslie A. White. N.Y., 1960. P. 111-132.
6. Berthoud A.-C., Grin F., Lüdi G. Le projet DYLAN «Dynamique des langues et gestion de la diversité» / Rocci A., Duchêne A., Gnach A., Stotz D. (eds.) Sociétés en mutation : les défis méthodologiques de la linguistique appliquée // Bulletin VALS / ASLA. – Numéro spécial 2. Neuchâtel: Centre de linguistique appliquée de l'Université de Neuchâtel, 2010. P. 13–23.
7. Хахалева А.Ю. Дискурсивные характеристики ситуации делового общения в контексте глобализации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 14. С.148-162.
8. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
9. Трошина Н.Н. Переключение вербального кода в корпоративном дискурсе // Семиотическая гетерогенность языковой коммуникации: теория и практика: Тезисы докладов международной конференции, Москва, 27–28 октября 2011 г. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. 162 с.
10. Багиян А.Ю. Детерминологизация английской технической терминологии в научно-популярном дискурсе: дисс. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2014 (а). 173 с.
11. Буркитбаева Г.Г. Деловой дискурс и уровни его исследования // Наукові записки. –Серія: Філологічні науки (мовознавство): у 5 ч. Кіровоград: РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2010. Випуск 89 (5). С. 140-145.
12. Кобозева М.А. Когнитивные и речевые стратегии ввода темы в научно-популярном дискурсе: дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2011. 236 с.
13. Багиян А.Ю. Сущностные свойства и основные характеристики научно-популярного дискурса // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014 (б). № 3. С. 81-86.
14. Hyland K. Metadiscourse. Cornwall: MPG Books Ltd., 2005. 230 p.
15. Ширяева Т.А. Когнитивная модель делового дискурса: монография. Пятигорск: ПГЛУ, 2006. 256 с.
16. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста: учеб. пособие. – изд. 4-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 128 с.
17. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиа-текстов: Опыт исследования современной английской медиа-речи. М.: МАКС Пресс, 2000. 288 с.

18. Багиян А.Ю. Детерминологизация английской технической терминологии в научно-популярном дискурсе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2015. 28 с.
19. Натхо О.И. О необходимости выделения научно-популярного субдискурса в пространстве делового дискурса // Новая наука: опыт, традиции, инновации: Международное научное периодическое издание по итогам Международной научно-практической конференции (24 ноября 2015 г., г. Стерлитамак). Стерлитамак: РИЦ АМИ, 2015. С. 116-120.
20. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2007. 208 с.

СТИХОТВОРЕНИЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ВЫХОЖУ ОДИН Я НА ДОРОГУ...»: КОММЕНТАРИЙ К ДАТСКОМУ ПЕРЕВОДУ

Ненарокова М.Р.

старший научный сотрудник Отдела классических литератур запада и сравнительного литературоведения, д-р филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ) РАН, Россия, г. Москва

В статье анализируется перевод стихотворения М.Ю.Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» на датский язык. В процессе медленного чтения устанавливается соответствие/несоответствие лексики лермонтовского текста и перевода А.Стендер-Петерсена. Делается вывод об адекватной передаче формы стихотворения и об искажении его смысла.

Ключевые слова: перевод, русская классическая литература, стихотворение, М.Ю.Лермонтов, датский язык, лексика, метрика.

Имя М.Ю. Лермонтова впервые стало известно датской читающей публике в 1839 г., когда в журнале «Браге и Идунн» [9, 21] появилась статья начинающего литературного критика Петера Лудвига Мёллера, в которой тот рассказывал о развитии русской литературы в течение двух лет после смерти А.С.Пушкина: «Среди выдвинувшихся за последние два года поэтов выделяется своим самобытным, самостоятельным талантом молодой гусарский офицер по имени Лермонтов» [9, 21].

Прозе Лермонтова в Дании повезло больше, чем поэзии. Первый перевод одной из частей романа «Герой нашего времени» вышел в 1842 г. в журнале «Фигаро», предположительно выполненный самим Мёллером, а в 1856 г. все прозаические произведения русского поэта – полный перевод «Героя нашего времени», «Ашик Кериб», «Штосс» и «Я хочу рассказать вам» – вышли под одной обложкой в переводе Эдвина Мариуса Торсона, юриста по образованию, филолога-слависта и переводчика [9, 21].

Поэзию стали переводить на сорок лет позже: первый стихотворный перевод на датский язык появился только в 1881 г. («Казачья песнь»), но еще в 1960 г. в предисловии Олава Риттера к антологии «Русская поэзия от «Слова о Полку Игореве» до Евтушенко в северных переводах в подборке Олава Риттера» (*Russisk Poesi fra Igor-Kvadet til Jevtusjenko i Nordisk Gjendigtning i Utvalg ved Olav Rytter*) [13, 3], вышедшей в Осло, читаем: «Когда речь заходит о русской литературе, в первую очередь вспоминаются великие и заслуженно

знаменитые русские романы Гоголя, Тургенева, Гончарова, Толстого, Достоевского, Горького, Шолохова, – это если называть наиболее известные произведения. Драма связана с именами Островского и Чехова. Но лирика? И русская поэзия в целом? Она мало известна, меньше, чем она того заслуживает» [13, 3]. По выражению Риттера, имя Лермонтова «сияет ... собственным... блеском» [13, 4] среди поэтов 30-40-ых гг. XIX в. Точкой отсчета в поэзии XIX в. было творчество Пушкина, и Риттер сравнивает Лермонтова с Пушкиным, одновременно вписывая имя младшего поэта в европейский контекст: «Лермонтов, как тип личности, стоял ближе к Байрону, чем Пушкин. Он, как и Пушкин, ищет ясности и значимости в формах своего поэтического выражения, но гораздо более личностен в своем отношении к современности и проблемам духовности» [13, 4]. Как считает автор предисловия, это «вершина русской лирики, которой поздние поэты – особенно Блок и Пастернак – должны были еще достигнуть при помощи потока фантазии и многообразия в выборе мотивов, но без той глубоко личностной и превосходной целостности формы, которая обеспечила Пушкину и Лермонтову звание классиков русской поэзии» [13, 4].

Среди стихотворений М.Ю.Лермонтова, выбранных для норвежских читателей, находим хрестоматийное «Выхожу один я на дорогу...» [13, 33], принадлежащее, по мнению литературного критика В.Г.Белинского, «к лучшим созданиям Лермонтова» [4], «даже и между сочинениями Лермонтова ... к блестящим исключениям» [4]. Перевод этого стихотворения на датский язык был впервые напечатан в 1952 г., авторство перевода принадлежит Адольфу Стендер-Петерсену [11], датскому слависту и литературоведу (1893-1963). Его отец происходил из Шлезвига, видимо, приехал в Россию в царствование Александра III, женатого на датской принцессе Дагмар, мать была местная уроженка, прибалтийская немка. Будущий специалист по истории русской литературы рос в среде, где русский, немецкий и датский языки постоянно взаимодействовали друг с другом. Получив прекрасное образование в Санкт-Петербурге, в немецкой St. Petri Schule, одном из старейших учебных заведений России, Адольф Стендер-Петерсен изучал классическую и славянскую филологию в Санкт-Петербургском университете, а завершил свое образование в Гейдельберге. После начала Первой Мировой войны, в 1915 г., он вернулся в Данию и до самой смерти в 1963 г. преподавал и занимался наукой.

Внимательное чтение оригинала и перевода позволяет увидеть, насколько переводчику удалось передать особенности формы и тонкости содержания лермонтовского стихотворения.

Первая строфа.

Перевод А.Стендер- Петерсена	Ensom går jeg ud på vilde stier. Gennem tågen blinker stenet vej. Det er nat. Og Gud og slette tier. Muntre stjerner smiler tyst i leg.
Обратный перевод	Одинокий, я выхожу на <i>безлюдные тропинки</i> . Сквозь туман мигает каменистый путь. Ночь. <i>И Бог, и равнина молчат.</i>

	<i>Веселые звезды молчаливо улыбаются во время игры.</i>
Оригинал	Выхожу один я на дорогу; Сквозь туман кремнистый путь блестит; Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу, И звезда с звездою говорит [3].

Первое слово первой строфы «один» имеет основное значение «сам, единственный, единый, сам по себе, без дружки или ровня» [2]. Для перевода Стендер-Петерсен выбирает датское *ensom*, которое, согласно Датскому Словарю [12], имеет несколько значений, но первое из них: «тот, кто чувствует себя оставленным, покинутым, отторгнутым от людей, кто чувствует необходимость в обществе других людей» с оттенком тоски и жалости к себе, то есть «одинокий», что не соответствует тому смыслу, который Лермонтов вложил в первую строку стихотворения. Согласно В.И.Далю, «одинокий» означает «не имеющий семьи, родственников, близких, один, одинёшенек, один-одинёшенек одинёхонек; осиротелый» [2]. Слово «один» имеет иные эмоциональные коннотации, чем «одинокий»: ощущение собранности, сосредоточенности перед важным делом, что, например, отражено в русских пословицах со словом «один»: «Один в поле не воин» и противоположная по значению (плод XX в.) «И один в поле воин».

В первой строке лермонтовского стихотворения находим еще одно несовпадение, искажающее смысл оригинала. Лирический герой Лермонтова выходит «на дорогу», что поддерживается существительным «путь» из второй строки первой строфы. В русском языке и дорога, и путь имеют много общих значений, первое из которых: «ездовая полоса; накатанное или нарочно подготовленное различным образом протяженье, для езды, для проезда или прохода», а также само «путешествие» [2]. И у «пути», и у «дороги» есть: «переносное значение: средство, способ для достижения чего; род жизни, образ мыслей, дела и поступки человека» [2]. При всей близости значений («путь-дорожка») по сравнению с «дорогой» «путь» может быть связан с областью абстрактного и нематериального («жизненный путь»; название романа И.Шмелева «Пути небесные»). Когда автором употребляются слова «путь/дорога», возникает ощущение, что решение принято, цель ясна. В переводе встречаем *vilde stier* – «безлюдные тропинки», то есть узкие, извилистые «дорожки, протоптанные людьми или животными в лесу, в поле, по снегу» [5;7], которые не могут вести прямо к цели (в русском языке возможны словосочетания «лесная тропинка», «тропинка во ржи», «тропинка к водопою», «извилистая тропинка» [5;7]). Ощущение ясности и решимости оригинала в переводе сменяется ощущением запутанности и растерянности.

Определение «кремнистый» характеризует избранный путь как «трудный», так как в русском языке это прилагательное означает «содержащий в каком-то виде кремень, покрытый кремнем», а «кремень» является «самым твердым и жестким из простых камней» [2]. Переносное значение этого слова – «крепкого нрава, твердый, безжалостный» [2]. Стендер-Петерсену удалось подобрать эквивалент прилагательному «кремнистый» – прилагательное

stenet – «каменистый», с одной стороны, означающее «покрытый камнями», с другой, «имеющий много проблем или препятствий» [12].

У Лермонтова «кремнистый путь блестит», то есть, согласно данным словаря Даля, «отражает яркий свет, светится, отсвечивает, играет лучами, горит светом» [2]. Иными словами, глагол «блестеть» передает постоянное излучение света. Стендер-Петерсену не удалось подобрать нужного слова: у него «каменистый путь» *blinker* – «мерцает, сверкает, мигает, посылает световые сигналы» [12], то есть свечение прерывается.

Часть третьей строки первой строфы оригинала «Пустыня внемлет Богу...» сильно искажена переводчиком: *Og Gud og slette tier* – «И Бог, и равнина молчат», причем Стендер-Петерсен переводит слово «пустыня» как *slette*, нейтральное слово со значением «большая, плоская, открытая область/территория без леса» [12]. В русском языке «пустыня» означает «незаселенная земля, обширное, необитаемое пространство земли со скудной растительностью или вовсе лишённое растительности, вообще безлюдное место» [2], причем акцент делается на отсутствие людей, а не растительности. В языке времен Лермонтова, слово «пустыня» имело огромную и важную культурную нагрузку, которая в переводе совершенно исчезла: место испытания веры и сил человека, место близости к Богу [8, 135, 136]. Изменилось и действие, упоминаемое в строке: в оригинале подразумевается, что Бог обращается к «пустыне», к земному миру, и земной мир «внемлет» гласу Божию. В переводе акцентируется «молчание», элемент чудесного исчезает, что, как кажется, объясняется протестантским мировоззрением переводчика.

Столь же неправильно переведена последняя строка первой строфы «И звезда с звездою говорит»: *Muntre stjerner smiler tyst i leg* – «Веселые звезды молчаливо улыбаются во время игры».

Вторая строфа:

Перевод А.Стендер- Петерсена	Højt i himlen sker der sært et under. Stille sover jordens disblå dal. Hvorfor knuges jeg i drømmens stunder? Er det anger? Er det håbets kval?
Обратный перевод	Высоко в небе происходит странное чудо. Тихо спит юдоль земная в синей мгле. Почему я сжимаюсь в часы сна? Это раскаянье? Это мука надежды?
Оригинал	В небесах торжественно и чудно! Спит земля в сияньи голубом... Что же мне так больно и так трудно? Жду ль чего? жалею ли о чём? [3]

Первая строка второй строфы «В небесах торжественно и чудно!» изменяется в переводе на *Højt i himlen sker der sært et under* – «Высоко в небе происходит странное чудо». В слове «торжественно» весомо дополнительное значение «важность, значительность» и «зрелищность». По Далю, «торжество» означает «вселюдное празднование какого-либо события» (*Торжество*

о победе, или по победе; торжество венчания на царство, торжество погребения, Торжественное празднество. – обряд рукоположенья. – присяга, всенародная, гласная, со всеми обрядами) [2]. «Чудно» у Даля толкуется как «дивно, удивительно, изумительно, необычайно; непонятно, непостижимо» [2]. «Чудо» и «Бог» во времена Лермонтова естественны в одном контексте: *Богу все чудеса доступны. Христос являл чудеса, исцелял чудесами* [2]. У Стендер-Петерсена находим *et sært under* – «странное чудо», но не в значении «удивительное, непостижимое». *Sært* в датском языке имеет значение «отходящий от нормы забавным или слегка неприятным образом» [12]. Оценка происходящего кардинальным образом меняется на противоположную – от восхищения и благоговения в оригинале к недоумению и легкой насмешке в переводе.

Jordens ... dal – «земная ... долина» перевода может быть переведена на русский язык как «земля», «юдоль земная», то есть «земля как место, где человек несет тяготы, переживает горести». Таким образом, в переводе Стендер-Петерсена появляется утерянная в первой строфе духовная составляющая смысла стихотворения, причем в виде библейской аллюзии: «долина плача» (Пс 83:7).

Передавая по-датски часть второй строки «в сияньи голубом», Стендер-Петерсен подбирает эпитет *disblå* – «в голубой дымке». Датское *dis* – «туман, дымка, мгла» [12] подразумевает отсутствие света, тогда как русское «сиянье», по Далю, есть «состоянье сияющего; свет, блеск, лучезарность, самосвет» [2], а глагол «сиять», производным которого является упомянутое существительное, означает «ярко блистать, светить лучами, светом, огнем; издавать свет, или ярко и лучисто отражать его» [2]. Даль приводит примеры, указывающие на количество света: «Солнце сияет, а месяц только светит. Звезды сияют или блещут. Самоцветные каменя сияют», но и «Сиянье вокруг головы святого» [2]. Свет, которым пронизан оригинал, совершенно исчезает в переводе.

Третья и четвертая строки второй строфы и первая и вторая строки третьей строфы описывают эмоции, которые испытывает лирический герой. В переводе читаем: *Hvorfor knuges jeg i drømmens stunder?/ Er det anger? Er det håbets kval?/ Ak, jeg venter intet mer af livet./ Intet angrer jeg af det, som var* – «Почему я сжимаюсь в часы сна?/ Это раскаянье? Это мука надежды?/ Ах, я ничего больше не жду от жизни./ Я не раскаиваюсь ни в чем, что было». В оригинале герой испытывает несколько другие чувства: «Что же мне так больно и так трудно?/ Жду ль чего? жалею ли о чем?/ Уж не жду от жизни ничего я, / И не жаль мне прошлого ничуть» [3].

Насколько Стендер-Петерсену удалась попытка передать душевное состояние лирического героя, показывает сравнение значений слов, описывающих эмоции. Датское *knuges* означает «испытать внезапное душевное и физическое напряжение по причине сильного переживания или некоего состояния души» [12]. В русском языке, пожалуй, самым близким соответствием глаголу *knuges* оказывается «сжаться», но применительно не к человеку, а к его душе или сердцу: «перен. Испытать давящее, гнетущее действие чего-

нибудь». Душа сжалась от страха. «Сжалось в нем сердце, полное тоской» Пушкин. «Сердце сожмется мучительной думой». Некрасов [5]. Датский глагол заменяет два наречия, употребленных Лермонтовым для описания душевного состояния героя: «больно» – «только о душевном страдании: неприятно, досадно, тяжело» [5] и «трудно» – «тяжело, тяжело, ощущение неприятностей, больших затруднений» [7]. Как кажется, переводчику удалось перевести строку «Что же мне так больно и так трудно?» в достаточной степени адекватно, но при этом эквивалентные языковые средства не найдены.

Смысл четвертой строки второй строфы изменен полностью. В этой строке вводится существительное *anger* – «раскаянье», которое поддерживается глаголом *angrer* – «раскаиваюсь» [12] (2-ая строка 3-ей строфы), тогда как в оригинале находим «жалъ» и «жалею». При том, что в некоторых ситуациях эти пары слов могут восприниматься как синонимы, между ними есть существенное различие. Пара «жалъ/жалею» имеет значение «сожаление, досада при утрате чего-н., возможность лишиться чего-нибудь; чувство печали, огорчения, вызванное утратой, сознанием невозможности изменить или осуществить что-либо» [2]. Пара «раскаяние/раскаиваюсь» также может служить для выражения сожаления, но сожаления особого рода: «болезненное чувство, возникающее, если сделано что-то дурное с моральной точки зрения или греховное» [2].

Смысл заключительных строк третьей строфы «Я ищю свободы и покоя! Я б хотел забыться и заснуть» [3] в переводе также несколько изменен: *Ønsker kun, at freden blev mig givet/ og en nat, som ro i barmen bar* – «Я лишь желаю, чтобы мне был дан мир/ И ночь, которая принесла бы покой в грудь». Лермонтовские «свобода и покой» продолжают пушкинские «покой и волю»: «На свете счастья нет, но есть покой и воля/ Давно завидная мечтается мне доля — / Давно, усталый раб, замыслил я побег/ В обитель дальнюю трудов и чистых нег» («Пора, мой друг, пора» (1834)) [6]. Стендер-Петерсен здесь многословен. Датское *fred* имеет значения, относящиеся к сфере души и эмоций, например: «чувство внутреннего покоя, отсутствие напряжения, гармония», *ro* – «отсутствие забот, беспокойства, нервного напряжения, суеты». В датском языке существует выражение *fred og ro* – «букв. мир и спокойствие»; *i fred og ro* [12] – «мирно, миролюбиво». Как кажется Стендер-Петерсен использовал это выражение, поскольку русское словосочетание, в его восприятии, описывает две стороны одного явления, может быть, «внутренней свободы», и, таким образом, ощущается как неделимое. Чего ищет Лермонтов? «Свободы» как «отсутствия ограничений и стеснений, возможности проявления своей воли» [5] и «покоя» как «состояния физического и душевного равновесия, отсутствия тревог, забот, сомнений, волнений» [7]. В переводе передается лишь желание «покоя».

Большие изменения претерпела и четвертая строфа. Словосочетание «холодный сон могилы» [3] переведено почти точно, за исключением существительного *dval* – «крепкий сон, зимняя спячка (животных), летаргия» [12], которое Стендер-Петерсен выбрал вместо более нейтрального *søvn* – «состояние, когда человек спит, то есть находится в состоянии более или менее

глубокого покоя, с закрытыми глазами, и не имеет представления о себе и окружающем мире» [12]. Третья и четвертая строки «Чтоб в груди дремали жизни силы,/ Чтоб дыша вздымалась тихо грудь» переданы, как *så mit hede bryst sig kunde svale,/ så mit hjaerte stille kunde slå* – «Чтобы моя пылкая грудь могла остыть,/ Чтобы мое сердце могло биться тихо». Как кажется, Стендер-Петерсен воспринимал Лермонтова как поэта-романтика и, возможно, сам того не желая, в переводе усилил романтический элемент (*hede bryst* – «пылкая грудь»; *sig ... svale* – «остыть»).

Перевод последней строфы лермонтовского стихотворения можно признать в достаточной мере адекватным. Единственным словом, которое по смыслу не вписывается в общий контекст, оказывается прилагательное *nænsom* – «нежный и внимательный (в отношении души и поступков); осторожный, бережный (в движениях, в обращении)» [12]. Прилагательное *nænsom* выбрано для перевода прилагательного «сладкий» оригинала, описывающего сферу восприятия, в частности слухового. Прилагательное «сладкий» имеет переносное значение «приятный, доставляющий удовольствие, радующий, нежный, ласкающий», например: «Сладкие звуки арфы», «Сладкий зов», «Сладкая мелодия» [5;7]. *Nænsom* относится совершенно к другой сфере – к сфере действия.

При недостаточном, как кажется, понимании смысла стихотворения, которое привело к искажению смысла перевода, метрика стихотворения сохранена, его звуковая оболочка воссоздана адекватно. Стихотворение легко поется на мелодию, сочиненную к русскому тексту певицей и композитором Е.С.Шашиной (1805-1903) [10]. Вряд ли стоит утверждать, что Стендер-Петерсен стремился добиться формального сходства оригинала и перевода, считая передачу смысла второстепенной задачей. Скорее, подобное истолкование стихотворения объясняется принадлежностью переводчика к иной культуре. Интересно, что есть свидетельство того, как скандинавы, в частности норвежцы, воспринимали поэзию Лермонтова. В воспоминаниях писателя и литературоведа Н.П.Анциферова рассказывается о его встрече с норвежской писательницей госпожой Анкер и ее сестрой: «Сестры попросили нас почитать русские стихи. Я прочел “Ангела”. Слушали очень внимательно, а Аста все время движением руки подчеркивала ритм: “Как это замечательно, какой музыкальный язык. Кто этот поэт?” Я рассказал, и Аста написала в маленькой книжечке: “Лермонтов”» [1]. Как видно из приведенного отрывка, даже не понимая русского языка, слушательницы в первую очередь обратили внимание на «ритм» и «музыкальность» лермонтовского текста.

Внимательное чтение перевода стихотворения «Выхожу один я на дорогу...» на датский язык и сравнение его с оригиналом показывает, что перевод Стендер-Петерсена удачен в отношении формы, но смысл стихотворения искажен. Причинами искажения смысла могут быть и недостаточно хорошее знание языка оригинала, и принадлежность переводчика к иной культуре, и желание адекватно передать метрику и звукопись поэтического текста.

Список литературы

1. Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания// <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?num=1976&t=book>

2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка [эл.ресурс]// <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal.htm>
3. Лермонтов М.Ю. «Выхожу один я на дорогу...» //feb-web.ru/feb/lermont/texts/lerm06/vol02/le2-208-.htm
4. Лермонтов М.Ю. «Выхожу один я на дорогу...». Примечания //http://feb-web.ru/feb/lermont/texts/lerm06/vol02/le2-208-.htm
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь Ожегова, 1949-1992. [эл.ресурс]// <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova>
6. Пушкин А.С. «Пора, мой друг, пора...»//feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push10/v03/d03-2582.htm
7. Ушаков Д.Н. Толковый словарь Ушакова. 1935-1940 [эл.ресурс]// <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov>
8. Федосеенко Н. Г. Локус пустыни в русской литературе начала XIX века// Известия Российского государственного педагогического университета им.А.И.Герцена. Выпуск № 104 / 2009. сс.135-145 [эл.ресурс]. <http://cyberleninka.ru/article/n/lokus-pustyni-v-russkoy-literature-nachala-xix-veka>
9. Шарыпкин Д.М. Русская литература в скандинавских странах. Л., 1975. – 218 с.
10. Шашина Е.С.//feb-web.ru/feben/lermenc/lre-abc/lre/lre-6202.htm
11. Adolf Stender-Petersen
[//www.denstoredanske.dk/Kunst_og_kultur/Litteratur/Dansk_litteratur/Kritikere/Adolf_Stender-Petersen](http://www.denstoredanske.dk/Kunst_og_kultur/Litteratur/Dansk_litteratur/Kritikere/Adolf_Stender-Petersen)
12. Den Danske Ordbog. Moderne Danske Sprog //ordnet.dk/ddo
13. Russisk Poesi fra Igor-Kvadet til Jevtusjenko i Nordisk Gjendigtning i Utvalg ved Olav Rytter. Oslo, 1960.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ РАДОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ И. ПИВОВАРОВОЙ)

Никифорова Е.Н.

студентка филологич. факультета, направл. «Русский язык и литература»,
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
Россия, г. Саранск

Кабанова С.А.

доцент по кафедре русского языка, канд. филологич. наук, доцент,
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
Россия, г. Саранск

В статье рассматривается эмоциональное состояние радости в аспекте психологического и лингвистического истолкования. Основной предмет исследования – способы изображения данного эмоционального состояния в русском языке и симптомы его проявления. Изучение данного концепта представляет несомненный интерес, поскольку рассматриваемая эмоция – одно из сильнейших средств стимулирования определённого рода субъектных действий.

Ключевые слова: радость, эмоция, субъект состояния, индивид, моментно испытываемая эмоция, эмоциональное состояние, чувство, психология, физиологические изменения, вербальные / невербальные действия, концепт.

Предлагаемое исследование является попыткой описать эмоциональное состояние радости и средства его выражения в русском языке. Тема представляется интересной, поскольку «...концепт "Радость" остаётся плохо описанным в русской и мировой культуре, да и вообще, радость, по справедливому словам Г. Честертона, – "неуловимая материя"» [8]: радость – одно из сильнейших эмоциональных состояний человека, способное влиять как на его психологию, так и на физиологию, а в конечном результате и на дальнейшее поведение и действия человека как по отношению к другим, так и по отношению к себе. Иллюстративный материал данного исследования извлечён из прозы русской детской писательницы И.М. Пивоваровой, теоретическую базу составляют труды по психологии и лингвистике.

В толковых словарях русского языка понятие «радость» трактуется по-разному: так, в ТСРЯ данное понятие рассматривается как «1. Весёлое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения. 2. То, что (тот, кто) вызывает такое чувство. 3. Радостное, счастливое событие, обстоятельство» [4, с. 640]; в словаре В.В. Лопатина понятие *радость* рассматривается как «1. Чувство большого удовольствия, удовлетворения. 2. О ком-чём-н., кто-что вызывает такое чувство» [3], – таким образом, не разграничиваются понятия «моментно испытываемая эмоция = эмоциональное состояние» и «чувство». Аналогичную картину наблюдаем и в психологии: так, понятие *радость* трактуется как: «наслаждение, внутреннее чувство удовольствия вследствие желанного случая» [2, с. 287]; «ощущение внутреннего комфорта, удовольствия бытия, возникшее в ответ на осознание... гармонии меня со средой, "заботы" кого-то обо мне... и сопровождающееся моей готовностью проявить такую же заботу в отношении к другому...» [8].

Эмоция радости не связана с качеством жизни индивида; она представляет собой реакцию на различные, даже очень незначительные события и проявляется каждодневно. Причины появления данной эмоции многообразны – даже неприятности одного человека могут доставить радость другому (злорадство). Так, например, в рассказе «Превращение фарфоровой свинки» Люся Синицына радуется тому, что смогла обманном путём "слепить" фигурку для конкурса намного лучше, чем подруга: *Моя свинка стояла вся зелёнькая. Зелёный хвостик, зелёный пяточок... Она хитро глядела на меня своими зелёными глазками.*

Люська воззрившись на свинью и, кажется, лишилась дара речи. Минут 5 она простояла как столб, потом, ничего не говоря, принялась заворачивать своего пионера.

Ура!!! Первое место моё! [6, с. 154].

Как показывает проанализированный материал, данная эмоция возникает как:

1) реакция на усилия близкого человека сделать приятное говорящему:

– *Милые мои! Вот это сюрприз! Да я совершенно уверена была, что вы всё пере забудете! Ах вы мои кисоньки! Ах вы мои заиньки!*

– *Мама, ты так обрадовалась, как будто мы тебе крокодила из Африки привезли! Или баобаб на окне посадили. Подумаешь, что тут*

такого – **пол вымыли?** [5];

2) реакция на неожиданную встречу близкого человека:

И Катя, увидев Манечку, ужасно обрадовалась и закричала: "Ой, Маня, это ты?!"

И Маня увидела Катю и тоже обрадовалась: "Ой, Катя, это ты?!"

И они кинулись друг к другу [5];

3) реакция переживания за кого-то:

Дверь мне открыла женщина с утюгом.

– Ты к кому, девочка?

– К Селиверстову.

– А-а, к Юрочке? Вот хорошо! – обрадовалась женщина. – А то он всё один да один [6, с. 31];

4) реакция на похвалу:

– Коль, а мне кем стать?

– Артисткой. Ты поёшь здорово.

– Правда, Коль?! Честное слово, я хорошо пою?

– Мне нравится. Вот ты вчера во дворе пела «Как провозжают парходы», а я сидел дома и слушал. Я даже радио выключил [6, с. 69];

5) реакция на успешное достижение цели:

Ура! Их пропустили! Всё складывалось как нельзя лучше.

От радости Манечка забыла про пуговицу, Катя – про свалившуюся туфлю, и они так рванулись вперёд, что Катина туфля подскочила в воздух метра на два, перевернулась в воздухе и упала прямо в клумбу с жёлтыми цветами [5];

б) реакция на предполагаемый объект, часто наивная радость ребёнка:

– Угадай, – сказала Катя. – Кто у бабушки живёт – такой добрый, в мягеньких тапочках, с большими-большими усами?

– Дедушка! – обрадовалась Манечка.

– Вот и нет! Киса! [5].

К.Изард отмечает частое внутреннее переживание субъектом радостных эмоций без возможности их физического выражения: такое состояние радости можно условно назвать *внутренним ликованием/ тихой радостью* [1]; возможность подобного поведения, не сопровождаемого *выплеском эмоции*, может быть продиктована собственной установкой субъекта, а не сторонним влиянием: *«Ура!» – захотелось крикнуть Ане, но она не крикнула. Ведь она была староста класса и круглая отличница и не какая-нибудь там первоклассница, а как-никак училась в пятом классе. А это вам не шутки!* [7].

Средства передачи эмоций в языке варьируются от прямой номинации до непосредственного выражения путём использования междометий, соответствующей лексики, включая инвективную, а также описания «языка тела» и поведенческих особенностей индивида [9, с. 22]. Как свидетельствует наш материал, И.Пивоварова для обозначения данного *моментно испытываемого* эмоционального состояния использует глаголы *радоваться* и *обрадоваться*, а также предложно-падежную форму *от радости*; степень

проявления эмоции выражается наречиями *хорошо, здорово, лучше, ужасно*.

Симптомы проявления радости могут быть представлены как физиологическими изменениями, так и конкретными действиями, причём не всегда понятными для наблюдателя: так, об испытываемом эмоциональном состоянии могут свидетельствовать:

1) **дрожь в руках**: *Я целую неделю ждала ответа. Я всё думала: а вдруг она мне не напишет! Вдруг она больше никогда не захочет со мной дружить!.. И когда от Люськи наконец пришло письмо, я так обрадовалась, что у меня даже руки немножечко дрожали* [6, с. 15];

2) **учащённое сердцебиение**: (девочка получает письмо от мальчика с предложением дружбы. Далее представлено состояние девочки непосредственно после прочтения послания. – Е.Н.): *Аня с трудом перевела дух. Сердце её колотилось так, что готово было, как говорится, выпрыгнуть из груди* [7];

3) **ощущение внутренней теплоты**: *Вдруг меня в спину толкнули. Я обернулась. Мне в руку сунули записку <...>*

В меня сразу будто что-то тёплое налили. Я так обрадовалась, что даже засмеялась [6, с. 58].

Пожалуй, самым ярким проявлением испытываемой эмоции являются стимулируемые ею действия, прежде всего **вербальные**: ярко интонационно оформленные эмоциональные восклицания (обычно междометия *ох, ура*, выступающие как самостоятельно, так и в составе отдельного предложения-высказывания), **возгласы**, разнородная **эмотивная лексика**, в том числе слова с уменьшительно-ласкательным значением и эпитеты, характеризующие эмоциональное отношение, а также **смех** как звуковое проявление радости:

1. *Не прошло и пяти минут, как вдруг кто-то позвонил в дверь.*

– **Новый год!** – закричала Катя.

– **Ура!** – закричала Маня. – **Пришёл! Пришёл! Ура!** [5];

2. *Люська вошла в комнату. Уран (собака. – Е.Н.) вбежал за ней и стал прыгать рядом, хотел лизнуть её в лицо. Люська отворачивалась и смеялась* [6, с. 76];

3. *Какое счастье! Мне привезли из Германии белую фарфоровую свинку! Кругленькую, с розовым пятчком, с розовыми ушками. В жизни не видала такой красивой свинки! Глазки голубые, сама улыбается, а по всей спине скачут синие цветочки.*

Ура!!!

Я обеими руками схватила свинку. Прижала её к груди, понесла в комнату и там поцеловала в холодные цветочки. Она вся улыбалась – и пятчок, и ушки, и цветы на спине. Милая моя свинка! Дорогая! Любимая! [6, с. 147].

К числу **невербальных действий** относятся телодвижения, перемещения, жестикауляция и под:

– <...> *И вообще приятно съездить на Птичий рынок! Давненько я там не бывал!*

– *И мы! И мы! И мы давненько не бывали!* – закричали Катя с Манечкой, **вскочили и захлопали в ладоши**. – *Поедем, поедем на Птичий рынок! Мы там вообще никогда не бывали!* [5].

Состояние радостного возбуждения стимулирует совершение субъектом неожиданных, непредсказуемых действий, представляющих собой выплеск энергии; обычно они вызывают удивление или лёгкое снисходительное недоумение окружающих: «в состоянии радостного экстаза человек ощущает необыкновенную лёгкость, энергичность, ему хочется летать, и он порой действительно ощущает себя воспарившим, и тогда всё приобретает для него иную перспективу, иное значение, иной смысл» [1]:

– *Чудеса в решете! В таком случае, за хорошее поведение я решила сделать вам сюрприз: сейчас мы вместе с вами пойдём в гости к тёте Лене. Она испекла пирог.*

– *Ура!* – закричали Катя с Манечкой. **И от радости Катя изо всех сил шлёпнула Маню ладонью по животу**, в ответ Манечка обеими руками **пихнула Катю в спину**, отчего та споткнулась и растянулась на асфальте [5].

Таким образом, рассмотренный материал показывает, что эмоциональное состояние радости является неожиданным, непредсказуемым и, в большинстве случаев, ярко переживаемым. Её возникновение является спонтанным, возникающим в момент достижения субъектом некоей цели или важного результата [1]. Данное состояние характеризуется, прежде всего, речевыми проявлениями, разнородными действиями, призванными заставить партнёра сопереживать говорящему, и физиологическими проявлениями.

Список литературы

1. Изард К.Э. Психология эмоций / Перев. с англ. – СПб: Издательство «Питер», 1999. – 464 с. URL: <https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fifl.vvsu.ru%2Ffiles%2F22AA08BB-E164-4F8A-9A35-983830A9E769.doc&name=22AA08BB-E164-4F8A-9A35-983830A9E769.doc&lang=ru&c=563dfbec87b8> (дата обращения: 4.11.2015).
2. Летагова Т.В. Тысяча состояний души: краткий психолого-филологический словарь/ Т.В. Летагова, Н.Н. Романова, А.В. Филиппов. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 424 с.
3. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. – М.: Эксмо, 2008. – 928 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 стр.
5. Пивоварова И.М. Однажды Катя с Манечкой. Рассказы и маленькие повести. М., «Дет.лит.», 1986. URL: http://royallib.com/book/pivovarova_irina/odnagdi_katya_s_manechkoj.html (дата обращения: 13.11.2015).
6. Пивоварова И.М. О чём думает моя голова: Рассказы и повести / И. Пивоварова. – М.: Дет.лит., 2015. – 203 с.
7. Пивоварова И.М. Тройка с минусом, или Происшествие в 5 «А». Повесть. – М., «Дет.лит.», 1977. URL : <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=4678113> (дата обращения: 14.11.2015).
8. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с. URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=4181868> (дата обращения: 4.11.2015).

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ВОЕННЫХ ТЕРМИНОВ С ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА ТЕКСТА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Прах Д.А.

магистрант, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, г. Белгород

В статье рассматривается ряд проблем перевода военных терминов с иностранного языка на примере перевода текста романа Л.-Г. Буххайма "Подлодка" с немецкого на английский и русский языки. Предлагается оптимальный подход к решению проблем подобного рода.

Ключевые слова: проблемы перевода, военные термины, переводческие решения.

В данной статье мы рассмотрим специфику и способы перевода военных терминов на примере перевода художественного произведения. Для примера мы взяли роман Л.-Г. Буххайма «Подлодка», вышедший в свет в 1973 году, а также его перевод на английский (пер. Д. и Х. Линдли) и русский языки (пер. В.И. Горланов). Рассмотрим то, как переводчики подошли к проблеме перевода военной и военно-технической терминологии на нескольких примерах.

Alle Linien, das hölzerne Oberdeck, das flach und ohne Sprung in einer einzigen langgestreckten Vorwärtsbewegung zum Bug strebt, den Turm mit den sperrig abstarrenden Flakwaffen, das leicht abfallende Heck, die schräg vom Turm nach vorn und achtern geneigten Stahlrossen des Netzabweisers mit den eingeflochtenen grünen Porzellanisolatoren [1; с. 57].

В данном примере нас интересует перевод терминов «*Flakwaffen*» и «*Netzabweiser*». Переводчик на английский язык перевёл немецкие термины практически полностью соответствующими им английскими терминами «*net guards*» и «*anti-aircraft guns*». Далее рассмотрим перевод на русский язык:

Я оглядываю лодку от носа до кормы, как будто хочу запечатлеть ее образ у себя в памяти на всю оставшуюся жизнь: плоский деревянный настил верхней палубы, непрерывно тянущийся до самого носа корабля; боевая рубка, оцетинившаяся приземистыми зенитными пулеметами; плавно понижающаяся корма; стальные тросы сеточного ограждения с вкраплениями фарфоровых изоляторов, тянущиеся от башни и вперед, и назад.

Переводчик на русский язык перевёл «*anti-aircraft guns*» как «зенитные пулемёты». Во-первых, данный вариант перевода весьма неоднозначен даже с чисто лингвистической точки зрения. Слово «*gun*» переводится на русский язык как «орудие, пушка; огнестрельное оружие, ружьё; пистолет, револь-

вер; пулемёт; мушкет» [4; с. 393]. С одной стороны, слово имеет варианты перевода «пулемёт» и «огнестрельное оружие». С другой стороны, в тексте на военную тематику следовало бы ожидать от автора большей точности в терминологии, и если бы имелся в виду пулемёт, то, скорее всего, было бы задействовано слово «*machine-gun*». Во-вторых, поскольку речь идёт о специфическом тексте, то переводчик должен стремиться к большей точности в переводе терминологии, и для этого не обойтись без обращения к дополнительным источникам информации. Так, к примеру, мы можем обратиться к веб-сайту «Немецкие подводные лодки во Второй мировой войне» (www.u-boote.ru). В разделе «Вооружение», подразделе «Зенитная артиллерия» мы узнаём, что на немецкие подводные лодки устанавливались зенитные орудия двух калибров: 20 мм и 37 мм в различных модификациях – с повышенной скорострельностью, спаренные и счетверённые. Согласно принятой в то время во всех армиях мира классификации, 20-миллиметровые зенитные и авиационные орудия считались автоматическими пушками, но никак не пулемётами, хотя и имели много общего с пулемётами (высокая скорострельность, ленточная подача боеприпасов и т.д.). Вместе с тем, боеприпасом для пулемёта являются пули (хотя и различных видов, включая зажигательные, бронебойные и разрывные). А орудия калибра 20 мм стреляют снарядами. Таким образом, словосочетание «*anti-aircraft guns*» следовало перевести как «зенитные орудия» или «зенитные пушки». Здесь следует заметить, что используемый в немецком оригинале термин «*Flakwaffe*» имеет широкий смысл «зенитное вооружение», однако это отражает специфику немецкого военного языка, который в некоторых случаях имеет склонность к такому обобщению. В частности, зачастую для обозначения любых видов зенитного вооружения используется слово «*Flak*», которое, в свою очередь, этимологически является военным сленгизмом, а именно, побуквенным сокращением многокоренного слова «*Flugzeugabwehrkanone*» или «*Fliegerabwehrkanone*» («зенитная пушка»). Однако со временем оно прочно вошло в язык и потеряло свою изначальную принадлежность к категории военного сленга, так же как и «*MG*» – «*Maschinenengewehr*» (пулемёт). К слову, если бы в тексте оригинала шла речь именно о зенитных пулемётах, то с высокой долей вероятности они были бы обозначены как «*Flak-MGs*». Таким образом, некоторая широта значения применяемого в данном случае военного термина обусловлена конкретной спецификой немецкого языка. В то же время для русского языка военной сферы, а особенно, когда речь идёт о художественном произведении, призванном максимально детально передать читателю описываемую картину, более целесообразным было бы использовать вариант перевода, приведённый выше.

Также в рассматриваемом отрывке обращает на себя внимание перевод немецкого термина «*Netzabweiser*». Переводчик на английский использовал при переводе термин «*net guard*», а в русском варианте используется словосочетание «сеточное ограждение». На самом деле «*Netzabweiser*» переводится как «сетеотвод» – стальные тросы, протянутые от боевой рубки к носу и к корме подводной лодки. Они препятствуют запутыванию лодки в про-

тиволодочных сетях, и в некоторых случаях позволяют преодолевать сетевые заграждения путём подныривания под сеть или её прорыва сетепрорезателем. Также они выполняют дополнительную функцию своего рода «поручней», за которые могут держаться моряки, находящиеся на палубе. Представить себе «сеточное ограждение, тянущееся от башни вперёд и назад», достаточно трудно. Налицо очевидное непонимание переводчиком того, о чём идёт речь. При переводе такого рода терминов, используемых в описании внешнего вида или внешних приспособлений различной боевой техники, рекомендуется пользоваться поиском фотографий и изображений описываемой техники, которые могут оказать помощь в выборе подходящего варианта перевода.

Aus den Stahlflaschen zischt die Preßluft in die Tauchzellen, deren Entlüftungen noch während des Tauchens wieder geschlossen wurden [1; с. 129].

Далее приведём переводы на английский и русский языки:

Compressed air hisses out of the steel cylinders into the buoyancy tanks [2; с. 130].

Перевод на русский язык:

Сжатый воздух с шипением врывается из стальных цилиндров в цистерны плавучести [3; с. 132].

Здесь мы видим ещё один пример неточного и неполного перевода на английский язык. Для перевода термина «*Tauchzelle*» переводчик использовал словосочетание «*buoyancy tank*». И переводчик на русский совершенно корректно перевёл это английское словосочетание как «*цистерна плавучести*». Однако немецкий термин «*Tauchzelle*» используется для обозначения балластной цистерны. В отличие от цистерны плавучести, призванной создавать положительную плавучесть судну или какому-либо надводному сооружению, и потому обычно заполняемой воздухом, балластная цистерна, напротив, должна создавать нулевую плавучесть, которая необходима для погружения лодки. При продувке балластной цистерны сжатым воздухом она вновь создаёт положительную плавучесть лодке, которая всплывает на поверхность. Здесь следует отметить, что на это же указывается и в части оригинального предложения, которую переводчик на английский просто опустил – «*deren Entlüftungen noch während des Tauchens wieder geschlossen wurden*». Здесь говорится, что «*её [балластной цистерны] вентиляционные клапаны перед всплытием были снова закрыты*». Поскольку вентиляционные клапаны используются для стравливания воздуха из цистерны при погружении, то перед продувкой балласта они должны закрываться, чтобы создать в верхней части давление, необходимое для вытеснения воды. Таким образом, в немецком оригинале очевидным образом речь идёт именно о балластной цистерне, и термин «*Tauchzelle*» следовало перевести на английский как «*ballast tank*». Некорректно использованный переводчиком термин «*buoyancy tank*» по-немецки звучит как «*Auftriebszelle*».

Рассмотренные примеры наглядно демонстрируют то, что для корректного перевода военных и военно-технических терминов необходимо привлечение экстралингвистической информации: информации об устройстве и особенностях функционирования тех или иных видов боевой техники, о при-

менявшихся на ней видах вооружения; графические материалы, которые могут облегчить понимание, о каких внешних деталях или приспособлениях идёт в речь в случае конкретного вида военной техники. Также для понимания смысла и корректного перевода важно опираться на контекст и учитывать весь спектр контекстуальных элементов, из объёма значений того или иного термина указывающих на конкретное.

Список литературы

1. Buchheim, L.-G. Das Boot [Текст] / L.-G. Buchheim. – Ungekürzte Taschenbuchausgabe – München: Piper Verlag GmbH, 1973. – 829 с.
2. Buchheim, L.-G. The boat [Текст] / L.-G. Buchheim. – Translated from the German by Denver and Helen Lindley – New York: Alfred A. Knopf, Inc., 1975. – 350 с.
3. Буххайм, Л.-Г. Подлодка [Текст] / Л.-Г. Буххайм. – М.: Центрполиграф, 2004. – 512 с.
4. Мюллер, В.К. Полный англо-русский русско-английский словарь. 300 000 слов и выражений [Текст] / В.К. Мюллер. – М.: Эксмо, 2013. – 1328 с.

ТРУДНОСТИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Савельев Ю.Н.

старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Липецкий государственный технический университет, Россия, г. Липецк

В статье рассматриваются основные сложности при обучении переводу, с которыми сталкивается преподаватель на занятии по иностранному языку в неязыковом вузе, а также рассматриваются пути преодоления этих сложностей.

Ключевые слова: перевод, профессионально-ориентированные тексты, лексические знания, предпереводческие и переводческие упражнения.

Основной целью обучения иностранному языку в учреждениях высшего образования является научить студента неязыковых специальностей практически применять иностранный язык в будущей профессиональной деятельности. Компетентность современного специалиста включает в себя не только его профессиональные способности, а также переводческие умения и навыки.

По мнению Валеевой Н.Г., перевод представляет собой лишь один из видов опосредованной коммуникации [1, с. 21].

Обучая студентов неязыковых специальностей иностранному языку, мы рассматриваем перевод как вспомогательное средство. Так, например, перевод является средством контроля понимания текста, что позволило включить перевод в экзаменационные задания. Объектом любого перевода является текст в широком понимании этого слова. Другими словами, перевод – это правильная передача смысла целого текста, а не перевод лексических знаний отдельно взятых из контекста слов.

Нельзя не согласиться с мнением Любанец И. И. и Петруниной О. Н. по поводу того, что процесс обучения переводу на неязыковых специальностях связан с преодолением определенных трудностей, которые условно объединены в три группы: различия грамматического уровня языковых систем, различия лексического уровня, различия в культурном фоне носителей языка [3].

Для преодоления выше перечисленных сложностей необходимо продумать организацию учебного процесса. Обучение переводу профессионально-ориентированных текстов оптимально начинать на втором курсе с вводной беседы, когда студенты уже обладают некоторыми навыками и знаниями по языку и по специальности. Освоение профессиональной иноязычной лексики, выработка навыков во всех видах речевой деятельности и, главным образом, навыков чтения и перевода текстов по специальности невозможны без синхронизации и взаимосвязи иностранного языка и дисциплин по профилю обучения [2].

Обучение студентов переводу полезно начинать с ознакомления с техникой перевода: раскрыть сущность и специфику перевода, обратить внимание студентов на отсутствие или наличие различий на лексико-грамматическом уровне в одном из языков, познакомить с различными типами словарей (двухязычные, одноязычные, специальные). Необходимо развивать умение пользоваться словарем как основным справочным источником при переводе. Важно работать над развитием языковой догадки и интуиции, умением по контексту определить, а затем передать содержание незнакомых лексических единиц средствами русского языка.

Формирование необходимых навыков и умений перевода происходит в процессе выполнения специальных упражнений, состоящих как из упражнений на формирование переводческих умений, так и заданий по практическому выполнению перевода определенного объема в указанный отрезок времени. При использовании системы упражнений целесообразно также учитывать и то, что переводческие трудности в упражнениях должны нарастать постепенно и в определенной системе [4, с. 78].

Упражнения подразделяются на предпереводческие и переводческие.

Использование предпереводческих упражнения поможет преподавателю сформировать у обучающихся умения и навыки письменного перевода научно-технической документации и текстов.

Предпереводческие упражнения направленные на создание условий для успешного осуществления переводческого процесса и необходимой коммуникативной установки для проверки наличия у обучающихся языковых и фоновых знаний и решения типовых переводческих задач:

- лексические упражнения на тематическую лексику, включающие в себя термины, названия и т.д., подбор переводческих эквивалентов лексическим единицам по изучаемым темам, различные упражнения на перефразирование высказываний;

- грамматические упражнения, направленные на распознавание указанных грамматических явлений;

- лексико-грамматические упражнения, включающие в себя упражнения по выявлению несоответствий в текстах иностранного языка и перево-

дящего языка, поиск эквивалентов, как на иностранном, так и на русском языке. (Обучающимся предлагается найти в тексте обозначенное грамматическое явление и проанализировать способ перевода).

- упражнения на сопоставление параллельных текстов на исходном и переводимом языке с целью выявления их различий, сопоставление переводов с оригиналам их текстов [5, с. 112].

Таким образом, обучение переводу на неязыковых специальностях направлено на развитие умений и навыков для преодоления трудностей при установлении имеющихся в двух языках соответствий и расхождений лексико-грамматического и стилистического плана.

Список литературы

1. Валеева Н.Г. Теория перевода: культурно-когнитивный и коммуникативно-функциональный аспекты: Монография. – М.: РУДН, 2010. – 245 с.
2. Воропаева В.А., Протасова О.А. Формирование лексических навыков при обучении переводу профессионально-ориентированных текстов в неязыковом // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. I. С. 41-44. ISSN 1997-2911.
3. Любанец И.И., Петрунина О.Н. Обучение переводу научно-технической литературы студентов неязыковых специальностей. <http://www.alba-translating.ru/index.php/ru/ru/articles/2015/lyubanets-i-i-petrunina-o-n.html>.
4. Шатилов, С.Ф. Методика обучению немецкому языку в средней школе. – М.: Просвещение, 1986. – 220 с.
5. Штульман, Э.А. Основы эксперимента в методике обучения иностранным языкам. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1971. – 143 с.

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТАХ

Сергеева А.В.

аспирант кафедры грамматики английского языка,
Московский педагогический государственный университет, Россия, г. Москва

В статье рассматриваются знаковые системы, использующиеся в невербальном компоненте креолизованных текстов. Определена роль изображения и видеоряда в креолизованных текстах. Рассмотрены основные средства пиктографемии, топографемии и пунктуационного варьирования. Изучено воздействие семантики света на восприятие креолизованных текстов. Определяется роль и особенности функционирования знаковых систем, а также рассмотрено их влияние на комплексное восприятие креолизованных текстов.

Ключевые слова: креолизованный текст, невербальные средства, знаковые системы, синграфемия, топографемия.

Последние годы современная лингвистика все больше ориентируется на изучение широкого круга явлений, связанных не только с языком, но и с процессом восприятия и передачи информации. Это, в первую очередь обусловлено спецификой современного общества, где происходит стремительный рост визуальной информации. Для более живого общения современная культура старается использовать все возможности средств массовой комму-

никации. Вербальная коммуникация постепенно сменяется доминированием различных невербальных средств, как средств передачи информации.

В действительности любое речевое сообщение будет содержать невербальные средства. Такие как экстралингвистическая ситуация и невербальные средства устной (мимика, жесты, тембр голоса и др.) и письменной (графика текста) речи. В последнее время ученые обратились к изучению таких текстов.

Для обозначения текстов, сочетающих в себе различные знаковые системы, еще не выработался единый общепринятый термин, однако, широко известным и часто употребляемым считается термин «креолизованные тексты», предложенный отечественными лингвистами Ю.А. Сорокиным и Е.Ф. Тарасовым.

Креолизованные тексты – это тексты, фактура которых состоит из двух и более негетерогенных частей вербальной (языковой, речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык) [5, 180].

Невербальные средства неотделимы от речевых сообщений письменной коммуникации. Ю.Я. Герчук подчеркивает, что при чтении происходит «постоянное вхождение читателя через пространственную реальность текста и графики в книгу в отвлеченную духовную реальность их содержания...» [2, с. 119]. Пространственная организация и графика печатного текста воспринимаются реципиентом до начала прочтения и воздействуют на него при прочтении, даже если об этом не подумал оформитель и не осознает читатель. А. Капр, исследователь шрифтовой графики, пишет: «Чистое чтение, абстрактное переключение букв в рациональное мышление исключено. Любое видение сознательно или неосознанно является восприятием наглядного и поэтому вызывает более или менее сильные эмоции, которые сходятся или расходятся с содержанием книги». Буква вызывает ассоциации. В зависимости от шрифта «буква может быть маленькой или большой, широкой или узкой, стройной и одухотворенной, осанистой, симпатичной, деловой, благородной, отвратительной» [3, с. 87]. Шрифтовое варьирование является не единственным неязыковым средством письменной коммуникации. Определенный воздействующий потенциал имеют пространственное расположение текста на странице, цветовое оформление, и, конечно же, иллюстрация, представляющая собой сложный многокомпонентный феномен.

Изображение играет важную роль в креолизованных текстах и выполняет как универсальные, так и частные функции. Согласно исследованию Е. Е. Анисимовой к универсальным функциям относят: аттрактивную, информативную, экспрессивную, эстетическую функции. Частные функции изображения определяются характером поликодового текста (символическая, иллюстративная, аргументирующая, эвфемистическая, характерологическая, сатирическая функции и функция создания имиджа) [1, с. 69].

Невербальный компонент креолизованных текстов может быть представлен не только изобразительным, но и видеорядом. Видеоклип является наиболее ярким примером креолизованного текста с использованием видео-

ряда. Трехчастная структура видеоклипа включает вербальный, мелодический и иконический компонент. Вербальный компонент, представленный песенной речью, не просто дополняется видеорядом и музыкой, все три компонента представляют собой сложноорганизованное целое, где все элементы зависят друг от друга, и каждый привносит дополнительный оттенок к значению этого целого. Использование видеоряда помогает полностью завладеть вниманием адресата и добавляет зрительный план восприятия, обогащая смысловое содержание песни [4, с. 10].

К другим видами паралингвистически активных средств креолизованного текста относят цвет, шрифт, различные виды линеек, стрелки, математические знаки, пропуски в тексте, различные способы расположения строчек.

Цвет является одним из важнейших элементов в креолизованном тексте. В креолизованных текстах широко используется семантика цвета, как возможность определенного воздействия на адресата. Также необходимо отметить, что восприятие цвета отличается в различных странах, поэтому, используя воздействующий потенциал цветовой палитры, необходимо учитывать национальные особенности аудитории.

Шрифтовое варьирование также выполняет важные функции в креолизованном тексте: привлекает внимание адресата (аттрактивная функция) выделяет смысл вербального компонента (смысловыделительная функция), может влиять на эмоциональное восприятие текста (экспрессивная функция), вызывать у адресата различные исторические, политические, социальные ассоциации (характерологическая функция), может выражать абстрактные понятия (символическая функция) [1, с. 75].

Другим видом паралингвистически активных средств является синграфемика. Синграфемика (пунктуационное варьирование) определяется как выразительные возможности знаков препинания и пунктуационных комплексов. В художественных целях часто используются восклицательные и вопросительные знаки для создания атмосферы побуждения, заинтересованности. Использование вопросительного знака создает иллюзию непринужденной беседы, побуждает читателя к диалогу [6].

Топографемика или пространственно-плоскостное варьирование текста также часто используется при реализации индивидуального авторского замысла текста. Основной целью топографемики является акцентирование внимания адресата на отдельных элементах текста. Так, например, расположение текста (объектов) по диагонали создает впечатление отдаления и устремления вдаль. Часто средства топографемики подчеркивают и дополняют вербальный компонент [6].

Относительно новым направлением является пиктографемика, т. е. внедрение изображения в слово и замена одной или нескольких букв. Наиболее часто данный прием используется в рекламных сообщениях и в создании логотипов компаний. Использование пиктограмм позволяет сразу достичь нескольких целей: демонстрация продуктов и услуг без дополнительного описания, отражение качеств или свойств предмета, установление связи с целевой аудиторией (которая может адекватно дешифровать пиктограмму).

Распространенность данного приема обусловлена простотой его восприятия. Также данный прием часто используется в учебных целях для беспереводного объяснения значения слов, фраз [6].

Необходимо отметить, что креолизованные тексты это сложный лингвовизуальный феномен, который стремительно набирает популярность в эпоху широкого распространения визуальных методов воздействия на население. Использование КТ в различных сферах деятельности способствует их дальнейшему многостороннему изучению с позиций различных дисциплин: лингвистики, психологии, семиотики, социологии, политологии и др.

Список литературы

1. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов / Е. Е. Анисимова – М. : Academia, 2003. – 128 с.
2. Герчук, Ю.Я. Художественные миры книги. М. : Книга, 1989. – 249 с.
3. Капр, А. Эстетика искусства шрифта / А. Капр. – М. : Книга, 1979. – 123 с.
4. Пойманова, О. В. Семантическое пространство видеовербального текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Пойманова. – М. 1997. 19 с.
5. Сорокин, Ю. А., Тарасов, Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. – с. 180-181.
6. Щербаков А. В. Паралингвистические явления в текстах рекламных сообщений [Электронный ресурс] / А. В. Щербаков. – Режим доступа : [//kafmr.rggu.ru/index.php?id=555](http://kafmr.rggu.ru/index.php?id=555).

ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТОВ ПРАВДА И ИСТИНА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ПО ДАННЫМ ТЕКСТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

Смирнова Е.Е.

ассистент кафедры преподавания русского языка в других языковых средах,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, г. Нижний Новгород

В статье рассматриваются особенности языковой объективации и смыслового наполнения концептов ПРАВДА и ИСТИНА в языковом сознании носителей русского языка советского и постсоветского периодов. Утверждаются принципиальные различия в смысловом объёме исследуемых концептов, с одной стороны, а с другой – приводятся данные, обеспечивающие (демонстрирующие) обоснованность синонимизации концептов в языковом сознании носителей русского языка разных периодов времени.

Ключевые слова: концепт, языковое сознание, дискурс, дискурсная реализация, концептосфера, смысловое наполнение.

В настоящее время в рамках активизации антропоцентрических стратегий научного поиска отчетливо наблюдается интерес к лингвистическим дисциплинам междисциплинарного типа, изучающим язык в связи с проблемами народного мироощущения и национального характера. В эпицентре этих научных направлений находится изучение концептов как многомерных

лингвокультурных образований. При этом большинством отечественных ученых признается, что концепт является одной из базовых единиц языка национальной культуры, для которой характерно наличие семантического наполнения, смыслового объема и языковой объективации [4], [5], [6], [8].

Концепты ПРАВДА и ИСТИНА, несомненно, являются ключевыми для русской национальной концептосферы, функционируя в ней на протяжении многих столетий. Однако данные концепты, сохраняя свое инвариантное, базовое содержание, со временем изменяют свое концептуальное содержание. Ведь их смысловое наполнение в значительной степени зависит от религиозных, политических, идеологических факторов, которые в разные периоды российской истории подвергались существенным изменениям. Эти изменения прежде всего отражаются в дискурсной реализации слов – репрезентантов концептов.

Термин «дискурс» (от фр. discours, англ. discourse, от лат. discursus «бегание взад-вперед; движение, круговорот; беседа, разговор») несмотря на широкое использование в различных отраслях гуманитарного знания, к настоящему времени не получил однозначного истолкования. Т. А. ван Дейк, указывая на расплывчатость понятия дискурса, замечает, что «зачастую наиболее расплывчатые и с трудом поддающиеся определению понятия становятся наиболее популярными» [1, с. 74]. «Дискурс», также как и «концепт», принадлежат к числу таких понятий.

В самом общем смысле дискурс – это речь, процесс языковой деятельности. Заметим, что в рамках данного исследования мы не ставили себе задачу проследить эволюцию и развитие термина «дискурс», представить существующие на сегодняшний день в науке школы и направления изучения и определения дискурса. В этой связи представляется целесообразным ограничиться определением дискурса, принятого нами в качестве рабочего: дискурс – «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; это речь, «погруженная в жизнь» [2, с. 136].

На сегодняшний день большинство исследователей, научные интересы которых лежат в области изучения концептов, сходятся во мнении, что концепт есть величина динамичная, зависящая от множества факторов. Под воздействием определённых социокультурных условий содержание концепта может меняться, причём базовая его часть остаётся стабильной. Эту детерминированность концептуального содержания отразила Ф.Ф. Фархутдинова, определяя концепт как «инвариантно-вариативное знание определённого социума о каком-либо явлении духовной или материальной культуры, реализующееся через пространство разноуровневых и разнопорядковых знаков» [7, с. 25].

Отношения дискурса и концепта Н.В. Крючкова описывает следующим образом: «Отношения концепта и дискурса носят двунаправленный характер: не только тот или иной тип дискурса объединяет в себе определенные концепты, но и концепты, неся на себе отпечаток того дискурса, к которому они по преимуществу принадлежат, обладают способностью некоторым образом

направлять коммуникацию, порождая вокруг себя определенный дискурс» [3, с. 35].

Анализ дискурса в лингвокогнитивных исследованиях, сопоставление средств лексической репрезентации и смыслового объёма концептов в различных дискурсах, представляющих разные типы сознания, даёт возможность исследователю выявить когнитивные признаки концепта – дифференциальные и интегральные, представить содержание концепта в русском языковом сознании и определить место изучаемого концепта в национальной концептосфере путём установления характера отношений данного концепта к другим абстрактным сущностям.

На этом основании в качестве материала для исследования в данном разделе был избран тип дискурса, наиболее подверженный влиянию экстралингвистических (социальных, политических, религиозных, идеологических и пр.) факторов, а именно – **публицистический дискурс** (в том виде, в каком он представлен в публицистических текстах Национального корпуса русского языка). Публицистику заслуженно называют летописью современности, поскольку она во всей полноте отражает текущую историю, обращена к злободневным проблемам общества – политическим, социальным, бытовым, философским и т.д. В этой связи публицистический дискурс представляется ценным источником языкового материала для исследователей, интерес которых направлен на изучение и описание смыслового объёма концептов национальной концептосферы. Именно публицистика ярко отражает массовое сознание, сознание «среднего» носителя языка (при использовании популярных изданий, предназначенных широкому кругу читателей).

Мы условно считаем точкой отсчета именно для современного понимания этих концептов начало XX в. При этом известно, что отечественная история XX, а теперь уже и XXI в. делится на два периода, которые принято именовать «советский» и «постсоветский». Резонно предположить, что развитие смыслового наполнения концептов ПРАВДА и ИСТИНА существенным образом обусловлено изменением социально-политических, идеологических и культурных ориентиров, связанных с переходом от советского периода к постсоветскому.

Источником языкового материала послужили тексты Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), представленный в глобальной сети Интернет (www.ruscorpora.ru). НКРЯ – это информационно-справочная система, основанная на собрании текстов на русском языке в электронной форме. Тексты сопровождаются определёнными пометами или разметкой.

Анализ языковых данных НКРЯ продемонстрировал, что в языковой объективации концептов ПРАВДА и ИСТИНА существует определенная смысловая корреляция, но вместе с тем имеются и некоторые значимые расхождения.

Базовыми репрезентациями концептов ПРАВДА и ИСТИНА в публицистическом дискурсе советского периода в истории нашей страны являются одноимённые лексемы и их дериваты.

Так же как и при анализе лексикографических источников, фразеологизмов, паремий и народных сказок, в дискурсе советского периода продолжается отчетливая тенденция сближения и даже синонимизации слов – презентантов концептов ПРАВДА и ИСТИНА: *Мы это сделаем, если в обществе, открытом для правды и истины ... История, выраженная в понятиях, образует воспоминание и Голгофу абсолютного Духа, действительность, истину и достоверность его трона, без которого Дух был бы лишен жизни и одинок...*

При этом отметим, что немалое число употреблений лексемы правда (484 случая из 3342 для советского периода и 342 из 4379 для постсоветского периода) приходится на функционирование её в качестве имени собственного – названия газеты. В то время как употребление лексемы истина как имени собственного зафиксировано нами в исследуемых текстах лишь один раз – газета «Истина».

Итак, анализ языковой объективации концепта ПРАВДА по данным текстов НКРЯ выявил следующие когнитивные признаки данного концепта:

КП 1: **‘то, что соответствует действительности, то, что есть на самом деле’**

КП 2: **‘средство воздействия, инструмент, сила’**

КП 3: **‘субъект, принимающий на себя функцию осуществления правды’**

КП 4: **‘цель’**

КП 5: **‘нравственный ориентир, идеал, мечта’**

КП 6: **‘объект поиска’**

КП 7: **‘путь, дорога’**

КП 8: **‘множественность, относительность, изменчивость’**

КП 9: **‘материальность, наблюдаемость’**

КП 10: **‘средство воздействия, инструмент, сила’**

КП 11: **‘то, что вызывает страх’**

КП 12: **‘множественность, относительность’**

КП 13: **‘дискретность’**

КП 14: **‘то, для чего не существует ограничений’**

КП 15: **‘объект эмоционально-чувственной сферы’**

КП 16: **‘игра’**

КП 17: **‘художественно преобразованная действительность’**

КП 18: **‘единственность, абсолютность (религ.)’**

КП 19: **‘преданность, честность’**

КП 20: **‘средство достижения цели любыми путями (Всеми правдами и неправдами)’**

Анализ языковой объективации концепта ИСТИНА по данным текстов НКРЯ выявил следующие когнитивные признаки данного концепта:

КП 1: **‘то, что соответствует действительности, то, что есть на самом деле’**

КП 2: **‘правило, утверждение, закономерность’**

КП 3: **‘цель’**

- КП 4: 'нравственный ориентир, идеал, мечта'
- КП 5: 'объект поиска'
- КП 6: 'множественность, относительность, изменчивость'
- КП 7: 'единственность, абсолютность'
- КП 8: 'объективность'
- КП 9: 'дискретность'
- КП 10: 'средство воздействия, инструмент, сила'
- КП 11: 'огонь, пламя (метаф.)'
- КП 12: 'божественность, вечность (религ.)'
- КП 13: 'непознаваемость'
- КП 14: 'логичность, рациональность'
- КП 15: 'научность'
- КП 16: 'спорность, дискуссионность'

Необходимо отметить, что количество КП для концепта ПРАВДА значительно превышает количество КП для концепта ИСТИНА, что свидетельствует о большей концептуальной разработанности и значимости концепта ПРАВДА в национальной русской концептосфере.

Указанные когнитивные признаки свидетельствуют как о значительном наложении смысловых объемов исследуемых концептов, так и об их определенной дифференцированности.

Также заметим, что в ядерных значениях смысловый объем концептов ПРАВДА и ИСТИНА совпадает – девять КП: 'то, что соответствует действительности, то, что есть на самом деле'; 'цель'; нравственный ориентир, идеал, мечта'; 'объект поиска': 'множественность, относительность, изменчивость'; 'единственность, абсолютность'; 'средство воздействия, инструмент, сила'; 'дискретность'. Это и позволяет этим концептам в течение долгого времени осмысляться в качестве стабильных дублетов, зачастую подлежащих синонимизации и другим видам ассоциативного сближения (сочетания *истинная правда, правда-истина, правда и истина* и пр.).

Однако можно отметить и существенные концептуальные расхождения. Проведенный анализ языковой объективации концепта ПРАВДА показал, что для него характерно более очеловеченное представление – ПРАВДА мыслится как одушевленный субъект ('субъект, принимающий на себя функцию осуществления правды'), представление о «правильной» жизни в мире людей ('законность'), о нравственных нормах и «правильных» качествах человека ('верность, преданность'). На этом фоне возможно и игровое, креативное, творческое представление о ПРАВДЕ ('игра', 'художественно преобразованная действительность'), а также негативно-оценочная семантика ('то, что вызывает страх', 'средство достижения цели любыми путями'). Также ПРАВДА и ИСТИНА противопоставлены по когнитивным признакам 'субъективность' (для ПРАВДЫ) и 'объективность' (для ИСТИНЫ).

В свою очередь, концепт ИСТИНА тяготеет к объективному представлению того, что соответствует действительности, т.е. к объективным законам мироздания ('правило, утверждение, закономерность'), к независимо от человека и вне человека существующему высшему порядку (в мире природы

или в Божественном мире). Поэтому концепт ИСТИНА реализует, с одной стороны, когнитивные признаки, связанные с рациональным, логическим, научным типом познания ('логичность, рациональность', 'научность', 'спорность, дискуссионность'), а с другой стороны – когнитивные признаки, соотносимые с Божественной сферой ('Божественность, вечность'). С этим связан и акцент на невозможность познать ИСТИНУ ('непознаваемость'). Напротив, исключительная действенность ИСТИНЫ в мире человека, ее мощное воздействие на людей, ее познавших или ее ищущих, метафоризируется через огонь ('огонь, пламя').

Список литературы

1. Van Dijk T. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998. 224 p.
2. Аругюнова Н.Д. Дискурс: Словарная статья // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137.
3. Крючкова Н.В. Концепт – референция – коммуникация. Саратов: «ИП Баженков», 2009. 391 с.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2006, 2007. 250 с.
5. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.
6. Ручина Л.И. Ассоциативный эксперимент как инструмент выявления когнитивных признаков концепта // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 5-3. С. 102-106.
7. Фахрутдинова Ф.Ф. Взглянуть на мир сквозь призму слова... Опыт лингвокультурологического анализа русскости. Иваново: Изд-во «Ивановский государственный университет», 2000. 204 с.
8. Фрумкина Р.М. Концепт, категория, прототип // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: Сборник обзоров. № 4. М., ИНИОН РАН, 1992. С. 2-7.

НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ МЕСТА СЛОВ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ульбиева Я.С.

аспирант по направлению подготовки 45.06.01. – «Языкознание и литературоведение», Чеченский государственный университет, Россия, г. Грозный

В статье рассматривается краткая история возникновения и изучения слов категории состояния, а также различные точки зрения ученых языковедов на вопрос частеречной принадлежности этих слов. Особый интерес вызывает спорность данного вопроса и отсутствие единой точкой зрения с учетом сравнительной давности возникновения слов категории состояния в русском языке.

Ключевые слова: слова категории состояния, категория состояния, безличные предикативы, предикативы, части речи.

Актуальность темы статьи заключается в незавершенности исследований слов категории состояния, спорности данного вопроса на сегодняшний

день и необходимости изучения этих слов с целью выявления самостоятельности в качестве частей речи.

Целью данной статьи является освещение проблематики слов категории состояния, выделения их в системе частей речи русского языка, а также изучение различных взглядов на этот вопрос российских ученых лингвистов.

Практически все исследователи-лингвисты едины во мнении, что части речи в современном русском языке представляет собой четкую систему, где каждому слову отведена собственная ниша, и определены все его качественные характеристики и показатели. Однако, уже на протяжении полувека должного внимания не получает проблема слов категории состояния. Несмотря на малоизученность этих слов, они, в свою очередь, имеют свойство постоянно увеличиваться в количественном соотношении. Русский язык живет, развивается, и очевидно, что со временем появляются слова, которые сложно идентифицировать и отнести к какой-либо части речи или категории. В современном русском языке эти слова получили название слов «категории состояния», которые говорят сами за себя – они отражают состояние предмета (живых существ, природы, окружающей среды) и отвечают на вопрос *как? каково?* скучно, страшно, мертво, чудесно, солнечно, грустно, недосуг, прохладно, досадно и т.д.

Далеко не все лингвисты признают слова категории состояния как отдельную часть речи, более того, ученые, признающие право на существование этой части речи, по-разному определяют ее состав и грамматические свойства слов, ее образующих. Некоторые ученые, к примеру, Е.М. Галкина-Федорук, Н.С. Поспелов, В.В. Виноградов, относят ее к самостоятельной части речи, в то время как другие – А.Б. Шапиро, Фр. Травничек – утверждают, что категорию состояния нельзя выделять в особую часть речи и ставить ее наряду с традиционно установившимися частями речи. О неоднозначности положения данного класса слов ярко свидетельствует отсутствие единого определения: слова категории состояния, категория состояния, предикативные наречия, безлично-предикативные слова и т.д. [3, с. 81].

Слова категории состояния представляют собой самостоятельную часть речи, функционирующую уже на ранних этапах развития древнерусского языка. Очевидно, что, как и любая часть речи, в процессе исторического развития эти слова претерпевают изменения фонетического, лексического и семантического характера. Основным период становления в качестве части речи приходится на XVII в., когда в языке был активным процесс отражения лексическими средствами различного рода состояния.

Уже в XVIII в. на слова «жаль», «нельзя» обратил внимание А.А. Барсов, который отнес их к безличным глаголам. Начиная с первой половины XIX века, ученые так или иначе начинают выделять ряд слов, отражающих в равной степени свойства как имени существительного, так и глагола. На слова *жаль, лень, стыдно, нельзя* обращали внимание еще лингвисты Н. Кошанский, А. Востоков, Ф. Буслаев, которые отмечали, что подобные слова обладают особым лексическим значением и специфическими синтаксическими свойствами, которые не позволяют их отнести ни к существительным, ни к

прилагательным, ни наречиям, рассматривая их в кругу безличных глаголов. Ну, а на особый синтаксический и морфологический статус подобных слов указывали А.А. Шахматов и А.М. Пешковский.

В начале XIX века А.Х. Востоков слова типа *можно, должно, жаль, льзя, лень* обозначил как безличные глаголы и окончательно изъял их из состава прилагательных, существительных и наречий, как было принято в традиционной грамматике [5, с. 152].

Развернутую характеристику всех классов слов дал в «Синтаксисе русского языка» (1941) А. А. Шахматов, по мнению которого все части речи проявляют себя лишь в синтаксисе. Ученый разделял слова знаменательные (существительные, прилагательные, глагол, наречие), незнаменательные (местоимения, числительные, местоименные наречия), служебные слова (предлоги, союзы, частицы, связки, префиксы), междометия. В системе частей речи А. А. Шахматова весьма расширены границы наречий: сюда включены модальные слова, слова категории состояния и даже отдельные междометия.

Существенный вклад в исследование частей речи современного русского языка внес В.В. Виноградов. Ученый выступал за комплексный подход в распределении слов к частям речи, ведь в вопросе классификации важны все критерии анализа слов. «Классификация слов должна быть конструктивной. Она не может игнорировать ни одной стороны в структуре слова. Но, конечно, критерии лексические и грамматические... должны играть решающую роль. В грамматической структуре слов морфологические своеобразия сочетаются с синтаксическими в органическое единство. Морфологические формы – это отстоявшиеся синтаксические формы. Нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике» [1, с. 36].

В качестве основных грамматических признаков этого разряда слов принимались употребление их или исключительно, или преимущественно в функции сказуемого, их неизменяемость по падежам – при приближенности их к именам прилагательным и существительным – и значение времени, неотрывное от их грамматических форм. Отличаются от наречий эти слова наличием характерных «номинативов» – иногда с формами рода, подобно прошедшему времени глагола, значением времени, отношением к лицу или оттенками безличности, а главное, тем, что эти слова не обозначали признака качества и действия. В отдельных группах этих слов наблюдалось очевидное сходство с краткими формами имен прилагательных.

В. В. Виноградов выделяет 4 основные «грамматико-семантические категории слов»: 1) слова-названия (имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, глагол, наречие, 1 категория состояния). К ним примыкают местоимения. Слова этой группы – «главный лексический и грамматический фонд речи». Они выступают в качестве членов предложения и могут составлять предложение; 2) связочные, т. е. служебные, слова (частицы-связки, предлоги, союзы). Они лишены номинативной функции, «их лексические значения тождественны грамматическим»; 3) модальные слова. Они также лишены номинативной функции, «не выражают связей и отношений между

членами предложения», а обозначают «модальность сообщения о действительности»; 4) междометия [2, с. 73].

В книге В. В. Виноградова впервые включены в систему частей речи и обстоятельно охарактеризованы как самостоятельные лексико-грамматические разряды слов категория состояния и модальные слова.

Теория частей речи В. В. Виноградова получила широкое распространение в научных грамматиках, вузовских курсах русского языка. Сторонники этой теории постепенно совершенствуют и развивают ее, привлекая новые данные и внося необходимые уточнения.

Формирование категории состояния – сложный процесс взаимодействия всей структуры русского языка во всем многообразии ее грамматических и лексических сторон. Связь между словами категории состояния и частями речи, ставшими для них производными неразрывна – изменение последних влечет за собой немедленное изменение первых. К примеру, утрата каким-либо словом возможности образовывать новые формы или сочетания приводит к выпадению из словарного состава слов категории состояния производящих образований. Эта неразрывная связь указанных слов с другими частями речи позволяет судить о категории состояния как о живой грамматической категории, имеющей глубокую связь со всей системой русского языка в целом [4, с.37].

Чаще всего слова категории состояния, по формальному признаку неизменяемости, приписывают к наречиям, что, надо отметить, не вызывает затруднений в употреблении вместе с глаголом связкой при условии выступления в качестве сказуемых безличного предложения. Однако при детальном рассмотрении выясняется, что данные слова не относятся ни к наречиям, ни глаголам, ни прилагательным, или другим наречиям. Не стоит забывать и о словах как *холодно, светло, весело*, и т. д., которые также относятся к этим категориям слов. Например: *на дворе становилось холодно; в комнате было светло; нам было очень весело* и т. п. Указанные слова также не могут считаться наречиями, так как они имеют отношение к глаголам или прилагательным, в данном случае мы имеем дело со связками. Они также не относятся к прилагательным среднего рода единственного числа, так как прилагательные относятся к существительным, о наличии которых в данном предложении можно твердо заявить отрицательно.

Список литературы

1. Шапиро А.Б. Есть ли в русском языке категории состояния как части речи? – «Вопросы языкознания», 1955, №2 – 153 с.
2. Виноградов В.В. Категория состояния // Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 2001. – 719 с.
3. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке, сб. «Русская речь». – Л: Новая серия, 1928. – 328 с.
4. Розенталь Д.Э., И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. Современный русский язык. – М.: Айрис пресс, 2009. – 340 с.
5. Поспелов Н. С. В защиту категории состояния // Вопросы языкознания. – 1955. – № 2. – 153 с.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПОТЕНЦИИ ГЛАГОЛОВ ДЕСТРУКТИВНОЙ СЕМАНТИКИ

Фаткуллина Ф.Г.

заведующая кафедрой русской и сопоставительной филологии,
д-р филол. наук, профессор, Башкирский государственный университета,
Россия, г. Уфа

Саяхова Дилара К.

студентка факультета романо-германской филологии,
Башкирский государственный университета, Россия, г. Уфа

Саяхова Динара К.

студентка факультета башкирской филологии и журналистики,
Башкирский государственный университета, Россия, г. Уфа

В статье рассматриваются особенности глагольного словообразования, подтверждающие гипотезу о том, что объективность существования семантических признаков, выделенных путем анализа семантической структуры глаголов, их парадигматических отношений и синтагматических связей, подтверждается эпидигматическими отношениями этих глаголов. Особое внимание уделяется префиксальному способу словообразования, в котором отражается результативное значение.

Ключевые слова: глагол, приставка, словообразование, полисемия, деструктивные глаголы, семантика, результатив.

В системе глагольного словообразования приставочный способ занимает центральное место, что объясняется особенностями грамматического строя глагола, «в котором префиксы играют большую роль, чем суффиксы» [1, с. 339], богатством и разнообразием этого способа словообразования в русском языке, а также неоднозначной ролью приставок в системе русского глагола. Центральное положение приставочного словообразования здесь поддерживается также процентным соотношением приставочных и бесприставочных глаголов: по мнению А. Н. Тихонова, 90% всех глаголов русского языка – приставочные [5, 52].

При глаголах «деструктивной семантики наиболее употребительна приставка *раз-* /*рас-*» [3, с.161], которая берет на себя результативное значение: *разодрать*, *разрубить*, *расколоть*, и также имеет сему «деление одного предмета на несколько частей» [Там же, с.179]. Она реализуется в сочетании приставки с глаголами разрушения, обработки и др.

Разорвать (письмо), *разгрызть (редиску)*, *размолоть (кофе)*, *расколоть (полено)*, *разрезать (яблоко)*. Разделение предмета на части во многих случаях ведет к его уничтожению, представляет собой способ его ликвидации: *разбить (стакан)*, *разломать (стул)*, *растерзать (зайца)*, *расплавить (свинец)*, *раздавить (муху)* и под.

Необходимо отметить, «ядерные деструктивные глаголы в большинстве своем полисемичны. Благодаря этому они служат основой для образования многочисленных однокоренных, главным образом приставочных глаго-

лов, в которых видоизменяется то или иное значение этих глаголов» [2, с. 123]. Многие производные глаголы сохраняют многозначность производящей единицы, а иногда и расширяют ее за счет многозначности приставки (ср.: *бить* – *набить*, *отбить*, *разбить*, *сбить*; *есть* – *переесть*, *поесть*, *съесть* и т.д.). Но, как правило, число значений приставочного глагола не превышает числа самостоятельных значений производящего.

Рассматривая семантику производящего глагола и его производных, можно увидеть интересную закономерность: глагольные приставки усиливают один или несколько признаков структуры значения непроемной основы. Если приставка многозначна, то она присоединяется к глаголу в таком своем значении, которое повторяет тот или иной семантический признак основы или входит в одну семантическую область вместе с ним. Отсюда становится понятен тот факт, что слова одной части речи, близкие по значению, нередко имеют одинаковые словообразовательные возможности. Применительно к глаголу на этом строится теория способов глагольного действия, которые определяют то как «семантические группировки», то как «словообразовательные типы» [5].

В связи с тем, что в теории способов глагольного действия взаимосвязи между семантикой и эпидигматикой глагола уже обобщены [2, с.207], рассмотрим в опоре на эту теорию взаимозависимость внешней деривации и семантики глаголов деструктивной семантики.

Среди всего разнообразия приставок и их значений деструктивные глаголы выбирают те, которые усиливают в их семантике признак результативности или кроме этого вносят в значение слова дополнительные смысловые оттенки. Поэтому приставочные глаголы деструктивной семантики в большинстве своем относятся к тем способам действия, которые называют специально-результативными.

Приставками, усиливающими признак результативности в семантике деструктивных глаголов являются следующие: *вы* –, *до* –, *за* –, *из*–, *ис* –, *на* –, *о* –/*об* –, *от* –/*ото* –, *пере* –, *по* –, *под* –, *при* –, *про* –, *раз* –/*рас* –, *с* –/*со* –.

В то же время эти глаголы не характеризуют действие по времени протекания, поэтому в литературном языке они не могут сочетаться с большинством аффиксов временных способов действия: начинательного, длительно–ограничительного, многократного, прерывисто–смягчительного, длительно–смягчительного. «Временную характеристику могут давать сочетания деструктивных глаголов с другими самостоятельными словами, например фазовыми глаголами: *начать разрушать*, *продолжать ломать*, *перестать рвать* и т.д.» [4, с. 62]. Поэтому полисемичная приставка, совмещающая значение результата и времени, выступает в деструктивных глаголах, как правило, в своем результативном значении. Например, приставка *за* – в глаголах *задолбить*, *зарубить*, *забить*, *затерзать*, если они употребляются с деструктивным значением, указывает на достижение результата – «умертвить».

Глаголы деструктивной семантики, соединяясь с приставкой *на*–, характеризуют действия количественно (накопительный, или кумулятивный, способ действия – тоже относится к специально-результативным способам)

[3,4]. Глаголы с приставкой *на-* не только указывают на результат, но и вносят оттенок полноты действия или накопления результата действия: *наломать веток, набить посуды, надолбить льда* и т.д.

Специально–результативным является и распространительный (дистрибутивный) способ действия. Присоединяя приставки *по-* и *пере-*, деструктивные глаголы могут показывать, что действие направлено на ряд объектов: *мыши погрызли все книги, дети передрали всю обувь* и т.д.

Все приставки, с которыми соединяются ядерные глаголы деструктивной семантики, многозначны и реализуют в этих глаголах несколько своих значений. Многие из них даже изменяют значения глаголов и выводят их из семантической области деструктивного воздействия.

Употребляясь в других значениях, приставки только видоизменяют значение разрушительного воздействия на объект, внося в него новые смысловые оттенки, усиливая признак результативности, и в глаголах совершенного вида показывают на достижение действием результата.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. [Текст] / В.В. Виноградов – М. – Л.: 1972. – 784 с.
2. Фаткуллина Ф.Г. Понятие деструкции в лексической семантике: монография [Текст] / Ф.Г. Фаткуллина. – Уфа, 2003. – 268 с.
3. Фаткуллина Ф.Г. Деструктивная лексика в современном русском языке: монография [Текст] / Ф.Г. Фаткуллина. – Уфа: ИПК при Администрации Президента Республики Башкортостан, 1999. – 300 с.
4. Фаткуллина Ф.Г. Концепт «деструкция» и способы его представления в русском языке // Вестник РУДН, серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – М., 2010, №2. – С. 60-67.
5. Тихонов А.Н. Префиксы и префиксальные глаголы в 17-ти томном Академическом словаре русского языка. – Труды Самаркандского гос. ун-та им. А. Навои. Русское словообразование. 1971, Вып. 209, новая серия, – С. 52 – 63.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С ПРИДАТОЧНОЙ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЙ ЧАСТЬЮ В РУССКОМ И ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Хадашева С.А.

старший преподаватель кафедры русского языка и литературы
в национальной школе, кандидат педагогической наук, Северо-Осетинский
государственный университет имени К.Л. Хетагурова, Россия, г. Владикавказ

Чекаева Е.С.

студентка факультета осетинской филологии, Северо-Осетинский
государственный университет имени К.Л. Хетагурова, Россия, г. Владикавказ

В статье в сравнительно-сопоставительном аспекте рассматриваются сложноподчиненное предложение с придаточной определительной частью в русском и осетинском языках. Выявлены их сходства и различия в обоих языках, позволяющие определить воз-

возможные проявления интерференции в русской речи билингвов и устранить устойчивые и типичные причины, приводящие к синтаксическим ошибкам.

Ключевые слова: атрибутивность, атрибутивные отношения, сложноподчиненное предложение с придаточной определительной частью, двуязычие, союзы, союзные слова.

Сложившееся в национальных учебных заведениях двуязычие требует координированности процессов преподавания родного и русского языков. Продуктивной представляется идея соотносительного изучения языковых средств, передающих одну семантическую категорию в изучаемых билингвами языках, в частности, такой важной категории, как атрибутивность, что предопределило методическую необходимость сопоставления выражения атрибутивных отношений в русском и осетинском языках.

Сложноподчиненное предложение с придаточной определительной частью – один из самых распространенных видов сложного предложения в современном русском языке. Построение сложноподчиненных предложений с придаточными определительными во многом схоже в обоих языках. В осетинском языке определительная придаточная часть, так же как и в русском языке, непосредственно определяет существительное или субстантивное слово главной части, иногда конкретизирует определение в ней [3, с.294-295].

В русском языке придаточные определительные предложения присоединяются к главному союзными словами **который, чей, какой, где, когда**: *Вспомнилось утро, когда впервые вместе с подругами Асият пришла в педагогический техникум (Д. Джисоев)*. В осетинском языке при помощи союзов **æмæ (что, чтобы), цыма (словно, как будто), куыд (как, чтобы)**, весьма редко использующиеся в нем, и относительных слов **чи, цы, кæцы (который), цавæр (какой), кæдæм (куда), кæцæй (откуда), кæм (где), куы, кæд (когда)**. Например: 1) *Сабаз, цыма йын хъыг уыдис Дзапар-æлдары æрбабырст, ахæм хуызæй фæзынд (А. Болаты)*. – Сабаз появился с таким видом, словно ему неприятен был приезд Дзапар-князя; 2) *Фæндыди йæ ахæм ранмæ ацæуын, кæм нæ хъуыстаид адæмы уынаер (Æ.Æгъуызарты)*. – Ему захотелось пойти в такое место, где не слышно было бы людей; 3) *Уыди ахæм бинонтæ, кæцытæ æрмæст сæ уæлæйы дзауматы лидзæг фæсты, ныууагътой сæ ис, сæ бон. Уыди дзы ахæм бинонтæ дæр, кæцытæ бафæрæзтой суанг судзыны онг алцыдæр семæ рахæссын (А.Коцойты)* – Были такие семьи, которые бежали лишь в верхней одежде, оставив все свое имущество. А были такие, которые смогли все взять с собой вплоть до иголки; 4) *Фæлæ уæддæр йæ къабазтæ æмæ йæ зонгæтæй кæй зианы, кæнæ цины нæ баллæууыд æмæ йе'гъдау кæм нæ бакодта, иу ахæм ран нæ уыд (Ц.Хæмыцаты)* – Но все равно не было такого мероприятия, будь то похороны или свадьба у родственников или у друзей, где он не отдавал должное; 5) *Товар æлхæнынмæ цы устытæ æрцыдысты, уыдон æнæфæхъуыдыйæ сæхи фæаууон кæнынмæ хъавыдысты, фæлæ дуармæ цы милиционер лæууыдис, уый сæ баурæдта (А.Коцойты)*. – Те женщины, которые пришли за товаром, без задней мысли хотели спрятаться в тени, однако милиционер, что стоял у двери их остановил.

В обоих языках в главном предложении при определяемых существительных могут быть указательные местоимения: в русском – **тот, такой**, в осетинском – **уый (тот), ахæм, уыцы** (такой). Например: 1) *Къутæрджыныхъæуы Мырзагмаæ хæрам чи нæ уыдис, ахæм адæм бирæ нæ равзæрдаид (А.Коцойты) – В Кутарджине немало нашлось бы людей, кто не затаил обиду на Мырзабега; 2) Цасдæр рæстæджы фæстæ Дунетханы фыд фæрынчын игæры низæй, æмæ йæ сæвæрдтой, Тотыр кæм хуыссыд, уыцы рынчындоны, æрмæст æндæр палатæйы (Ц.Хæмыцаты). – Через какое-то время отец Дунетхан заболел болезнью печени, и положили его в ту же больницу, в которой лежал Тотыр, только в другую палату.*

В осетинском и русском языках союзное слово **который (чи)** придает оттенок качества придаточной определительной части, выражая при этом наиболее общее значение определительности.

Влиянием русского языка объясняется распространение в осетинской письменной речи, особенно в периодической печати, сложноподчиненных предложений с придаточными определительными, в частности с союзным словом **кæцы**, что говорит о расширении синтаксических возможностей осетинского языка [2, с.313.].

Сложноподчиненные предложения с придаточными определительными в обоих языках довольно разнообразны и включают в себе множество оттенков значения, определяются они лексическим значением тех союзов, при помощи которых придаточные определительные связываются с главной предикативной частью, часто контаминируя при этом семантику времени, места, уступки, причины, условия, цели, следствия, в результате чего могут выражать дополнительные смысловые отношения. Так, конструкции с союзными словами **кæм (где), кæдæм (куда), кæцæй (откуда)** вносят в определительные предложения оттенок пространственного значения: место действия, место, по отношению к которому и от которого совершается действие: *Ахæм сабыр нæ вæййы хъæды дæр, кæм алыхатт хъуысы алыхуызон змæлд æмæ хъæр. – Такой тишины не бывает даже в лесу, где всегда слышны какие-то шорохи и звуки.*

Придаточные определительные, присоединяемые союзными словами **куы, кæд (когда)** являются показателями определительного отношения с оттенком временного значения: *Уыцы рæстæджы ахæм бон бирæ нæ рацыдаид, давд, стыгъд кæнæ ауыгъд кæд не'рцыдаид (Коцойты А.)- В то время редко проходил такой день, когда бы не случались кража, насилие или повешение.*

Рассматривая порядок расположения составных частей сложноподчиненного предложения с придаточным определительным, мы выявили следующую закономерность: придаточная определительная часть в осетинском языке имеет свои нормы расположения по отношению к главной. Она может находиться как в препозиции, так и в интерпозиции. Например: 1) *Фиййау-иу кæм бадтис, уыцы лæгæт ныккалдис. – Где пастух обычно сиживал, та пещера обвалилась (придаточная в препозиции); 2) Йæ риуы маст ссыгъд, бауromæн кæмæн нæй, ахæм маст. – В груди разгорелась такая злость, оста-*

новить которую было просто нельзя (придаточная в интерпозиции). Положение придаточной в постпозиции – редкий случай в осетинском языке: *Кæй афæразай, ахæм æргъом сæккой кæн*. При переводе на русский язык придаточная часть находится в постпозиции – *Такую ношу взвали на свои плечи, какую сможешь нести*.

Из приведенных примеров видно, что осетинскому языку характерно более независимое расположение составных частей сложноподчиненного предложения с придаточным определительным по сравнению с теми же конструкциями русского языка и зависит от различных комбинаций относительных и соотносительных слов, когда придаточное предложение присоединяется к главному при помощи относительных (союзных) слов [1, с.328-329].

Итак, сравнительно-сопоставительный анализ позволил сделать нам вывод, что сходство сложноподчиненных предложений с придаточной определительной частью в русском и осетинском языках состоит в аналогичном структурно-семантическом членении. Различия касаются месторасположения придаточной части по отношению к главной.

Список литературы

1. Грамматика осетинского языка / Под ред. проф. Г.С. Ахвледиани. – Синтаксис. – Т.2. – Орджоникидзе, 1969. – 388 с.
2. Козырева Т.В. Особенности развития осетинско-русского двуязычия в Северной Осетии // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М.: Изд-во «Наука», 1972. – С. 311-314.
3. Руднев А.Г. Синтаксис современного русского языка. – М.: Изд-во Высшая школа, 1963. – 364 с.

НАРЕЧНАЯ ДЕИНТЕНСИФИКАЦИЯ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Чиронов С.В.

заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, канд. филол. наук, доцент,
МГИМО МИД России, Россия, г. Москва

В статье предпринята попытка анализа прагмасемантических особенностей лексических средств с понизительной (деинтенсифицирующей) семантикой в современном японском языке. Опираясь на корпусные данные, мы выделяем среди прочих подклассов деинтенсификаторов так называемые минимайзеры, объединяемые свойством отрицательной полярности. Показано, что пять подвергнутых анализу адвербиалов составляют функционально-лексическое поле, упорядоченное по признакам инициативности / реактивности, гармоничности / полемичности, скалярной величине деинтенсификации, а также по когнитивной природе знания говорящего.

Ключевые слова: японский язык, наречие, корпусные данные, отрицательная полярность, деинтенсификация, функционально-лексическое поле.

Понятие интенсивности признака, тесно связанное с представлением о норме, играет важнейшую роль в речевой номинации, а в нижней части шка-

лы, связанном с деинтенсифицирующей семантикой, – ещё и с точки зрения организации дискурса. Особая важность для прагматических целей наречий с подобной «понижительной» семантикой подтверждается данными исследований, см. статистику британского парламентского дискурса [2, с. 21]. Для случая английского языка базисная таксономия речевых средств для выражения таких значений дана в классической с точки зрения функционального подхода к грамматике работе [6, с. 453 и далее]. При обращении к материалу японского языка, однако, обращают на себя внимание различия в формальном статусе соответствующих единиц. Так, если семантика диминишеров в целом приходится на наречия *sukoshi*, *chotto* (второе получило мощнейшее развитие в дискурсивной роли как хедж и даже стало обращением), а также ряд сходных единиц более узкой употребимости – *jakkan*, то признакам компромайзеров (англ. *kind of*, *sort of*, *quite*, *rather*) помимо адвербиалов *ichioo*, *tashoo*, *yaya*, *mushiro*, *aru teido* в функциональном плане отвечают также и грамматикализованные концовки типа *to demo iu beki*, двойное отрицание *...naku nai*, суффиксоид *-mitai(-na)*. Подкласс аппроксиматоров представлен неоднородными единицами как пре-, так и постпозитивного расположения, уже рассмотренными нами в двух работах – [3] и [4]. В свою очередь, на минимайзеры приходится группа наречий отрицательной полярности: *sonna-ni* (варианты *sorehodo*, *sahodo*, *sashite*), *amari*, *toku-ni*, *betsu-ni* и *taishite*, которым и посвящена настоящая статья.

Насколько нам известно, задача комплексного описания синонимических отношений внутри данной лексической группы пока не ставилась. Первый шаг в этом направлении мы предпринимаем, привлекая отечественные наработки в области лексической семантики, в первую очередь, вслед за [1] оценивая характер отрицаемой пропозиции P_0 , а также направленность всего высказывания в целом. Мы используем выборку данных открытого корпуса [7], представленного текстами трёх жанровых групп – газетная публицистика, выдержанные в канонах публичного высказывания выступления парламентариев, а также электронные и печатные журналы широкого профиля.

Вообще минимизация как вариант деинтенсификации лексического значения оказывается для японского языка дефектной категорией. Судя по существованию, скажем, в китайском типа высказываний 少說話=*shao shuo hua* = меньше болтай, это не ареальная тенденция. Из подтипа наречий с «встроенной» негативной семантикой типа *barely*, *hardly*, *little*, *scarcely*, выделяемых у Квёрка и др. [с. 453], в японском находим лишь *mare-ni* = *редко* в фиксированном варианте употребления *mare-ni miru* = *редкий* [*редко видимый*], причём все остальные употребления для него негативно-полярны – и даже как таковые заметно уступают по частотности способу выражения того же значения посредством конструкции (*koto-ga sukunai* = *редко бывает так, что...*). Соответственно, и для пяти адвербиальных минимайзеров, о которых пойдёт речь, особенностью является не просто отрицательная полярность, а то, что такую синтаксическую избирательность они проявляют лишь в одном из употреблений, которое, как и в английских *in the least*, *in the slightest*, *at all*, можно не без оснований считать производным. Так, контексты употребления

amari чётко распадаются на два типа: положительно полярный со значением «излишней интенсивности признака» и отрицательно полярный, где из «отрицания излишнего» выводится новое значение «низкой интенсивности». *Sonna* само по себе является встроенным в систему указательных местоимений и местоименных прилагательных и наречий – так называемый ряд *ko-so-a-do* – на позиции средней удалённости. *Toku-ni* и *betsu-ni* в контексте положительной полярности получают выделительное значение, сравнимое с рус. *не особо*, англ. *(not) especially*, а *taishite* без отрицания с положительной оценкой зафиксировано в единичной сочетаемости: *taishita mon* = *молодец*.

Первые два адвербиала демонстрируют известный разброс с точки зрения речевого регистра: у нейтрального, формально-сдержанного *amari* существует разговорный вариант с геминацией *ammari*, а формальным, книжным *sorehodo*, *sashite* в неформальной устной речи соответствует *sonna-ni*, причём повышенная эмоциональная нагруженность отличает именно коллоквиализм. Различение между ними в основном связано со «следом» указательного значения в *sonna-ni*. Вообще позиция среднеудалённого члена деиктического ряда наиболее располагает к различным «побочным» эффектам, видимо, в силу того, что именно с ней, т.е. с местоположением собеседника, неосознанно увязывается общий с ним фонд знаний и разделяемый контекст (ср., к примеру, анафорическую функцию *sono*). В нашем случае эффект заключается в том, что в *sonna-ni* действительная интенсивность признака сопоставляется не прямо с нормой, а с активизированным в сознании коммуникантов базисным, предполагаемым значением (то, на что ссылается номинация *sonna* = *такой*), причём соответствующая пропозиция может быть приписана и реальному, и воображаемому собеседнику. С *amari* же сравнение делается с некой нормой, которая, хотя и подразумевается в принципе как заданная для конкретного дискурса, но скорее носит характер отсылки к общей конвенции – возможно, фиктивной. Это имеет ряд последствий. Прежде всего, с точки зрения скалирования интенсивности признака это приводит к тому, что для *sonna-ni* такая величина (сравниваемая с ненулевой презумпцией) выше, чем для *amari*, где она стремится к нулю:

ITを使っている時代に銀行の機能の分散なんて当たり前な話で、さっさとやるのは、**そんなに**金も掛かりませんし。// В эпоху ИКТ ничего странного нет в распылении банковских функций, да и сделать быстрее обойдётся **не так дорого** [но не бесплатно!] (парламентская стенограмма, 2002) [7], ср.:

キャリアコンサルタントという言葉も実は定義が**余り**はっきりしない // Определение «карьерного консультанта» тоже **не особенно** ясное [считай, совершенно не ясное] (парламентская стенограмма, 2005) [7], см. также вместе:

逆に、今若い層は車に**余り**興味を持っていません。つまり、げた代わりであるんだから**そんなに**凝った車は要らないということです。// Набоот, **молодёжь сейчас не слишком** интересуется машинами [из дальнейшего ясно, что практически совсем не интересуется]. Для них это просто транспорт, так что и **особо** модные автомобили им **не** нужны [но совсем безобразные тоже ни к чему] (парламентская стенограмма, 2005) [7].

Указанная ориентированность в семантике интенсивности адвербиалов порождает и неодинаковые прагматические эффекты. Так, в директивных, деонтических высказываниях, суждениях о действиях адресата (А) с *sonna-ni* говорящий (Г) выражает упрёк, неодобрение тому реально наличному положению (или содержанию подразумеваемой пропозиции), от которого отталкивается. Такого напряжения лишены фразы с *amari*, где P_0 получает негативную оценку, которая реализуется лексически в выражениях 乱用しちや = (если) злоупотреблять, 慌てずに = (не) суетясь и др., но интенсивность признака скалируется лишь условно, а практически нулевое его значение создаёт гармонизирующее коммуникативное ощущение, что «всё под контролем»:

とは申せ、余りいたずらに神学論争あるいは建前の手続に時間をかけ過ぎることは許されないと申します// *И всё же **слишком уж углубляться** [этого никто и не предпринимает] в теологическую полемику и официальные ритуалы, как мне думается, недопустимо* (парламентская стенограмма, 2000) [7].

いろいろな仮定を置きますので、幾つかの仮定を置いてという形で申し上げると余りいいかげんなことも出せない。// *Если брать разные гипотез и рассматривать в свете разных гипотез – тогда **особой отсебятины** не будет [а этом никто и не обвиняется]* (парламентская стенограмма, 2004) [7]

Есть контексты, где выбор в пользу *amari* делается осознанно, чтобы избежать негативной оценки реальных действий «не виноватых» в отрицаемом:

扶養家族から外れるというようなことで、働きたいけれども働かないという人がいるのは非常に不幸なことだと思いますので、やはり年金は余りいじらないで、そして年金併用型で六十五歳から六十九歳まで五年間は働けると、// *Весьма печально, когда человек хочет трудиться, но не работает, чтобы не уменьшать льготу на иждивенцев, так что если бы можно было проработать ещё 5 лет, с 65 до 69, без **особых последствий** для пенсии...* (парламентская стенограмма, 2005) [7]

Весьма ярким примером разницы прагматической имплицатуры служит следующий контекст: {あまり/そんなに}時間がないので… = *времени не так много* {[как могло бы показаться] – поэтому Г, не предвидя возражений со стороны А, предлагает отменить или сократить некое действие/ [как вы, наверное, предполагаете] поэтому Г предлагает иной план, нежели А}.

Если P_0 сопровождается положительной оценкой, а общая тональность высказывания отрицательна, роли реверсируются. Оставляющее «зазор для позитива» *sonna-ni* звучит примирительно, а деинтенсификация с *amari* (в силу близкой к нулю скалярности интенсивности) функционирует как чистый хедж: 余りよくわからない = *не **слишком** понятно*, 環境も余りよくない = *среда не **особо** благоприятная*, 厳密に言いますと余り正しくはありません = *строго говоря, не **слишком** верно*. Может *amari* и сообщать высказыванию холодно-ироничный оттенок аналогично с известным принципом *understatement* в английском языке, напр. あまりお勧めできない = *Не **особо** советую* [ясно, что ответ – «нет»], ср.:

その上、法人税率を引き下げているために、景気回復が法人税収の増加に余りつながりません。// *К тому же, при снижении корпоративного налога*

улучшение конъюнктуры не **слишком** поможет с увеличением собираемости налогов с юрлиц (парламентская стенограмма, 2001) [7].

С *sonna-ni* имеем успокоительную, ободряющую интонацию – отрицаются (возможные, предполагаемые) страхи:

ボールを回すくらいで、そんなにハードな練習じゃなかった。// *Тренировка была совсем не тяжёлая, просто передавали мяч.* (газета «Тюнити симбун», 2.5.2002) [7], ср. также: ちょっと仕事したらガッポリなんですから、そんなにたくさん仕事なくていいのです。// *Да работы не так уж много: пара сделок – и уже неплохо заработал.* (газета «Санкэй симбун», 21.4.2004) [7]

Замена *sonna-ni* на *atari* в подобных контекстах лишила бы А той поддержки, на которую он рассчитывал – получилось бы, что его беспокойство игнорируется в предложении, составленном по образцу суждений «для себя»:

私は文字があまりきれいでないことがコンプレックスです。// *У меня прямо комплекс из-за того, что почерк не слишком красивый* (японская версия журнала «Космополитен», № 11/26 (288), 2004) [7].

Ещё одна ситуация, где привносимый *sonna-ni* полемизм вокруг положительно оцениваемой P_0 обыгрывается «в плюс» собеседнику, – это реакция на комплимент. Тогда высказывание получает не придиричиво-брюзгливый, а деланно-скромный тон – эффект, сходный с введением в такие речения контрфактивного модификатора вопроса *masaka* [5].

Наличие привносимой извне (=от собеседника) пропозиции с базисным значением признака предполагает, что именно *sonna-ni* будет употребляться в контекстах противопоставления, сравнения, в полемическом запале:

いや、そんなにいいかげんな話じゃないんですよ、これ。 // *Э нет, всё не так нелепо* (парламентская стенограмма, 2003) [7]

先ほどGDPの話がありましたけれども、トラック輸送値がそんなにこれから伸びないんだと私は思うわけです// *Вот вы говорите о ВВП, но грузовые перевозки, я думаю, не так уж сильно вырастут* (парламентская стенограмма, 2004) [7].

開発担当だと言え、日の当たる部署のように思われる。しかし、研究の成功率はそんなに高くはないし、開発は時間との戦いであるから、やたらと忙しいだけのものである。// *Кажется, будто разработчики у нас в привилегированном положении. Но ведь их вовсе не всегда ждёт успех, да и темп работы у них бешеный, ведь за спиной – конкуренты.* (газета «Кобэ симбун», 26.11.2001) [7].

仮に東京からどこかへそういう一つが移ったからといって、そんなにすぐまた、わっという効果が出てくるのかな。// *Даже если и перенести одну из столичных функций из Токио, едва ли так уж сразу это даст эффект* (парламентская стенограмма, 2002) [7] (обр. внимание на контрфактивный союз *ka-ra-to itte*).

Контрфактивную пресуппозицию сохраняет *sonna-ni* в вопросе:

院長は事務総長もやられた方ですから、会計検査院というのはそんなに人材が払底しているんですか、僕は異常事態だと思うんですよ。// *И председатель,*

и директор-распорядитель под подозрением. Да **так** ли уж тщательно Счётная палата проверяет свои же кадры? Это же ни в какие ворота не лезет (парламентская стенограмма, 2005) [7].

Напротив, самостоятельные, инициативные (а не реактивные) речения требуют *amari*. Строго говоря, констатирующие высказывания, не привносящие эмоциональных оценок в описание ситуации, возможны только с ним:

私は、東京が選挙区なものですから、**余り**日ごろ野生生物と触れ合う機会が**ない** // Я избран от токийского округа, и мне в повседневной жизни не **так-то** часто удаётся общаться с животными (парламентская стенограмма, 2002) [7].

Самостоятельность суждения важна в комиссиве, волитивных контекстах:

定住している畑中幸子のもとへ、ネイティブたちはよく薬をもらいにくる。あげれば、文明に汚染されていない彼らには、たいてい卓効がある。しかし**あまり**あげないようにしているのはもの惜しみではない。たんに病状が悪化して死んでも薬のせいだと恨まれるからだ。// Местные часто приходят за лекарствами к Сатико Хатанаке. Средства отлично действуют на их организмы, не загрязнённые цивилизацией. Но она старается давать **поменьше** – не из жадности, а чтобы, если больному станет хуже и он умрёт, ненависть не обращалась на неё и её лекарства. (журнал «Сэйсюн то докусё», №9, 2005) [7], см. также примеры этого же типа **余り**ファンドからお金を出したくない = не хочется **слишком** залезать в карман к фонду, 立会人はプライバシーの問題もあるから**余り**中身は聞かないような、そういう配慮をしているところが多い = **посредник** часто не **слишком** вникает в подробности этих сугубо частных дел.

Убеждение звучит более мягко в риторических фигурах с *amari*:

施設自体が全部整理された後にやる業務は**余り**ないじゃないか = после ликвидации всех отделов дел уже **особенно** не останется, **верно?** 健全な高齢者の心理学というのは**余り**ないんですね = **никто** **ведь** **особенно** не задумывается о психологии здоровых стариков (парламентская стенограмма, 2005) [7]

В скалярности отрицаемого признака резко расходятся адвербиалы *to-ki-ni* и *betsu-ni*. Первый подразумевает, что значение признака не нулевое, но достаточно мало, чтобы уточнение было нерелевантно для дискурса: «даже если что-то и есть, об этом не стоит говорить». В этой готовности затушевать конкретику, помимо гармонизирующей коммуникацию начала, несомненно, просматривается глубинная установка «молчание-золото». При этом не предполагается однозначно негативной оценки отрицаемой P_0 , а высказывание может быть как инициативным, так и представлять собой реакцию:

オビにはミステリーと書かれてますが、**特に**こだわってはいません。// На суперобложке указан жанр «мистери», но я **в принципе** на нём не настаиваю. (журнал «Уикли Пиа», 29.9.2005) [7].

国内受刑者の引渡場所につきましては**特に**限定されておらず、要請国との協議により適宜の場所で引き渡すこととなります// Место передачи заключённо-

го **в принципе** не оговорено и определяется путём консультаций с запрашивающей стороной (парламентская стенограмма, 2004) [7].

Как и *amari, toku-ni* подходит для комиссивов, высказываний о мире Г: 食事もバランスを考えるけれど、**特に**節制しているつもりはない。// Я задумываюсь о сбалансированном питании, но **по большому счёту** ни в чём себе не отказываю (журнал «Глэморос», доп. выпуск, май 2004) [7].

同じ鉢の中で栽培できないという組み合わせは**特に**ありません// **В принципе** нет сочетаний, которые нельзя сажать вместе («Любителям-садоводам», транскрипт телепередачи «Эн-Эйч-Кей», июль 2001, вып. 340) [7].

あとは**特に**することがない。空を見上げる。快晴。// **Больше в принципе** делать нечего。Смотрю на небо。Ясно。(журнал «Бунгэй сьондзю» №6, 2004) [7].

Иная картина с *betsu-ni*, где отрицание степени интенсивности признака (притом вовсе не обязательно скалированной как ноль!) переносится на всю пропозицию, вводимую реальным или воображаемым оппонентом. Отсюда – не примирительный, а, напротив, заостряюще-полемичный характер высказывания, часто подкрепляемый негативно-оценочной, пейоративной лексикой (что находит отражение также и в ремарочном тексте примеров):

江渕征香代表は「自民党は腰砕けになった感があるが、**別に**どうこう言うつもりはない」と半ばあきれ顔。// Глава, Тадака Эбути, сделал кислое лицо: «Есть ощущение, что либерал-демократы сели в лужу, но предъявлять какие-то там претензии сейчас никто не собирается» (газета «Коти симбун», 4.7.2001) [7]

別にこれといった写真ではないのですが、しま模様の洋服姿がかわいらしいですね。// Фото, конечно, так себе, ничего особенного, но костюм в полосочку вот ничего (газета «Санкэй симбун», 21.5.2001), ср. **別に**何も、多い訳はないけれど…// **Вовсе ничего** их там не много (газета «Коти симбун», 22.2.2001) [7].

別に公明党に学ぶわけじゃないけど、公明党ってそうでしょ」// «Мы и не собираемся ничему учиться у партии Комэйто。Они сами так же думают!» (газета «Майнити симбун», 27.7.2005) [7], ср. из парламентских стенограмм:

別に、アメリカ産牛肉の輸入を再開するなど言っているわけじゃない。// Да вовсе я не выступаю за какое открытие рынка для американской говядины (2005); **別に**おどかさわけじゃないんですが… // **Я никому** не угрожаю, но…; **別に**きちっとした、制圧は例えば手ですべしとか、そういう**ことはない**ですよ。// **Никто** не говорит о том, чтобы надо всё делать вручную (2003); **これは別に**労働に対して不当であるというふうには私は考えません // **Я** **вовсе** не считаю, что это несправедливо для работника (2001); もう一度言っておきますが、**別に**、罪を償わなくてもいいとか、感情の部分はどうでもいいということを**決して**私は言っ
て…// **Повторяю: я** **вовсе, никоим образом** не имею в виду, что преступление может остаться безнаказанным, а эмоции не нужно контролировать… (2005); 地方の現実のいろんな声を、私は**別に**安全保障政策についてそれをやれと**までは**言いませんけれども…// **Я** **нисколько** не подразумеваю, чтобы **пря-**

мо все обстоятельства регионов надо отражать в стратегии безопасности (2002).

Ни один из таких риторических усилителей мы не обнаруживаем в примерах с *toki-ni*. Ему более свойственны контексты бесконфликтного развития тезисов, выдвигаемых и отвергаемых поочередно самим Г:

最後に、特にゴールデンウイーク中というのでなく、ちょっと心を落ち着かせたいなら…// *Наконец, пусть это вообще-то уже не длинные майские выходные, а вам просто захотелось немного покоя...* (журнал «Экономист», 24.4.2001) [7].

Характер отрицания позволяет относить его даже к открытому списку:

…係員に停止を命じられてしまったのだ。説明によれば、ここから上は特に看板や警告板はないが、落石防止のためにバイクや車の走行は禁じられていて…、ラジコンマガジン2002年10月号// *…Сотрудник велел мне остановиться. По его словам, никаких особых знаков или предупреждений нет, но из-за опасности падения камней дорога выше закрыта для машин и мотоциклов...* (журнал «Радзикон магадзин» №10, 2002) [7].

«Плоский», без эмоциональной эмфазы профиль деинтенсификации допускает появление *toki-ni* в протазисе предложения с придаточным условия:

料金は、特にことわりのないかぎり、1泊2食のひとりあたりの金額です// *Цена, если особых условий не предполагается – такая же, как и за одну ночь с завтраком и ужином.* (журнал «Мэйпуру» №10, 2005) [7].

Речеактовый статус фраз с *toki-ni* включает вежливый отказ от предложения, учтливое отрицание в ответ на комплимент. Похожая фраза с *betsu-ni* (в этом контраст с *sonna-ni*) пренебрежительно отмахивается от слов А:

さて。それぞれ、各選手に言っておきたいことはありますか。闘莉王特にないです。大丈夫ですよ(笑) // *Тогда хотите ли вы что-нибудь сказать каждому из спортсменов? Тулио: «Я в принципе нет, спасибо» (смеётся)* (журнал «Сюкан саккаа дайджест» 8.3.2005, № 772) [7].

そのヒケツを教えてほしいと一路さんにたずねてみると、「特にこれといった特別なことはしてません…// *Я спросила Итиро, в чём секрет. «Ничего особенного я не делаю...* (японская версия журнала «Космополитен», № 7/26 (284), 2004) [7].

С употреблением наречия *taishite* обычно связывается положительная оценка Г отрицаемой P_0 и досада, порицание описываемого положения вещей:

大して参考にもならなかったなという印象を私自身は持っております…// *У меня лично сложилось ощущение, что всё это мне не сильно пригодилось...* (парламентская стенограмма, 2000) [7].

Однако мы находим и иные контексты, где некоторая досада, насколько можно судить, связана лишь с обманутыми ожиданиями самого Г:

好奇心や社会性などが主な評価の対象となるため、マニュアル通りのお受験塾的な訓練は大して通用しない。// *Здесь оценки ставятся за любопытство, общительность, поэтому зубрёжкой по типу репетиторства многого не добьёшься.* (журнал «Экономист», 31.5.2005) [7].

Такие «презюмции» Г могут носить довольно надуманный характер. Тогда вся фраза приобретает некоторую деланность, впрочем, добродушную:

当時私もちよっと言いましたように、大して自慢できる政策じゃないと思うのですね。// *Как я тогда и говорил, не думаю я, что такой политикой **особо** можно гордиться.* (парламентская стенограмма, 2001) [7].

Скалярная величина интенсивности признака мала, но отлична от нуля – такова, что ей можно пренебречь. Это соображение и задаёт тон всему высказыванию, носящему примирительный, позитивный характер. Отличие от *toku-ni* при этом состоит в том, что Г не занимает позу готовности отказаться ради успеха коммуникации от мелких соображений *contra* (а тем самым фактически выпячивает свою независимость), а прямодушно признаёт чрезвычайную малозначительность обсуждаемого признака:

トレーニング開始時間を7時半として、たいして空腹感を感じていないという理由で、そのままトレーニングに突入する // *Начало в 7:30. Если **особенно** не голоден, сразу приступаешь к тренировке* (журнал «Гарзан», 8.9.2004) [7].

Представленный анализ пяти японских наречий-минимайзеров позволяет организовать данное функционально-лексическое поле вокруг признаков инициативности / реактивности, гармоничности / полемичности, по скалярному значению деинтенсификации, а также по характеру происхождения пропозиции, содержащей утверждение об интенсивности признака, отрицание которой составляет суть явления деинтенсификации высказывания. По первой группе признаков свойственные самостоятельному развитию рассуждения *amari*, *toku-ni* и *taishite* противопоставлены полемичным *sonna-ni*, *betsu-ni*. По второму критерию пять слов располагаются вверх от почти нуля в *amari*, через «пренебрежимое» *taishite* к *toku-ni* и отчётливо ненулевому *sonna-ni*, а позиция *betsu-ni* оказывается затуманена резким неприятием самой постановки вопроса у Г. Выделяются берущиеся из сопоставлений с конвенциональной нормой *amari*, из слов реального или воображаемого оппонента *sonna-ni*, *betsu-ni*, из собственных представлений *taishite* и вводимое как попутный антитезис *toku-ni*.

В корпусе все пять исследованных единиц не зафиксированы в новостных и аналитических материалах газет, а появляются лишь в цитатах. Это указывает на интерсубъектный характер данных дискурсивных слов, тесно привязанных к эмоциональной атмосфере и стратегиям общающихся «здесь и сейчас».

Автор благодарит известную русистку и замечательного переводчика Юки Йосиоку за помощь в подготовке статьи. Все ошибки в ней однозначно остаются на моей совести.

Список литературы

1. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. [Текст] М., Помовский и партнёры, 1993. 105 с.
2. Китик М.В. Снижение интенсивности высказывания в политическом дискурсе (на материале стенограмм заседаний британского парламента) [Текст] Дисс.... канд. филол. наук. АГУ, Астрахань, 2003.

3. Чиронов С.В. Аппроксимативы в японском языке (опыт прагматического анализа) [Текст] / С.В.Чиронов // Японский язык в вузе. Вып. 8. Материалы научно-методической конференции "Японский язык в вузе" (октябрь, 2012). – М., 2013 – С. 143-155.

4. Чиронов С.В. Аппроксимативы типа «более/менее чем» в современном японском языке [Текст] / С.В. Чиронов // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 2. – С. 201-207.

5. Чиронов С.В. Модификаторы речевого акта «недоверчивого вопроса» в японском языке – *hontooni* и *masaka* [Текст] / С.В.Чиронов. // Язык и культура. Сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции. г. Новосибирск, 20 августа 2015 г. – С. 42-56.

6. Quirk, Randolph, Sidney Greenbaum, Geoffrey Leech, and Jan Svartvik. A Comprehensive Grammar of the English Language. [Текст] London: Longman, 1985. – 548 p.

7. 現代日本語書き言葉平均コーパス KOTONOHA (Взвешенный корпус письменных источников современного японского языка КОТОНОХА) [Электронный ресурс] URL = http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form (дата обращения 13.12.2015)

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ»

ИЗУЧЕНИЕ ОСЕТИНСКОГО МИФА О РУЙМОНЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Дарчиев А.В.

старший научный сотрудник отдела археологии, канд. ист. наук,
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований,
Россия, г. Владикавказ

В статье впервые рассматривается зарубежная историография осетинского мифа о Руймоне, являющегося важным источником для реконструкции традиционных религиозно-мифологических представлений осетин. Как показывает историографический анализ, зарубежным исследователям удалось выявить ряд важных мифологических аналогий образу Руймона, были предприняты попытки установить соответствия и в архаичных изобразительных памятниках. Однако до сих пор нет полного объяснения важнейших структурных элементов данного мифа, что побуждает к его дальнейшему детальному изучению.

Ключевые слова и фразы: осетины, мифология, олень, змея, дракон, Руймон, историография.

Одним из интереснейших персонажей осетинской мифологии является змеевидное чудовище по имени Руймон. Его изучению посвящена значительная литература, историографический обзор которой представляется необходимым для определения направлений дальнейших научных поисков. В настоящей статье мы рассмотрим зарубежную историографию осетинской легенды о Руймоне.

Напомним, что фольклорный текст о Руймоне был впервые опубликован В.Ф. Миллером в 1882 г. во втором томе его «Осетинских этюдов» [2, с. 295-296]. Зарубежные исследователи обратили внимание на этот текст несколько позже, чем российские. В 1914 г. австрийский этнолог Карл фон Шписс приводит легенду о Руймоне в статье о так называемых «сосудах бессмертия». Рассматривая древние зооморфные сосуды, автор приходит к выводу об их ритуальном назначении. Особый напиток, которым наполнялись эти сосуды, очевидно, связывался с идеей бессмертия. Подтверждение этому учёный находит в мифологии: животные, в виде которых изготавливались древние сосуды или изображения которых они украшались связывались с комплексом представлений о бессмертии или о посмертном существовании человеческой души. Автор отмечает, что к таким животным, наряду с некоторыми другими, относились коза (овца) и олень, и приводит осетинскую легенду о Руймоне. Это чудовищное существо, из плоти которого души умерших людей варят для себя омолаживающий напиток, появляется на свет именно от оленихи [16, с. 30]. Кроме того, Шписс отмечает обнаруженные на Кавказе (и в других регионах Старого Света) древние керамические сосуды в виде оленя и козы [Ibid., s. 32-34].

В 1919 г. легенду о Руймоне упоминает в своей книге «Кавказские исследования. Грузинские и мегрельские тексты» кавказовед и лингвист Роберт

фон Блейхштейнер. Описывая представления кавказских народов о святом Илье, исследователь приводит осетинскую легенду о Руймоне, которого громовержец Елиа цепью поднимает в небо [5, s. XII-XIII].

Венгерский исследователь Гёза Рохейм, один из основоположников психоаналитического направления в этнологии, также привлёк легенду о Руймоне, рассматривая с точки зрения психоанализа сущность еды в жертвоприносительных ритуалах. Согласно Рохейму, в представлениях многих народов высшие существа и души умерших получают лишь духовную часть приносимой им в жертву еды, материальная же её часть достаётся людям. Такое представление коренится в области бессознательного [15, s. 169-171]. К этой же сфере Рохейм относит эсхатологическое представление, согласно которому души людей в загробном мире питаются только таким животным, которое вновь и вновь становится целым и невредимым. В качестве примера Рохейм приводит иудейского Левиафана, осетинского Руймона, скандинавского вепа Сехримнира и некоторых других эсхатологических животных [Ibid., 172-173], хотя, строго говоря, в легенде о Руймоне нет указаний на его постоянное восстановление. В целом, попытка психоаналитического истолкования этого фрагмента мифа о Руймоне представляется весьма интересной и перспективной.

В 1923 г. в Берлине вышла в свет небольшая, но содержательная книга Г. К. Ниорадзе, посвящённая изучению этнографии осетин. Описывая осетинские представления о загробном мире, Ниорадзе излагает и легенду о Руймоне, впрочем, без попытки её анализа [13, s. 31].

Летом 1925 г. на Кавказе побывал знаменитый полярный исследователь, общественный и политический деятель Фритьоф Нансен. Краткий отчёт об этом путешествии содержится в его книге «Через Кавказ на Волгу», опубликованной на норвежском языке в 1929 г. [12]. Мы располагаем её немецким изданием 1930 г. [11]. Краткий рассказ об осетинах автор сопровождает описанием их религиозных верований, приводя, между прочим, и легенду о Руймоне. Дух первооткрывателя не изменяет Нансену и здесь. Он не ограничивается простым пересказом текста, опубликованного В. Ф. Миллером, а предлагает интересную параллель в скандинавской мифологии. Осетинского громовержца Елиа (святого Илью) автор сопоставляет со скандинавским громовержцем Тором. Более того, Нансен указывает аналогию мотиву подъёма Руймона вверх (в небо): «Это напоминает сагу о Торе и Черве Мидгарда, который лежал, обвившись вокруг земли, и которого Тор в Йотунхейме поднимал и тащил на свет» [Ibid, s. 43]. Позднее это сопоставление Руймона с Червём Мидгарда (Ёрмунгандом) едва ли не дословно повторил Кристен Дёссланд [7, s. 23].

Упоминание мифа о Руймоне неожиданно встречается и в зарубежной художественной литературе. В 1937 г. увидела свет книга выдающегося словацкого писателя Петера Илемницкого «Компас в нас». Данное произведение представляет собой собрание связанных общим замыслом новелл, первая из которых («О том, как за овец платили человеческой кровью») повествует о трагической истории кровной вражды двух семей в дореволюционном юго-

осетинском селении. Главный герой по имени Разден был подло убит врагами, но поскольку это злодеяние свершилось ночью, когда гремел гром и сверкали молнии, жители селения решили, что несчастного поразил сам небесный громовержец Елиа. На похоронах Раздена старец в белом одеянии произнёс следующие слова: «Разден прогневал святого Елиа. Будем молиться, чтобы он помиловал Раздена. Святой Елиа услышит нас. Он свяжет цепью слепого дракона Руймона и вытащит его из преисподней. Добрые небесные духи разрубят его на куски. Души наших предков сварят его мясо, съедят и после этого воскреснут» [10, s. 21].

Причина, по которой в книге словацкого писателя отводится столь значительное место картинам из прошлой жизни горного селения в Южной Осетии, хорошо известна. Петера Илемницкого связывала крепкая дружба с югоосетинским писателем Черменом Беджызаты, с которым в конце двадцатых годов он учился в Московском Государственном институте журналистики. Существует мнение, что Илемницкий мог навестить своего друга в Южной Осетии в 1927 г. [3, с. 98; 1, с. 92]. В таком случае, он мог почерпнуть от осетинских информаторов и некоторые этнографические сведения. И всё же нельзя не отметить тот факт, что змеевидный противник святого Ильи выступает под именем Руймон исключительно в западноосетинских (дигорских) текстах. Равным образом исключительно в дигорских текстах содержится мифологических мотив поедания плоти Руймона душами умерших. Не известно ни одного источника, в котором бы эти элементы драконоборческого мифа фиксировались у южных осетин. Поэтому наиболее вероятным представляется, что Илемницкий украсил данный эпизод этнографическими деталями, заимствованными непосредственно из опубликованных ранее дигорских текстов о Руймоне или этнографических работ, опирающихся на эти тексты.

В 1941 г. вышла в свет книга немецкого энтомолога Рудольфа Рангнова «В стране чёрного ветра. Среди казаков и кавказцев». Очевидно, не позднее 1913 г. Рангнов побывал на Кавказе, изучая богатый мир насекомых этого региона. Однако в книге своей он излагает не результаты энтомологических исследований, а собственные наблюдения о нравах и обычаях кавказских народов. Осетинам посвящён содержательный очерк, в котором описываются и их религиозные представления. Чудовищного Руймона автор называет «стражником подземного мира» и сравнивает на этом основании с «псом ада» Цербером [14, s. 126]. Но о подобной функции Руймона в осетинских текстах ничего не говорится, поэтому сопоставление с Цербером выглядит не вполне убедительно.

В 1953 г. были опубликованы результаты исследований антропологической экспедиции Генри Филда (США), работавшей летом 1934 г. на Кавказе, главным образом в Северной Осетии. Богатый антропологический материал дополнен сведениями по осетинской этнографии, почерпнутыми, по собственному признанию Филда, из трудов предшественников. При описании религиозных верований осетин здесь также излагается миф о Руймоне как весьма примечательная часть их представлений о загробной жизни.

Впрочем, это описание, как и некоторые другие этнографические сведения, Филд практически без изменения заимствует у Ниорадзе (см. выше) [8, р. 30].

В зарубежной историографии первым научным исследованием, специально посвящённым образу Руймона, стала замечательная статья английской исследовательницы Анны Чаудри [6]. Отметив широкую распространённость в древнем мире мифа о поединке грозового божества со змеем, автор рассматривает легенду о Руймоне как один из вариантов этого мифа [Ibid., р. 79-80]. Анализ всех доступных текстов о Руймоне приводит Чаудри к выводу о наличии в образе этого персонажа специфических черт, выделяющих его среди других драконообразных существ осетинского фольклора [Ibid., р. 81]. Чаудри справедливо отмечает амбивалентность образа Руймона: с одной стороны, он грозит уничтожением миру живых, а с другой – весьма полезен для мира умерших [Ibid., р. 89].

Весьма ценными в работе Чаудри являются попытки отыскать аналогии некоторым важным мотивам легенды о Руймоне, на которые раньше не обращалось достаточного внимания. Так, мотив поедания плоти Руймона автор сравнивает с многочисленными примерами из европейского фольклора о поедании мяса змеи (или бульона из него), в результате чего человек обретал сверхъестественные способности [Ibid., р. 82-83].

Мотив подъёма Руймона вверх при помощи цепи громовержца Чаудри, так же как Нансен и Дёссланд, сравнивает с мотивом «рыбной ловли» Тора, во время которой он пытался поднять вверх из океанских глубин змея Мидгарда [Ibid., р. 88]. В то же время исследовательница сопоставляет этот мотив и с тем фрагментом «Илиады», в котором Зевс готов поднять всю землю на спущенной им с небес золотой цепи (Илиада. Кн. VIII. 18-27) [Ibid.].

Чаудри высказывает интересные соображения относительно этимологии имени Руймон, предлагая видеть в нём заимствование греческого *ρομ-ος* «древесный червь» [Ibid., р. 89].

Статья Чаудри получила высокую оценку (рецензент Лизанна Хендерсон называет её трактовку загадочной фигуры Руймона «весьма компетентной» [9, р. 364]) и, несомненно, стимулировала дальнейшее исследование этого персонажа. Так, Миранда Олдхауз-Грин соглашается с трактовкой легенды о Руймоне как варианта архаичного мифа о поединке грозового божества с хтоническим змеем, с тем, правда, отличием, что Чаудри отмечает распространённость этого сюжета во всём древнем мире, а Олдхауз-Грин называет его индоевропейским. Отмеченная Анной Чаудри амбивалентность Руймона, по мнению Олдхауз-Грин, соответствует амбивалентности змея в греко-римском символизме [4, р. 321]. Более того, исследовательница пытается найти в галло-римском искусстве аналогию мотиву подъёма Руймона в небо: «Амбивалентное родство небесных и хтонических сил осетинской мифологии, очевидно, также обыгрывается в образах гало-римских колонн Юпитера. Так, например, змееногий монстр на монументе из Неше может быть интерпретирован не как затаптываемый копытами лошади, а как удерживаемый и поднимаемый вверх; мучительное напряжение и сдвинутые бро-

ви, возможно, означают не покорение, а усилия, прилагаемые для его подъёма силами неба и верхнего мира» [Ibid.].

Подведём итог. В изучении мифа о Руймоне зарубежными исследователями были достигнуты ощутимые результаты. Удалось выявить важные параллели в мифологии других народов, что позволило (правда, намного позже, чем в отечественной историографии) вписать легенду о Руймоне в контекст так называемого основного индоевропейского мифа. Сопоставление с мифом о Руймоне способствовало прояснению мифологического смысла ряда древних изобразительных памятников. Таким образом, была заложена основа для дальнейшего более глубокого изучения этого интереснейшего образа осетинской мифологии.

Список литературы

1. Малиева Е. Петер Илемницкий и его герой // Литературная Осетия. 1987. №69. С. 90-93.
2. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. М.: Типография А. Иванова (б. Миллера), 1882. Ч. II. 304 с.
3. Савицкий В. Петер Илемницкий. Очерк жизни и творчества. М.: Художественная литература, 1964. 136 с.
4. Aldhouse-Green M. An archaeology of images. Iconology and cosmology in Iron Age and Roman Europe. London-New York: Routledge, 2007. 281 p.
5. Bleichsteiner R. v. Kaukasische Forschungen. Georgische und megrelische Texte. Wien: Verlag des Forschungsinstitutes für Osten und Orient, 1919. Т. I. 308 s.
6. Chaudhri A. Ruïmon, the Serpentine Supernatural Enemy of Elÿah in Ossetia // Supernatural Enemies. Durham: Carolina Academic Press, 2001. P. 79-90.
7. Døssland K. Norrønafolket i opphav og vandring. 2. opplag. Hønefoss: Eget Forlag, 1949. 65 s.
8. Field H. Contributions to the anthropology of the Caucasus // Papers of the Peabody museum of American archæology and ethnology Harvard university. Cambridge, Massachusetts, U.S.A.: Published by the Museum, 1953. Vol. XLVIII. №1. 154 p.
9. Henderson L. Supernatural Enemies. Edited by Hilda Ellis Davidson and Anna Chaudhri. Durham, N.C.: Carolina Academic Press, 2001. 226 pp. \$ 40.00 (hbk). ISBN 0-89089-711-5 // Folklore. 2007. Vol. 118. December. P. 364-365.
10. Jilemnický P. Kompas v nás. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1973. 6. vyd. 417 s.
11. Nansen F. Durch den Kaukasus zur Wolga. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1930. 184 s.
12. Nansen F. Gjennem Kaukasus til Volga. Oslo: Jacob Dybwads Forlag; Kjøbenhavn: G.E.C. Gad, 1929. 162 s.
13. Nioradze G. Die Berg-Ossen und ihr Land: eine anthropologisch-ethnographische Untersuchung eines raurfsischen Volkes. Berlin: Dietrich Reimer (Ernst Vohsen), 1923. 42 s.
14. Rangnow R. Im Land des schwarzen Windes. Unter Kosaken und Kaukasiern. Braunschweig: Wenzel, 1941. 216 s.
15. Róheim G. Das Selbst. (Eine vorläufige Mitteilung). II. Essenz der Dinge // Imago. Zeitschrift für Anwendung der Psychoanalyse auf die Geisteswissenschaften. Herausgegeben von Prof. Sigm. Freud. Leipzig-Wien-Zürich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1921. Bd. VII. S. 142-179.
16. Spieß K. v. Die Behälter des Unsterblichkeitstrankes // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Wien: Kommission bei Alfred Hölder, K.U.K. Hof- und Universitäts-Buchhändler, 1914. Bd. XXXIV. S. 17-43.

ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1905-1907 гг. НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТУЛЬСКОЙ МУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ

Маркова С.М.

доцент кафедры истории и археологии, канд. ист. наук,
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Россия, г. Тула

В статье анализируется влияние революционных событий 1905-1907 гг. на деятельность Тульской мужской гимназии, работа гимназического начальства и родительского комитета в условиях "школьной смуты".

Ключевые слова: образовательная политика, революция, школьная смута, гимназии, система образования, средняя школа.

События революции 1905-1907 гг. не могли не отразиться на системе образования, однако "смутное время" в школе началось гораздо ранее сильных волнений 1905-1906 учебного года. Классическая система и множество ограничений вызывали всеобщее недовольство, которое нельзя было подавить лишь суровыми мерами, а потому, рано или поздно, недовольство школьников должно было выразиться открыто. В учебных заведениях с последних лет XIX века начали образовываться союзы школьников, преследовавшие сложные задачи, отчасти академические, отчасти политические.

Вот как объясняет начальство Тульской мужской гимназии причины школьной смуты 1905 -190 гг.: "Смута только окончила распад школьных устоев, который начался гораздо раньше нее. Начался он с той постепенной ломки классической школы, которая идет вот уже более 10 лет. Несчастье средней школы не в том, что сломана старая система, а в том, что не создано никакой новой..." [3, с. 45].

Кроме того, нельзя забывать и о росте революционных настроений в обществе в этот период времени, который, несомненно, наложил отпечаток на беспорядки в школе, излишне политизировав ее.

В 1905-1906 гг. и академическая, и политическая борьба школьников против существующих порядков в государстве и в школе обострилась до предела и приняла массовый характер. Не обошлось без волнений и в Тульской гимназии. Учащиеся требовали полной либерализации школьного режима и отмены всех с существующих ограничений.

К осени 1905 года в гимназии была создана система ученического самоуправления, которая позволяла учащимся отстаивать свои права, проводить в жизнь идеи обновления внутреннего строя учебных заведений, добиваться изложения своих требований к правительству.

По свидетельству начальства Тульской гимназии, протесты со стороны учащихся проявлялись в следующих формах: насильственное удаление из класса преподавателей («нелюбимых»), отказы посещать их уроки, грубое оскорбление преподавателей, беспорядочное, неаккуратное посещение уроков, нарушение элементарных требований школьной и внешкольной дисциплины.

плины, пьянство среди старших воспитанников, посещение учениками пивных, бильярдных и других увеселительных заведений. Кроме того, были случаи и скандального поведения на улице, вызывавшие вмешательство полиции. Поведение учеников было настолько неудовлетворительным, что некоторые классы оказывались в полном составе не аттестованными по поведению [1, с. 173].

С целью содействовать успокоению учащейся молодежи Министерство народного просвещения разрешило создавать родительские комитеты в учебных заведениях. Такой комитет был создан и в Тульской мужской гимназии.

Министерство рассчитывало, что родители будут, с одной стороны, ходатайствовать о желательных для них улучшениях учебно-воспитательного дела в гимназии, а, с другой стороны, убедят молодых людей, что в школе необходимо заниматься одним только делом-учением.

Необходимо отметить, что родительский комитет, несмотря на сложные условия своего существования, принес гимназии большую пользу- об-суждая просьбы и требования учащихся, они, несомненно, внесли некоторое умиротворение в отношения учащихся и педагогов, служили посредниками между ними. Относясь с некоторой критикой к организации средней школы и отметив ее недостатки, родительский комитет возбудил целый ряд правильных вопросов и ходатайств, имевших как региональное, так и общероссийское значение. Далее права родительских комитетов учебных заведений все больше законодательно ограничивались. Но все же родительский комитет как «орган общения семьи со школой» существовал и играл важнейшую роль в гимназической жизни.

Вместе со спадом революционного накала в 1906 году последовало и ужесточение политики Министерства народного просвещения: 6 ноября 1906г. запрещены были сходки и собрания учащихся средних учебных заведений, восстановлены в полном объеме переводные экзамены из класса в класс, в школе установлены строгие порядки, при которых ограничивалась возможность свободомыслия учащихся [3, с. 76].

Таким образом, «школьная смута» 1905 г., возникшая не волне революционных событий, выявила насущную необходимость решения вопросов о положении учащихся и педагогов, об их правах и свободах, об участии родителей и общества в деятельности школы. Именно требования либерализации школьного режима, отмены ограничений, а также участия общества в делах школы лежали в основе волнений в учебных заведениях 1905-1906 гг.

Список литературы

1. Маркова, С.М. Влияние государства и общества на развитие гимназического образования в России во второй половине XIX- начале XX в. [Текст]: Дисс... кандидата исторических наук /С.М. Маркова. – Тула, 2007.
2. Очерки истории и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX – начало XX в.[Текст] / под ред. Э.Д. Днепров, С.Ф. Егорова, Ф.Г. Паночина, Б.К Тебиева. – М.: «Педагогика», 1991.
3. Отчет о состоянии Тульской мужской гимназии за 1908-1909 учебный год. – Тула, 1909.

ВКЛАД В.Г. ГАБАЕВА В РАЗВИТИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО УСТРОЙСТВА УРЯНХАЙСКОГО КРАЯ

Сам С.Ч.

научный руководитель, кандидат исторических наук,
ГАОУ РТ Тувинский республиканский лицей-интернат, Россия, г. Кызыл

Баазан М.В.

специалист первого разряда отдела кадров, государственной службы и
делопроизводства, Арбитражный суд Республики Тыва, Россия, г. Кызыл

В статье рассматривается деятельность российского чиновника В.Г. Габаева по административному устройству и его вклад в образовании города Белоцарска. Город Белоцарск стал столицей Урянхайского края, ныне Республики Тыва. Благодаря усилиям российского чиновника Габаева, Российская империя укрепила свои позиции в крае. Также деятельность Габаева привела к установлению протектората России и развитию русско-тувинских отношений.

Ключевые слова: Урянхайский край, усинский пограничный комиссар, заведующий устройством русского населения, инструкция, заведующий пограничными делами Усинского округа.

В мае 1913 года Главное управление землеустройства и земледелия России на должность заведующего устройством русского населения в Урянхае утвердило чиновника особых поручений В.Г. Габаева. И уже 2 июня 1913 года он прибыл из Санкт-Петербурга в с. Усинское в распоряжение Заведующего Пограничными Делами Усинского округа А.П. Церерина.

И хотя в 1913 году Урянхайский край не считался составной частью России, государственные структуры империи достаточно энергично расширяли свое влияние. В село Усинское для организации управления Урянхайским краем было назначено особое должностное лицо «Заведующий пограничными делами Усинского округа». 19 февраля 1913 года Министерство внутренних дел России вводило «Инструкцию заведующего пограничными делами» и командировало в помощь названному лицу переселенческого чиновника: «...оно имеет в виду откомандировать на постоянное пребывание в крае переселенческого чиновника для оказания русскому населению Урянхайского края административной и хозяйственно-культурной помощи» [1, стр.53].

5 июня 1913 года чиновник переселенческого управления прибыл в Урянхайский край село Туран. Второй пункт инструкции предписывал «Переселенческий чиновник имеет пребывание в с. Туранском» [1, стр.59].

Главное управление Землеустройством и земледелием под руководством А.В. Кривошеина разрабатывало Инструкцию переселенческому чиновнику, 10 мая 1913 года. Министр внутренних дел Н.А. Маклаков уже 11 мая 1913 года утвердил эту инструкцию.

На первых порах В.Г. Габаева, в тот сложный и напряженный период была возложена: «Под надзором комиссара, обязанность содействовать рус-

скому населению Урянхая в устройстве школ, церквей, хлебозапасных магазинов и вообще всячески поддерживать упомянутое население в его культурно- хозяйственной работе в этом отдаленном крае» [1, с. 53].

За год до официального объявления протектората российская политика была направлена в первую очередь «на постепенное усиление в названной местности русского культурного и экономического влияния, но без каких-либо активных с нашей стороны действий к занятию этого края» [1, с. 51].

Административная политика российской империи – введение новых форм государственного управления, устройство государственных структур империи в Урянхайском крае, имела особенные черты. Подчеркнем, что Урянхайский край, территориально и географически находясь между Китаем, Монголией и Россией, проявляла интерес и к Монголии, и к России после падения Цинского Китая. С 1911 по 1914 г.г. Урянхайские правители начали активный поиск покровителя с учетом реального положения края – 50 000 тувинцев на площади 200 000 квадратных верст, кочевое хозяйство.

Мотивы, заставившие Габаева столь активно реализующего планы переселенческого управления, пока не выяснены до конца. Можно лишь догадываться, что не последнюю роль здесь сыграли планы Совета министров. Из опубликованных архивных документов, очевидно, что учреждение должности Габаева соответствовало тем задачам Министерства иностранных дел России, которые отражены в журнале Совета Министров.

На основу создания государственной структуры Российской империи легло решение Совета Министров России от 03 января 1913 года: «Входя в рассмотрение настоящего дела, Совет Министров, согласно с изустным заявлением Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием и Министра Путей Сообщения, принял, прежде всего, во внимание, что за состоявшимися в недавнее время признанием нами Монгольской автономии, принятием этой страны по договору 21 октября 1912 года покровительство России и оставлением китайскими властями, как Монголии, так и Урянхайской провинции, вопрос об отношении Российского правительства к названному краю получает совершенно новую постановку» [2, с.68].

«Урянхайский вопрос» или «пограничный вопрос» были предметом постоянного изучения исследователей. Российское императорское географическое общество, Министерство путей сообщения, военные учреждения России направляли в край специальные экспедиции для обоснования принадлежности Урянхайского края России.

Подробно описав край, русские экспедиции способствовали пробуждению интереса со стороны официальных кругов Российской империи. Особый интерес вызывает личный доклад полковника Генерального штаба В.Л. Попова «О положении урянхайского пограничного вопроса в настоящее время» от 28.02.1911 года на совещании при Иркутском генерал-губернаторе. Совещанию была представлена маршрутная съемка китайской государственной границы, произведенная в 1903 году китайским чиновником Бао, по поручению ургинского амбына. По этой съемке участники совещания проследили пограничные знаки, караулы и границу Китая. И по этой же съемке Бао, экс-

педиция Попова 1910 года выявила, что Урянхайский край «не считается в пределах Китая, но и не в пределах России». И по мнению Попова эта спорная территория может быть присоединена к России [3, с.40].

И вновь на совещании подняли Буринский и Кяхтинский договоры – «кто из урянхов и кому платил дань в 1726 году», «кому принадлежит вся Урянхайская земля по договорам- Буринскому и Кяхтинскому» [3, с.38-39].

В условиях подготовки к введению протектората России над Урянхайским краем официальные круги империи – центральные и региональные искали документальные и юридические права на Урянхайскую землю.

В.И. Дулов в исследовании «Социально-экономическая история Тувы XIX начала XIX в» отмечал, что следующие два года, 1912-1913 являлись временем создания и активной деятельности переселенческого управления в Туве и деятельности первого переселенческого чиновника в Туве Габаева. В результате переселенческой политики Габаева крестьянское население выросло в полтора раза.

Из письма Заведующего устройством русского населения в Урянхае В.К. Габаева Усинскому пограничному начальнику от 24 апреля 1914 года следует, что по «приказанию Главного начальника Края, все административно- полицейские дела, касающиеся русского населения Урянхая, а также по земельным недоразумениям между русскими и урянхами должны направляться ко мне».

Таким образом, В.Г. Габаев и администрация Переселенческого управления проводила политику активного заселения края, что являлось причиной обострения отношений. На почве земельных споров между местным населением и русскими колонистами, а также между русскими группами старожилов и новоселов нередко возникали настоящие сражения. Конфликты переселенцев с местным населением Урянхайского края продолжались и в дальнейшем вплоть до 1921 года. Переселенческому управлению приходилось принимать не только административные, экономические, но и судебные меры для того, чтобы удерживать край в спокойствии и в порядке.

Своими действиями Габаев вызвал недовольство со стороны Начальника Переселенческого Управления России, который в письме от 17 июля 1914 года высказал недовольство: «При сем считаю долгом предупредить Вас, что в случае неточного исполнения Вами преподанных мною указаний вы не только будете немедленно отозваны из края, но подвергнитесь самому строгому дисциплинарному взысканию или преданию суду за превышение власти и ответственности за все происходящее от сего последствия». Таким образом, В.К. Габаев сосредотачивая в руках переселенческой администрации административную, экономическую и судебную функции, нередко превышал свои властные полномочия.

Политика переселенческого чиновника В.Г. Габаева была направлена на усиление позиции империи в Урянхайском крае.

Вопрос о строительстве города Белоцарск имеет особое значение, так как он тесно связан с рядом других важных проблем. Строительство дикто-

валось вполне определенными политическими и экономическими мотивами протектората.

В отношении выбора места под строительство города не было единого мнения. Заведующий пограничными делами А.П. Церерин поддерживал мнение русских купцов Урянхая, которые высказывались за строительство города на территории с. Чаа-Холь, довольствуясь имеющимся положением села. Село Чаа-Холь в то время было крупным торговым центром края и уже интенсивно использовался русским купечеством.

Однако, Владимир Габаев особое значение придает местности под названием Виланы.

Коллежский советник С.Р. Минцлов в июле 1914 года отмечал: «Г. Церерин в бытность мою в с. Усинском высказывался против закладки города на нынешнем его месте и указывая на Джакуль как на более пригодный пункт, так как все товары скупаемые на Хемчике сосредотачиваются на нем» [4, с.24].

Следующим комиссаром по делам Урянхайского края В.Ю. Григорьевым высказывается необходимостью переселения строительства города в местность Шагонар: «О необходимости перенести постройки на сто верст ниже по течению Енисея в местность Шагонар- Джакуль, лежащую на важнейших торговых путях в Монголию, откуда Енисей судоходен и где самое густое население» [4, с.29].

Габаев сам отмечал 05 апреля 1914 года в письме гун-нойону Буян-Бадьргы: «высшее Российское Правительство, идя навстречу к улучшению быта местного населения Урянхайского края уполномочило меня создать в местности Виланах при слиянии двух (притоков) Енисея административный центр, при котором открыть русско- урянхайскую школу, больницу, ветеринарный пункт и сельскохозяйственный склад, в складе продавать по удешевленным ценам урянхайскому населению все необходимые предметы» [5, с.13-14].

Новый город начали закладывать в апреле 1914 года в местечке известном среди русского населения края под названием Виланы, а среди урянхов Хем-Белдири, что означает слияние рек Бии-Хем и Каа-Хем образующих Енисей. Место, самостоятельно выбранное В.Г. Габаевым было удобным для сплава древесины – основного строительного материала сплаваемого из Тоджи по рекам в Систе-Хему и Хамсара.

Каждый из вариантов выбора места города обладает присущими ему экономическими особенностями.

В газете «Енисейская мысль» №7 от 10.01.1915 г. в статье С.Р. Минцлова сообщалось: «Весьма удачно выбрано ведомством и место для устройства нового города Белоцарска, предназначенного обслуживать значительное уже русское население, малого Енисея, весь Большой Енисей. Он лежит на пути из Усинского округа в середину Монголии и несомненно явится не только административным, но и крупным торговым центром в недалеком будущем» [6, с.23].

Инструкция переселенческого чиновника содержит 15 пунктов посвященных в основном тому, что он ведает русским населением Урянхайского

края и всемерно поддерживает его в культурно-хозяйственной работе: « На переселенческом чиновнике лежит забота о благоустройстве поселений русских подданных в Урянхайском крае, как-то: о производстве в них обводнительных и дорожных сооружений, о постройке общественных зданий, церквей, молитвенных домов, школ, общественных магазинов, открытии учреждений мелкого кредита, потребительских обществ, промышленных артелей, товариществ, оборудования сельскохозяйственных предприятий и т.п. [7, с.60].

В соответствии с пунктом восемь Инструкции: «Предварительно возбуждения ходатайств об отпуске средств на постройку церкви или молитвенного дома, переселенческий чиновник выясняет вопрос о возможности образования нового отдельного прихода, или о присоединении вновь сооружаемой церкви к соседнему приходу и представляет все дело, со своим заключением, Заведующему переселением и землеустройством Енисейской губернии, для внесения на предварительное одобрение Красноярского епархиального комитета по удовлетворению религиозных нужд переселенцев» [7, с.60]. Руководствуясь данным пунктом Габаев в городе Белоцарске впервые создал новый приход, и начал постройку церкви.

Строительство города отражает основную, политическую и экономическую линию протектората- усиление русского влияния в Урянхае. Начальная стадия возникновения города носит ярко выраженную политическую специфику образования и упорядочения внутренней административной системы Урянхайского края. Существование хорошо налаженных связей переселенческого чиновника с центральными учреждениями российского государства, развитие русского влияния в крае свидетельствует о необходимости строительства города. Город, по всей видимости, игравший роль административного центра, окруженного хошунами был нужен краю. Российские государственные структуры, находящиеся в с. Усинское, неоднократно указывали центральным учреждением России о периферийности села Ус, о его меньшей административной значимости для урянхайских чиновников, так и об удаленности Урянхайского края. Появление города, который должен был стать административным центром края, в основном было направлено В.Г. Габаевым на удовлетворение становления протектората.

Значение города не ограничивалось административной ролью, несомненно то, что в недалеком будущем город вполне мог стать самостоятельной экономической единицей.

Далее Габаев отмечал: «Кроме сего с открытием административного центра будут учреждены управления, находящиеся в моем введении, где мною будут приниматься разные жалобы и решаться претензии урянхов к русским» [8, с.15]. В условиях протектората в 1914 -1915 годы В.Г. Габаев исполнял судебные функции в смешанных судах. Учрежденные Габаевым смешанные суды состояли из тувинских нойонов (князей) и русских чиновников. Смешанные суд рассматривал гражданские и уголовные дела. Гражданские дела в основном касались земельных споров, а уголовные дела касались скотокрадства. В количественном и национальном отношении суд делился поровну. Габаев пытался проводить политику введения российской судебной системы в Урянхайском крае.

«В первой половине июня надеюсь приступить к закладке здания переселенческого пункта», 25 мая 1914 года сообщал Габаев, начальнику Переселенческого Управления Красноярской губернии Г.В. Глинке, то же и писал Иркутскому Генерал-Губернатору Л.М. Князеву [8, с.16]. Город Белоцарск главнейшее творение переселенческого чиновника Габаева, человека безусловно талантливого, трудолюбивого и энергичного. Отдельные, краткие отрывочные сведения недостаточны для полноты изложения об этом незаурядном человеке. Пока недостаточно изучены документы Переселенческого управления, из-за полной не изученности личности В.Г. Габаева не представляется возможным наиболее полно осветить особую роль Габаева в развитии Урянхайского края. Несмотря на разрозненность и скудность приведенных сведений о В.Г. Габаеве авторы хотели бы воздать должное этой деятельной личности. Известные к настоящему времени материалы позволяют характеризовать политику и деятельность переселенческого начальника на высоком для того времени уровне. Подчеркивая это нужно добавить, что Габаев внес ощутимый вклад в дело укрепления русского дела в Урянхае. И строительство города в кочевой степи было прогрессивным явлением, способствовавшим укреплению русско-тувинских связей.

Список литературы

1. На перекрестке времени. Урянхайский край. Тувинская Народная Республика. Тувинская Автономная область. Тувинская Автономная Советская Социалистическая Республика. Сборник архивных документов и фотодокументов. Научно-документальный сборник. Государственный архив Республики Тыва. – Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2014. – 53.
2. Собрание архивных документов о протекторате России над Урянхайским краем – Тувой (к столетию исторического события), с. 68.
3. На перекрестке времени. Урянхайский край. Тувинская Народная Республика. Тувинская Автономная область. Тувинская Автономная Советская Социалистическая Республика. Сборник архивных документов и фотодокументов. Научно-документальный сборник. Государственный архив Республики Тыва. – Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2014. – 40.
4. История города в Центре Азии: Сборник документов. – Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2013. – с. 24
5. (ЦГА РТ Ф.123. Оп.2.Д.21.Л.13-14).
6. (ЦГА РТ ф.123 оп.1 д.1 л.23)
7. На перекрестке времени. Урянхайский край. Тувинская Народная Республика. Тувинская Автономная область. Тувинская Автономная Советская Социалистическая Республика. Сборник архивных документов и фотодокументов. Научно-документальный сборник. Государственный архив Республики Тыва. – Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2014. – 60.
8. История города в Центре Азии: Сборник документов. – Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2013. – с. 15
9. История города в Центре Азии: Сборник документов. – Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2013.
10. На перекрестке времени. Урянхайский край. Тувинская Народная Республика. Тувинская Автономная область. Тувинская Автономная Советская Социалистическая Республика. Сборник архивных документов и фотодокументов. Научно-документальный

сборник. Государственный архив Республики Тыва. – Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2014.

11. Собрание архивных документов о протекторате России над Урянхайским краем – Тувой (к столетию исторического события), с. 68.

АСТРАХАНСКИЕ ЮРТОВСКИЕ ТАТАРЫ В ПЕРИОД СМУТНОГО ВРЕМЕНИ НА РУСИ (1605-1614 гг.)

Торопицын И.В.

доцент кафедры истории России, кандидат исторических наук,
Астраханский государственный университет, Россия, г. Астрахань

В статье рассматриваются вопросы участия астраханских юртовских татар во внутривосточных событиях в Московском государстве в период Смутного времени (1605–1614 гг.). Обосновывается тезис об активной роли юртовцев в событиях Смуты в Нижнем Поволжье. Это проявилось в их вооруженном противостоянии войскам царя Василия Шуйского под началом воевод Ф. Шереметева и И. Салтыкова, в открытой конфронтации с Большими ногами бия Иштерека, поддержке отряда терских стрельцов, вступивших в борьбу со сторонниками мятежного атамана И. Заруцкого, захватившего власть в Астрахани.

Ключевые слова: Смутное время, Нижнее Поволжье, Астрахань, казаки, астраханские юртовские татары, 1605-1614 гг.

Начало XVII в. вошло в историю нашей страны как период Смутного времени (1605–1614 гг.). Московское государство повсеместно сотрясали многочисленные антиправительственные мятежи. Не была исключением из этого и территория Нижнего Поволжья и Предкавказья. В Астрахани воевода князь И.Д. Хворостинин поддерживает притязания Лжедмитрия на московский трон. Казаки на Тереке выдвигают из своей среды самозванца царевича Петра, устремившегося во главе своих сторонников в центральные уезды Московского государства. Кочующие в приволжских степях ногайцы занимают неопределенную позицию по отношению к развернувшейся в стране борьбе за власть.

События Смуты на территории Нижнего Поволжья не раз оказывались в поле зрения исследователей. Однако позиция астраханских юртовских татар в отношении происходящих в стране событий начала XVII в. не привлекала к себе пристального внимания научного сообщества. Так, в 1913 г. в Астрахани была издана брошюра, посвященная событиям Смуты на территории Нижнего Поволжья. Однако в ней лишь в одной из статей, автором которой является К. Малиновский, упоминается об участии юртовцев в событиях Смутного времени в Астрахани, когда на заключительном этапе Смуты здесь оказываются атаман И. Заруцкий со своими сторонниками вместе с польской авантюристкой М. Мнишек и ее сыном от Лжедмитрия [2, с. 12]. А.А. Новосельского данная тема интересовала в контексте истории московско-татарских отношений в период польской интервенции начала XVII в. По мнению автора, «в момент прихода Шереметева под Астрахань юртовские

татары во главе с Канай мурзой Тинбаевым и едисаны с Янарасланом мурзой Урусовым признали Самозванца и подчинились Хворостинину» [4, с. 59]. Указанные работы, как и многие другие исследования, лишь в самых общих чертах затрагивали роль юртовцев в событиях Смуты на Руси, порой весьма поверхностно трактуя степень их взаимоотношений с участниками внутриполитической борьбы в Московском государстве и соседними народами. По сути, в историографии не предпринималось попыток всесторонне рассмотреть и выявить степень вовлеченности астраханских юртовских татар во внутривнутриполитические события начала XVII в.

Астраханские юртовские татары на рубеже XVI–XVII вв. играли важную роль в обеспечении интересов Московского государства на юго-востоке страны. Основным местом их расселения были предместья Астрахани. Юртовцы находились в подчинении у астраханских воевод. Местные власти широко привлекали их наряду со стрельцами и казаками к выполнению различных поручений, а также использовали в качестве военной силы [2, с. 350, 360, 446]. Например, в конце XVI в. (в документах упоминается 107 год от сотворения мира и последующее время) юртовские татары вместе с астраханскими стрельцами из приказа М. Кашкарова ходили в поход с отрядами Больших ногаев на мурз Казыева улуса, которые перед тем принесли в Астрахани присягу на верность царской власти, но не устояли на шерти и разорили улусы бия Иштерека и других ногайских мурз, вступив в подданство к крымскому хану. В составе объединенного московского войска юртовцы «с Казыевым улусом билися, и мурз и улусных людей многих побили, и улусы многие поимали» [6, с. 124]. Обычной практикой было также размещать у астраханских татар в юртах людей, сопровождавших ногайских мурз на переговоры в Астрахань. Как правило, приезжавшим мурзам отводили помещения в самом городе, а их многочисленную свиту помещали в татарских юртах [6, с. 91].

Посланцы московских и астраханских властей часто встречали астраханских юртовских татар в ногайских улусах. Причем, характер этих встреч показывает, что русские власти не знали заранее о том, что встретят там астраханских юртовских татар. Это говорит о том, что юртовцы пользовались определенной свободой действий. Тот факт, что ногайские мурзы нередко подозревали юртовцев в краже у их людей лошадей, также свидетельствует о том, что астраханские татары могли позволять себе самовольные действия. Так, в переписке бия Больших ногаев Иштерека с астраханскими воеводами в 1608 г. шла речь о том, что у ногайцев были отогнаны 100 лошадей. В ответ на эти претензии из Астрахани заявили ногайскому бию, что «те лошади отгромили у вас казаки, да Казыева улуса Тотаровя, а наши... (обрыв текста – *И.Т.*) и Юртовские Тотаровя их не ви... (обрыв текста. – *И.Т.*)» [9, с. 327]. Несмотря на то, что текст грамоты астраханского воеводы к ногайскому бию сохранился не полностью, можно с большой долей вероятности предположить, что воевода оправдывал действия своих подчиненных, к числу которых он относил и юртовцев, перекладывая вину за грабеж табуна на сторонние силы.

С воцарением летом 1605 г. на московском престоле Лжедмитрия в Астрахань направляется на воеводство князь И.Д. Хворостинин, ранее уже

занимавший этот пост [5, с. 101, с. 80]. С этого времени юртовцы начинают следовать в русле проводимой этим астраханским воеводой политики, направленной на поддержку притязаний обоих Лжедмитриев на московский трон. Подтверждением этому может служить тот факт, что все население Астрахани оказало активное сопротивление войскам царя Василия Шуйского, направленным в 1606 г. в Нижнее Поволжье. Воеводы Ф. Шереметев и И. Салтыков отмечали в отписке в Посольский приказ: «И в Астрохани, государь, князь Иван Хворостинин и астроханские люди тебе государю изменили и нас, холопей твоих, в город не пустили, и мы, холопи твои, не доходя Астрохани за пятнатцать верст, зделав городок на Балчиковском острове, стали до твоего государева указу». Перечисляя «государевых изменников», царские воеводы указали, что к ним относятся астраханские люди и юртовские татары [7, с. 157–158].

Ф. Шереметев и И. Салтыков планировали увеличить свои силы за счет ногайцев бия Иштерека, но переговоры с ним, начатые в 1607 г., затянулись. Тем временем, отмечали они, «на нас, холопей твоих, в ту пору пришли под городок твои государевы изменники астроханские и терские люди и юртовские татаровя и донские и волские и терские казаки конные и пеши з большим и верховым нарядом» [7, с. 161]. Царские войска оказались в осаде. Воеводы пытались вызвать к себе помощь из других городов, присягнувших Василию Шуйскому. В Саратов к воеводе Замятне Сабурову была отправлена из Балчика станица с сыном боярским И. Сколковым, которая добралась до места, но на обратном пути посланцев саратовского воеводы перехватили неизвестные люди. Посланец воеводы Ф. Шереметева П. Вразский на встрече с бием Иштереком возложил вину за это на ногайцев, но глава Больших ногаев заявил, что «тое станицу побили не их улусные люди», а юртовские татары [7, с. 173–174].

Не получив ожидаемой помощи ни от ногайских мурз, ни от других царских воевод Ф. Шереметев и И. Салтыков, выдержав осаду в Балчикском городке, вынуждены были в 1608 г. отступить к городу Царицыну, который им пришлось брать с боем. Астраханцы вместе с юртовскими татарами не преминули воспользоваться отступлением царских войск, чтобы придать в глазах ногайцев значимость одержанной ими победы. Воеводы Ф. Шереметев и И. Салтыков признавали, что их отступление было умело использовано астраханцами для разгрома ногайских улусов. «А твои государевы изменники астроханские люди и юртовские тотаровя погромили их обманом, – отмечали они, – потому как пошли мы, холопи твои, з Балчика к Царицыну и астроханские люди и юртовские тотаровя к ним присылали, бутто мы, холопи твои, от них побежали, и он бы Иштерек князь и мурзы с ними помирились, и рыбную ловлю у них по прежнему взяли и кочевали блиско Астрохани в Мочакех, а они их учнут оберегати. И Иштерек князь и мурзы, поверя им учили к Астрохани кочевати, и Астроханские люди и юртовские тотаровя приманя их к Астро(хани) блиско, на них приходили и улусы и(х) громили» [7, с. 161].

После разгрома ногайских улусов «рознь и бой был у астроханских людей меж собя с воровскими казаки», в ходе которого астраханцы нанесли

поражение казакам, у которых отняли имущество и речные суда. По дошедшим до царских воевод сведениям, вышедшие из юртов в ногайские улусы татары говорили, что «астроханские люди и юртовские татаровя тебе государю бити челом и вины свои принести не хотят, а (бу)дет поидет к Астрахани твоя государева многая рать з большим нарядом, и оне хотят бежать, астроханские люди на Яик и на Дон, а тотаровя в Кумыки» и в другие места [7, с. 161–162].

Как можно видеть, данный период времени характеризуют постоянные конфликты между жителями Астрахани и округи. Весьма часто жертвами погромов оказывались ногайские улусы. Таким образом, например, была совершена серия нападений со стороны астраханцев и, в частности, юртовских татар на улус ногайского Алея-мурзы, во время которых «государевы изменники астраханские люди и юртовские тотарове и казаки во шти местех и многих у них тотар побили и ясырь и животину поймали». Царские воеводы были убеждены, что эти нападения были спланированы целенаправленно. Они указывали, что «обманули де их Астраханские люди и юртовские татаровя ссылкой, что присылали к ним о мире и приказывали, чтоб оне кочевали к Астрахани блиско в Мочекех, а они их учнут оберегати, и оне де поверя им подкочевали блиско» [7, с. 162].

Тем временем царские воеводы в Царицыне не оставляли попыток привлечь на свою сторону Больших ногаев. К бию Иштереку вторично был послан П. Вразский, который приложил максимум усилий для выполнения своей миссии. Однако бий Иштерек проявлял нерешительность. П. Вразский убеждал ногайцев, что в Астрахани объявились люди, утверждавшие, что Лжедмитрий жив и находится в городе Орле. Астраханские «воры» обрадовались этим вестям и отказались верить боярским грамотам, в которых говорилось о разгроме царскими войсками отрядов И. Болотникова в Туле и аресте мнимого царевича Петра. «А хотят де послать вскоре на украйну по Крымской стороне станицу проведывать про мертваго Растригу, – говорил П. Вразский, – а посылают в той станице вора Петрушку Уварова, а с ним астраханских стрельцов и юртовских татар полтора ста человек». В связи с этим он просил бия Иштерека направить своих людей на крымскую сторону Волги для перехвата астраханских посланцев [7, с. 181]. Но бий Иштерек предпочел перевести свои улусы на противоположную ногайскую сторону Волги.

С появлением в 1608 г. известий о втором Лжедмитрии юртовские татары Янтура и Ышкиной «с товарищы» ездили по заданию астраханского воеводы князя И.Д. Хворостинина к бию Иштереку и другим влиятельным ногайским мурзам с призывом присоединиться к его сторонникам в Астрахани. Однако ногайские мурзы на тот момент воздерживались от перехода на чью-либо сторону в политическом конфликте в Московском государстве. Побывавшие в улусах ногайского мурзы Аксак-Кельмамета юртовские татары из «улуса» Янмамета Тарыбердиева сына Ромазанова встретили русского человека, который сообщил им, что он был послан от Великого Государя в составе станицы с сотником стрелецким И. Юдиным в «Царство Асторохан-

ское», но всех их захватили ногайцы. После того, как об этом стало известно в Астрахани, воевода И.Д. Хворостинин направил к бию Больших ногаев своих посланцев – юртовских татар Арысланбека (Арасланбека) и Исенгула с просьбой найти и прислать в Астрахань сотника И. Юдина и других стрельцов, «которые живы», в очередной раз приглашая всех Больших ногаев подчиниться власти Лжедмитрия [9, с. 326–327].

Затянувшаяся внутривосточная борьба в Московском государстве сопровождалась ростом цен на продукты, что накладывало свой отпечаток на настроения жителей Нижнего Поволжья. Среди юртовских татар стали появляться сторонники примирения с действующей в стране царской властью. П. Вразский отмечал в отчете о переговорах с бием Иштереком, что встретил в ногайских улусах двух астраханских юртовских татар, с которыми обсуждал возможность отхода юртовцев от астраханских мятежников и их переход на сторону царских войск, сосредоточенных в Царицыне. Астраханские юртовские татары Арасланбек и Исенгул заявили ему, что «оне рады служить великому государю ц. и в. к. Василью Ивановичю в. Р. да токо де им к боярину и воеводе к Федору Ивановичю Шереметеву на Царицын ехать нельзе, потому что у них в Астрахани в юртех жены и дети и астраханские люди, уведав то, жен и детей их побьют» [7, с. 191–192].

Узнав о приезде к бию Иштереку двух астраханских юртовских татар с посланием от астраханцев, воевода Ф. Шереметев обратился к нему с просьбой выдать в Царицын «государевых изменников», но получил в ответ категорический отказ. Бий Иштерек сослался на традиции восточной дипломатии, согласно которым было не принято выдавать посланцев. «А юртовских де он татар в Астрахань отпускает назад для того, – сообщили воеводе Ф. Шереметеву, – чтоб де ему Иштереку князю извесно было, что у государевых изменников у астраханских людей умышленья» [7, с. 192–193].

После ухода войск Ф. Шереметева вверх по Волге политическая ситуация в Нижнем Поволжье стабилизировалась. В июне 1611 г. бий Больших ногаев Иштерек говорил царскому послу П. Вразскому, что жители Астрахани решили дожидаться разрешения внутривосточного конфликта в стране, не принимая чью-либо сторону. Приехавший накануне в ногайские улусы юртовский татарин говорил бию Иштереку, что «присылал де вор из украинских городов в Астрахань грамоты, а в грамотах писал к Астраханским людям, чтоб деи бы они убили князя Ивана Хворостинина; и тое де грамоту взяли в слободу конные стрельцы Ивановского приказу Кашкарова, а в мир де ее не дали и новоприборным стрельцам, и за тое де у них была рознь великая: с Ивановским деи приказом Кашкарова за один стали юртовские татаровя, а с новоприборными стрельцы стали за один Яраслановы татаровя Егисанское родство и друг от друга меж собою стали беречись, Кашкаровы стрельцы не пускали к себе в слободы, а те в город к себе не пускали многое время и помирились де меж собою на том: хто на Московском государстве государь, того деи они и все холопи» [8, с. 14].

Как видим, в период междуцарствия астраханские юртовские татары демонстрировали самостоятельную политическую позицию по отношению к

происходящим в стране событиям. Они встали на сторону стрельцов приказа И. Кашкарова. При этом люди Янараслана-мурзы Урусова поддержали ново-приборных стрельцов. Уже один этот факт говорит о том, что юртовцы не подчинялись Янараслану-мурзе. С другой стороны, размежевание во взглядах между юртовцами и джетисанцами произошло на фоне раскола среди астраханских стрельцов. В то время как юртовские татары объединились со стрельцами приказа И. Кашкарова, служивших в Астрахани, по крайней мере, с начала 1590-х гг., джетисанцы, относительно недавно обосновавшиеся у Астрахани, больше тяготели к новоприборным стрельцам, которых, как и их, еще мало что связывало с Астраханью.

Появление в Астрахани в 1613 г. отряда И. Заруцкого вновь дестабилизировало обстановку в Нижнем Поволжье. Он убивает в Астрахани воеводу И.Д. Хворостинина и устанавливает в городе свои порядки. За время его управления Астраханью в городе происходят погромы торговых рядов и расхищаются казенные припасы. В добавление к этому И. Заруцкий начинает вынашивать планы по установлению связи с персидским шахом, совместном с ногайцами походе в Среднее Поволжье [1, с. 21, 27, 29, 421; 2, с. 545–546]. Вызывающее поведение в городе сторонников И. Заруцкого настроило против него местных жителей. Между ними начались конфликты, переросшие в вооруженные столкновения, в которых использовалась даже артиллерия. В этой обстановке юртовские татары принимают сторону жителей Астрахани. Табунные головы Ромазан и Сююндук «с товарищи» приезжали в город «проведывать» не поймали ли «вора Ивашка Заруцкого». Очевидцы утверждали, что юртовские татары вступили в бой с мятежниками И. Заруцкого и трех человек «срубили» у них на глазах [1, с. 30, 436].

Вступивший в 1613 г. на московский престол Михаил Федорович Романов предпринимает активные шаги по наведению порядка в стране. 3 апреля 1614 г. в грамоте к воеводам князьям Ю.Я. Сулешову и Н.П. Борятинскому, назначенным на службу в Алатырь, он приказывает выступить с «конной ратью» на «воров» И. Заруцкого с «товарищи», засевших в Астрахани [10, с. 90]. Воеводы должны были стараться через «лазутчиков» выведать у казаков на Дону, Волге и Яике о положении дел в отдаленной окраине Московского государства. В частности, как местные жители относятся к И. Заруцкому, сколько «ныне в Астарахани всяких ратных людей, всякого бойца и сколько юртовских Татар», а также каковы планы у мятежников. Помимо этого царя интересовал расклад сил среди нижеволжских кочевников. Он хотел знать: «где Араслан мурза Урусов, в Астараханиль, или из Астарахани куды отпущен, и буде отпущен, и куды отпущен и сколько с ним Татар его», чем занимаются Большие ногаи во главе с бием Иштереком и «нет ли у него в Астарахань к вору Ивашке Заруцкому на Государя какой ссылки» [10, с. 94].

В мае 1614 г. прибыла в Самару «степью коньми станица» с «Русскими людьми и с юртовскими с Астараханскими Татары», которые рассказали о последних событиях в Астрахани. Они сообщили, что терские служилые люди перехватили посланца атамана И. Заруцкого в Кабарду, ехавшего с призывом к местным князьям присоединиться к нему для совместного нападения

на российские земли. Сам И. Заруцкий намеревался напасть на Терский городок и разорить его, а местного воеводу П. Головина и «многих людей» казнить. Узнав об этом П. Головин вместе со всем «миром» принесли присягу царю Михаилу Федоровичу и «отпустили по Астрахань» отряд стрельцов, казаков и детей боярских во главе со стрелецким головой В. Хохловым (700 человек). Придя к Астрахани, В. Хохлов «юртовских табанных голов и юртовских и Янараслановых Татар за Государя к шерти привели, и над Астраханскими воры учили промысль чинить». К нему на Цареву Протоку выбежало «Астраханских людей с огненным боем... больше дву тысяч человек, а жен и детей выбежало до шести тысяч душ». И. Заруцкому удалось арестовать Янараслана-мурзу Урусова, но его дети перебежали к В. Хохлову. Ногайский бий Иштерек уклонился от конфликта в Астрахани, откочевав в Черкасские горы, но при этом он со всеми улусами «шертвовал» царю Михаилу Федоровичу. Получив поддержку со стороны части астраханцев, В. Хохлов перешел к активным действиям, «посылал посылку Терских стрельцов и казаков и Астраханских выходцев и Янараслановых и юртовских Татар, и ворде Ивашка Заруцкой встречу высылал вылазку... и у вора у Ивашки Заруцкаго многих людей побили и ныне де вор Ивашка Заруцкой сидит в осаде, а с ним де всех воров с тысячу человек» [10, с. 97–98].

17 мая 1614 г. царские воеводы И. Одоевский и С. Головин направляют грамоту к астраханским юртовским татарам с призывом присоединиться к царским войскам, направленным для освобождения Астрахани от И. Заруцкого. Грамота была адресована юртовским табунным головам Ромозану и Сююндуку «с товарищи» и всем юртовским татарам. В ней сообщалось о нападении на Московское государство иноземцев (польских, литовских и немецких людей), которые «царствующий град Москву выжгли». Но впоследствии народное ополчение освободило столицу Московского государства и другие города, лишь в одной Астрахани «вор» И. Заруцкий с М. Мнишек «заводят воровство и смуту». «И вы деи Юртовские Татаровя все, – говорилось в грамоте, – видя Ивашково и Маринкино воровство и завод, все соединились с Астраханцы, которые от Ивашки и от Маринки и от казаков отстали, и пришли в познанье и прямите Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всея Руси, и над вором над Ивашкой Заруцким и над Маринкою и над воры промышленяете, и воров побивали». Воеводы сообщали, что они спешно идут к Астрахани «со всеми ратными людьми» и обещали юртовцам за помощь против сторонников И. Заруцкого великое царское жалованье [1, с. 439–440].

Данный призыв, надо полагать, был услышан астраханскими татарами. Перечисляя служилых людей, участвовавших в борьбе с И. Заруцким в Астрахани, стрелецкий сотник В. Хохлов отмечал астраханских юртовских табунных голов Ромозана Хозя Утелишева и других, которые «служили государю под Астраханью, не щадя голов своих, бились с воры на смерть» [2, с. 548].

По оценке В. Хохлова, юртовских татар и людей мурз «Урусова родства», поддержавших его отряд в боях под Астраханью, насчитывалось свыше двух тысяч человек [2, с. 548]. При этом имеются сведения, что в указан-

ный период многие «старые де татаровя, которые изстари жили и породились в Асторохани и те татаровя из Асторохани разбежали же ся в ногаи» [1, с. 422]. Данный факт свидетельствует, что в период Смуты в Московском государстве часть юртовцев предпочла удалиться в ногайские улусы, где рассчитывала переждать беспокойные времена.

Таким образом, можно видеть, что в период Смутного времени на Руси астраханские юртовские татары сыграли заметную роль в событиях, проходивших в Нижнем Поволжье. Изначально они ориентировались во внутренней политике на тех представителей русской власти, которые находились на воеводстве в Астрахани. Этим объясняется тот факт, почему юртовцы поддерживали назначенного Лжедмитрием воеводу И.Д. Хворостинина в его противостоянии с войсками царя Василия Шуйского.

Астраханские юртовские татары активно участвовали в вооруженной борьбе астраханцев не только с ратными силами под командованием Ф. Шереметева и И. Салтыкова, но и агрессивно вели себя по отношению к Большим ногаям, на улусы которых они неоднократно нападали. На завершающем этапе Смуты во многом благодаря помощи юртовских татар царским войскам удалось одержать верх над сторонниками И. Заруцкого в Астрахани. При этом юртовцы поддерживали более тесные связи с теми астраханцами, с которыми их связывали давние служебные отношения. С новоприборными стрельцами и казаками, волею судьбы оказавшимися в Астрахани, они не всегда находили общий язык.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Астраханские юртовские татары в орбите внутренней и внешней политики России в XVII–XVIII вв.», проект № 14-01-00054/а.

Список литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 3. СПб., 1841. – 523 с.
2. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел Сергеем Ал. Белокуровым. Выпуск 1-й 1578–1613 гг. М., 1889. – 715 с.
3. Малиновский К. Заруцкий и Марина Мнишек в Астрахани. Освобождение от них города // 300-летие освобождения Астрахани от мятежной шайки Заруцкаго и Марины Мнишек. (1614–1914 г.г.). Астрахань: Тип. А. Штылько (Астрах. Вестник), 1914. С. 6–14.
4. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. – 448 с.
5. Разрядная книга. 1475–1605. Т. IV. Ч. 2. / Под ред. В.И. Буганова, Н.М. Рогожина. М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 144 с.
6. Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг.: Материалы, изд. Императорской Академией истории и древностей рос. при Моск. ун-те. М.: Императорская Академия истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1910–1918. Вып. 1: Акты времен Лжедмитрия I-го. (1603–1606 гг.) / Под ред. Н.В. Рождественского. 1918. – 6, 328 с.
7. Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг.: Материалы, изд. Императорской Академией истории и древностей рос. при Моск. ун-те. М.: Императорская Академия истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1910–1918. Вып. 2: Акты времени правления царя Василия Шуйско-

го. (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / Собрал и редактировал А.М. Гневушев. 1918. – 421 с.

8. Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг.: Материалы, изд. Имп. о-вом истории и древностей рос. при Моск. ун-те. М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1910–1918. Вып. 3: Акты времен Междуцарствия. (1610 г. 17 июля – 1613 г.) / Под ред. С.К. Богоявленского и И.С. Рябина. 1915. – 264 с.

9. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2. М., 1819. – 612 с.

10. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 3. М., 1822. – 540 с.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СТУДЕНЧЕСТВА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В 1920-е гг.

Хаблиева Л. Ч.

канд. пед. наук, доцент, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия, г. Владикавказ

Храленкова Е. В.

студентка 4 курса исторического факультета, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия, г. Владикавказ

В статье рассматриваются мероприятия советской власти по формированию нового «пролетарского» студенчества как опоры в реализации намеченных масштабных преобразований всех сфер жизнедеятельности общества.

Ключевые слова: пролетарское студенчество, Главпрофобр, классовый подход, идеологическое воспитание.

После Октябрьской революции 1917 г. в числе глобальных преобразований, намеченных советской властью, оказалась и сфера образования. Руководство страны делает ставку на молодежь как на опору установленного строя, новое «пролетарское» студенчество должно было стать оплотом противостояния чуждым буржуазным элементам.

Хлынувшему потоку детей крестьян и рабочих в высшие учебные заведения способствовал принятый Советом народных комиссаров в августе 1918 г. Декрет о правилах приема в высшие учебные заведения, по которому обучение объявлялось бесплатным и «каждое лицо, независимо от гражданства и пола, достигшее 16-ти лет, могло вступить в число слушателей любого высшего учебного заведения без представления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо школы» [1, с. 23]. Формирование нового учебного процесса осуществлялось на базе классового подхода к подготовке кадров и пересмотре планов и программ в соответствии с марксистской идеологией. Несмотря на тяжелое экономическое положение, по всей стране создавались новые учебные заведения. 5 октября 1918 г. в Терской республике учреждается Владикавказский (позже – Горский) советский политехнический институт, а в 1920 г. основано первое высшее педагогиче-

ское учебное заведение на Северном Кавказе – Терский институт народного образования. Получили свое развитие и такие учреждения как рабочие факультеты, проводившие подготовку абитуриентов к высшей школе или поступлению в ВУЗы. Осенью 1920 г. при Горском политехническом институте был создан Владикавказский рабочий факультет с трехгодичным сроком обучения. В находившихся в 20-е гг. XX в. на привилегированном положении рабфаках имелся доступ к материально-технической базе университетов, вводились новые, ориентированные на специфику курса программы.

Строгое следование планам обучения и идеологическое воспитание контролировало Главное управление профессионального образования (Главпрофобр). Комсомольские ячейки и профсоюзы вовлекали студентов в общественную деятельность путем организации антирелигиозных митингов и политических кампаний. Каждый ВУЗ имел собственную стенгазету, посвященную жизни университета, студенческому досугу. Под эгидой кампанией «Долой неграмотность» студенты занимались ликвидацией безграмотности местного населения и просветительской работой в частях Красной армии. В свою очередь, профессорско-преподавательский состав был настроен негативно к подобному времяпровождению, отвлекающему от научной деятельности и призывам активистов «вовлечь профессуру в круг ударных интересов пролетарского студенчества в лице владикавказской секции научных работников» [3, с. 112].

В то же время, во второй половине 1920-х гг. происходит сокращение числа учебных заведений. Продолжалась борьба с инакомыслящими элементами – продолжавших держаться за буржуазные принципы преподавателей увольняли, а учащихся отчисляли.

В декабре 1922 г., X съездом Советов было решено установить плату за обучение для детей нэпманов, мелкой буржуазии и служащих. Такая мера предполагала поддержку находящихся в бедственном положении студентов за счет переноса части денежного бремени на более обеспеченные слои населения.

В 1925 г. во Владикавказе было открыто общество помощи пролетарскому студенчеству. Организация оказывала помощь за счет устраиваемых концертов, лекций, пожертвований и ежемесячных взносов членов общества [3, с.135].

Советскому студенту нередко приходилось жить в долг: государственную стипендию получало менее половины всех учащихся республики, которые в массе своей, происходили из рабоче-крестьянских семей и отличались лояльностью к власти. Однако траты на проживание и общественные взносы часто перекрывали стипендию. Тем же, кто остался без поддержки государства, приходилось рассчитывать на помощь родственников или снимать жилье. В наиболее выгодных условиях находились уроженцы Владикавказа и жители близлежащих поселений, которым могли рассчитывать на помощь семей. Большая часть русского студенчества, прибывшая из разных уголков страны, и учащиеся из соседних республик находились в крайне бедственном положении. Вынужденные искать разнообразные источники дохода, они не

гнушались ни тяжелой физической работы, ни организации платных лекций [6, с.238].

Большое число учащихся забирало документы, не выдержав тягот самостоятельного проживания. Газеты того периода, описывая условия их жизни, сообщают о неблагоустроенных и переполненных общежитиях, а зачастую и отданных под таковые, непредназначенные для проживания здания монастырей и гостиниц. Студентам не хватало мебели, а комнатам требовался ремонт. Отсутствие освещения и отопления были частым явлением. Острая нехватка помещений вынуждала студентов ночевать в аудиториях и клубах.

В середине 1920-х гг. в словарный обиход людей входит новое слово – коммуна. Обобществление пространства, всех материальных ценностей, и подавление своей внутренней индивидуальности на благо всего коллектива являлись необходимыми условиями совместного проживания. Первые коммуны в Северной Осетии образовывались студентами рабфака и молодыми рабочими, чье материальное положение оставляло мало шансов выжить в одиночку. Передача всего имущества в общий котел виделась счастливой альтернативой тяжести единоличного выживания при слабой поддержке государства. Идею подобного объединения горячо приветствовали многие комсомольские активисты. Статьи расходов в этих объединениях определял, как правило, весь коллектив. Согласно принципам коммуны, на долю всего коллектива приходились не только доходы, но и выплата долгов тех ее членов, кто жил займами от заработка к заработку.

Но удачная на первых порах идея на практике часто не выдерживала реальности. Рано или поздно начинали возникать противоречия между жильцами коммуны: те, чья доля в общей пайке была большей, требовали соответственного распределения, что наталкивалось на противостояние остальных членов общества. В итоге принцип обобществления все же побеждал, и недовольному приходилось либо мириться с обстоятельствами, либо покидать объединение. Некоторые, чаще женщины, уходили под давлением семьи или из-за замужества. Бывали случаи и наоборот, когда в коммунистической ячейке могла проживать одна, а порой и несколько супружеских пар. Порой женщины следовали за своими женихами, принимая взгляды и условия коммуны, как это красноречиво показано в журнале Смена:

« Она знает, что я живу в коммуне. Она одних со мной убеждений!» [4, с.3]. В одних коммунах все члены подчинялись строгому распорядку дня. «Так, в течение целого ряда месяцев тянулась жизнь коммунаров» [4, с. 4] В других, наоборот, частым явлением могли быть пьянки, скандалы и нежелание кого-либо из коммунаров наводить порядок на общей территории.

Психическое перенапряжение, тяжелые условия труда, антисанитария и грязь являлись причиной возникновения среди студенчества серьезных заболеваний и психических расстройств. Порой такая дорожка доводила до хулиганства и преступлений. Пьяные драки, грабежи и изнасилования нередко совершались под воздействием алкоголя и поставляемого из-за границы кокаина – «марафета». «Представители правящего класса социалистического общества составляли, по данным 1927 г., почти 70 % постоянных потребите-

лей услуг продажных женщин, которые активно торговали «марафетом» [2, с.9]. В целях борьбы с подобными формами проведения досуга был принят Декрет, запрещающий торговлю наркотиков, а с 1925 г. по стране стали открываться первые наркодиспансеры. В конце 1920-х гг. правительство начало антиалкогольную кампанию, активисты проводили культурно-просветительскую борьбу с язвами народа.

Тем не менее, большая часть студенчества предпочитала использовать редко выпадающие дни отдыха для посещения театра и кино, на экскурсии по Владикавказу. Большой популярностью пользовались походы в горы вечера на городском пляже. Обеспеченная молодежь могла позволить себе поездки в городской парк. При активном участии партийных работников и комсомола создавались кружки и клубы, проводились концерты и выставки.

Таким образом, проводя с одной стороны активную идеологическую политику, с другой, власть помогала молодому поколению социализироваться и не сгибаться под грузом внешних обстоятельств. Курс на коллективное взаимодействие и помощь сплачивал людей в единый советский народ.

Список литературы

1. Декрет о правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР от 2 августа 1918 г. М., 1972.
2. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб., 1999. С. 9.
3. Синанов Б. А. Повседневная жизнь «нового студенчества» Северной Осетии в 1920е гг.: дисс. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Синанов Борис Андреевич; [Место защиты: Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова].- Владикавказ, 2010. – 176 с.
4. Смена. 1929. № 19. С. 3.
5. Смена. 1929. № 19. С. 4.
6. Хубулова С.А. Гапеева М.С. «Маленькие люди» в «большой истории» повседневная жизнь владикавказских обывателей в 1917-1920 гг. Владикавказ, 2007. – 390 с.

Для заметок

Научное издание

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Сборник научных трудов
по материалам IX Международной научно-практической
конференции

г. Белгород, 31 декабря 2015 г.

В восьми частях
Часть IV

Подписано в печать 31.12.2015. Гарнитура Times New Roman
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 9,07. Тираж 100 экз. Заказ 259
ООО «ЭПИЦЕНТР»
308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1
ИП Ткачева Е.П., 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а